

ПРОТОИЕРЕЙ ЛЕВ ЛЕБЕДЕВ

КРЕЩЕНИЕ РУСИ

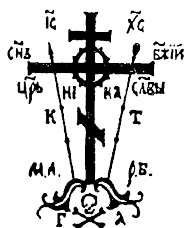
Протоиерей
ЛЕВ ЛЕБЕДЕВ

Крещение Руси

МОСКВА

20 (Xp) 03

Перепечатано с издания
Московской Патриархии 1987 года, вышедшего
по благословению
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси

ПИМЕНА

Общая редакция
Митрополита Волоколамского и Юрьевского
ПИТИРИМА

ISBN 5-85134-044-4

© Протоиерей Лев Лебедев 1987

© «Русский Хронограф»¹⁹⁹¹». 2003

Принятие Русью христианства — событие, значение которого в исторической судьбе русского народа, России переоценить невозможно. Время не имеет над ним власти, и можно с уверенностью сказать, что и сегодняшняя наша жизнь с ее противоречиями, поисками духовных ценностей, стремлением обрести смысл, не уничтожаемый смертью, самым тесным образом связана с тем августовским днем 988 года, когда Киевская Русь стала Русью христианской. С каких бы позиций мы ни подходили к факту Крещения Руси, нельзя не признать его определяющего влияния на русскую культуру и русскую государственность, нельзя не вспомнить, что религиозное начало помогло собрать национальные силы, сбросившие ханское иго, сохранившие Россию в годы Смуты и военного лихолетья.

988 год явился закономерным итогом духовного развития Руси.

Автор книги показал, что Русь внутренне, духовно, всей своей сутью, была готова к принятию христианства, что семя христианства

упало на благодатную почву и принесло обильные плоды.

Общественная значимость этой работы состоит в том, что она побуждает к размышлению о судьбах России. Нам надо много думать о нашем Отечестве, надо проникнуться его заботами и чаяниями, его тревогами. Вот почему столь важно всякое искреннее и правдивое слово, помогающее уяснить историческую судьбу России, — все то, что уготовано ей пережить и преодолеть.

Автор выстраивает систему аргументов, вводя в их круг и те, которые давно и широко известны и составляют неотъемлемую часть нынешних представлений о далеком прошлом нашей Родины, в частности решительно возобладавшие над теорией норманнского происхождения русских и русской государственности доводы в пользу именно русских корней древа, получившего великое имя Россия. «Варяги, — пишет автор, — это прежде всего воины на службе у русских». Казалось бы: зачем повторять уже известное? Однако автор естественно и последовательно повторяет путь многих ученых, чтобы еще и еще раз подчеркнуть: Русская земля — это земля именно русская и по плоти, и по духу. Нарботанный поколениями ученых материал автор использует творчески — как плодородную почву, из которой рождаются его собственная, оригинальная и яркая мысль и вся его система доказательств.

В главе «Русское язычество» автор сделал вывод об относительной простоте (незнании так называемых «глубин сатанинских») русского язычества и связанной с этим особой предуготованности Руси к восприятию христианства.

Историко-этнографический очерк дохристианской Руси содержит весьма тонкие наблюдения и среди них, например, рассуждение о воле как о стремлении к движению, свойственном древним русским людям. «В одних случаях, — пишет автор, — это стремление к перемещению в пространстве в буквальном смысле, в других — это тяга к движению духовному, к непрестанному углублению в смысл бытия». Иными словами, воля (в русском понимании) — это особенное духовное состояние, непременно связанное с необходимостью преодоления каких-либо ограничений.

Глубоких и точных замечаний подобного рода в работе немало. Ими изобилуют вдумчивый анализ «Повести временных лет», толкование своеобразных отношений Руси и Византии, а также высказанное почти мимоходом глубокое замечание о церковнославянском языке, с помощью которого «славянству возвращается возможность такого же общения с Богом, какое имели люди до безумной затеи строительства Вавилонского столпа и получения вследствие этого разных языков».

В труде автора впервые поставлена и ре-

шена проблема обретения и становления *национальной личности* Руси. Исторический материал и его богословское построение позволили сделать это с достаточной убедительностью.

Применительно к русской действительности решается также проблема *конкретного содержания естественной нравственности*, что имеет немаловажное значение для разработки вопроса о жизнестойкости наций вообще.

В работе показана необоснованность сомнений акад. Е. Е. Голубинского и других ученых в сообщении летописи о пребывании на Руси Апостола Андрея Первозванного.

Обнаружена также тесная духовно-историческая связь движения иконопочитания и «Торжества Православия» в Византии с процессом обращения Руси к вере Христовой.

С привлечением не только древних летописных данных, но и работ наших ученых автору книги удалось показать, что святая княгиня Ольга крестилась в Константинополе, а благоверный и равноапостольный Владимир — в Херсонесе Таврическом и именно в 988 году.

В последних главах монографии отмечены наиболее важные духовные последствия событий 988 года.

Небезосновательно предположение автора, что имеющийся в «Повести временных лет»

текст поучения «философа» князю Владимиру — это не сохранившийся более нигде, кроме нашей летописи, и считающийся утраченным огласительный (для славян) трактат равноапостольного Константина (Кирилла) Философа (IX век).

Большой исследовательский труд, серьезность и глубина размышлений, сознание автором ответственности за слово и дух своей работы, надеюсь, не оставят равнодушными ее читателей.

Митрополит Волоколамский
и Юрьевский ПИТИРИМ,
профессор Московской
Духовной Академии,
Москва, 1986 год.

—“Откуда есть пошла Русская земля... и откуда Русская земля стала есть”

988 год... Русские люди со страхом и верою погружаются в освященные воды Крещатика, Почайны и Днепра, чтобы принять Святое Крещение. Время свивается, словно свиток, и воистину *тысяча лет, как день вчерашний!* (Пс. 89, 5). Ныне мы ликуем вместе с киевлянами, вместе со всей Русской землей, разделяя с ней радость просвещения светом Божией благодати, обретения истинной веры, единения со Христом!

Немало значений у русского слова «земля». Это и особая область творения Божия, отличная от бытия «неба» как

мира ангельских существ, это и первичное вещество всего видимого космоса, это и планета людей, это и почва, кормящая земледельца, это и государство или область, край, населенный народом или народами, это, наконец, и сам народ... [V, 2, «Земля»]*. Именно это последнее значение вложил в слово «земля» преподобный Нестор Летописец, когда написал: «Се повести временных лет, откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача первое княжити, и откуда Русская земля стала есть». Для Нестора эти вопросы больших загадок не содержали, но для нашего современника историческое, национально-этническое, географическое содержание понятия «Русская земля» неоднозначно. Достоверно неизвестно, когда именно и как пришли славянские племена на просторы между Балтикой и Уралом, в причерноморские степи, в северные леса. Кто может точно обозначить, где кончается собственно русская земля и начинаются земли зырян, мордвы, мари... Приблизительные пределы известны. Но точных границ не было и нет, они размыты...

И тем не менее всем всегда было ясно, что русский народ отличается от других, соседних с ним, что Русская земля — историко-географическая реалья.

Откроем первые страницы «Повести временных лет». Святой киево-печерский мо-

* См. главу «Источники и литература»; римская цифра указывает раздел, арабская — источник.

нах — преподобный Нестор, прозванный Летописцем, составил этот труд, как полагают, около 1113 года. Ученые считают, что он использовал по крайней мере три до него созданных летописных свода [I, 1, с. 418 — 419]. Они представляли собой перечень наиболее примечательных событий с указанием времени происшествия. Но только «под пером Нестора «Повесть временных лет» превратилась в стройное, подчиненное единой концепции и литературно совершенное произведение о первых веках русской истории», — свидетельствует акад. Д. С. Лихачев [I, 1, с. 419]. И, пожалуй, самым замечательным (во всяком случае, для нас теперь самым интересным) явилось обширное историко-географическое введение в летопись. Привлекая тексты Библии, хроники Георгия Амартола (IX — X вв.), древние предания, Нестор поведал своим современникам и потомкам о происхождении славян, месте русского народа среди других племен славянских, очертил необъятные пределы русских земель.

Он начинает свою «Повесть» со времен Ноя и разделения земель между тремя его сыновьями — Симом, Хамом и Иафетом, тут же рассказывает о строительстве и разрушении Вавилонской башни, о том, как «смешал Бог языки» (народы. — *Авт.*) и разделил их на 72 народа, и «рассеял по всей земле», затем — о том, как из племени Иафета произошли славяне (все это, конечно, без указания точных

обстоятельств и сроков), где они поселились, как из них выделилась «Русская земля» и как она соединяется с остальным миром, какими путями-дорогами-морями можно из Руси попасть в Рим, «в удел Сима», к «племенн Хамы» [I, 1, с. 25 – 27].

Перед нами последовательное, ясное, логичное повествование, выражающее уверенность в органическом единстве человечества! «Русская земля» предстает как бы одной из живых ветвей древа человеческого рода. Она не противопоставляется другим «ветвям», не выделяется, не превозносится. Пути-дороги к «Симу», «Хаму», в Рим в нашей летописи — не стратегические трассы, они — указатели соединения «Русской земли» с человечеством!

В основе этого представления лежит не сознательно сконструированная доктрина, но непосредственное мировосприятие, живое и духовное. При таком восприятии жизни совсем неважно, откуда и когда в точности пришли и поселились на просторах нынешней Русской земли славяне, каковы точные границы этой земли. Важно совсем другое — достоверное и точное (несмотря на все историко-географические неточности!) определение единства «Русской земли» с прочими «землями» — народами, единства, не упраздняющего самобытности Руси, любовная обращенность ко всему человечеству, не заглушающая сыновней любви к Матери-Родине — Русской земле.

«Не всякому народу, — пишет Д. С. Лихачев, — досталась на долю такая способность подняться над узостью национализма в своем высоком патриотическом сознании... Русь не была отгорожена Китайской стеной ни от южных, ни от западных, ни от восточных соседей. Это была мировая и мирная держава, не опасавшаяся своего поглощения соседними культурами... Именно это широкое сознание себя «народом среди народов» было свойственно и всем лучшим произведениям древнерусской литературы... Это замечательное сознание единства русского народа со всем человечеством, приобретая разные формы, станет существенной особенностью русской литературы на всем протяжении ее существования» [I, 1, с. 16]. Не только литературы, добавим мы, но главным образом — русского национального характера и самосознания.

Неизбежно возникает вопрос: как при подобном «широком» самовосприятии Русь могла соделаться и остаться нацией, государством с общеизвестным очень сильным чувством патриотизма?

Кажущийся повтор: «откуда есть пошла» и «откуда стала есть» Русская земля — не стилистическое несовершенство древней летописи. Первое выражение ставит вопрос о происхождении, второе — вопрос о становлении (оформлении, упрочении) Руси. В самом главии, таким образом, первая русская лето-

пись касается самой существенной не только для нашего народа, но и для всего человечества проблемы общего и особенного в народах и людях, сочетания единства и отличия, или природы и личности, как двух начал человеческого бытия.

В «введении» в летопись преподобный Нестор показывает не что иное, как происхождение всех народов из одного корня. Правда, он начинает с Ноя, но верующему читателю ясно, что род Ноя восходит к первозданному Адаму, тем более что далее, говоря о времени появления Руси, летописец прослеживает хронологию всей Священной истории от Адама. Нестор, таким образом, засвидетельствовал предельно отчетливое в его время сознание единства всех людей во Адаме «ветхом». Но это свидетельство исходит от человека, приобщенного «второму», новому Адаму — Иисусу Христу, от православного монаха-подвижника... Такое осмысление своего места в мире стало возможным только благодаря знакомству со Священной историей, с принятием христианства.

Но, с другой стороны, христианство создало на Руси как бы в недрах единства по «ветхому Адаму» новое единство, новую общность — Русскую Церковь, иерархический и канонический строй которой полагал закономерные пределы смещениям и слияниям, ограждал Русскую землю как общину верующих от других народов и даже от других Церк-

вей. Это не было противопоставлением себя другим. Церковная организация Русской земли явилась мощным средством сохранения и дальнейшего развития личностного начала русского народа. Предохранив его навсегда от поглощения другими культурами, Церковь и соделала Русь «народом среди народов», обеспечила его становление как нации — одной из ипостасей человечества [III, 9], закрепив ранее бывшие особенности национального характера и породив новые, вытекающие из новой веры! Вот «откуда Русская земля стала есть». Она «стала» (начала «становиться») с 988 года.

Как приближалась Русь к этому историческому рубежу? Какие особенности ее духовного состояния, внутренней и внешней жизни способствовали обращению ко Христу? Чтобы ответить на эти вопросы, надо рассмотреть хотя бы в общих чертах духовно-исторический путь Руси.

Происхождение славян

В середине II тысячелетия до Рождества Христова, т. е. во времена пророка Моисея и исхода древнего Израиля из Египта, предки славян (условно называемые праславянами) выделились из некогда однородной среды предков европейских народов, заняв обширную территорию — от Одера на западе до Среднего Поднепровья на востоке и от северных склонов Карпатских гор на юге до реки Припяти на севере (северная граница на западе доходила на Одере до Балтийского моря). Эта территория почти полностью принадлежит зоне широколиственных лесов, не имеющей высоких гор, которые служили бы препятствием для свободных связей, обмена, общения. Это обстоятельство в какой-то мере способствовало выделению праславян из более раннего единства, в которое

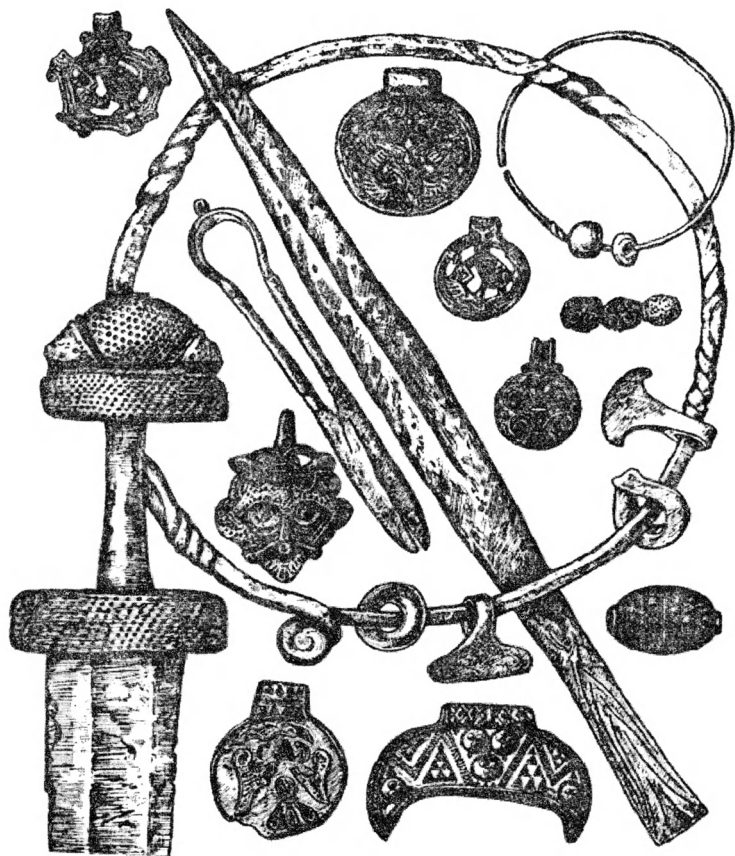
вместе с ними входили предки германцев, кельтов, литовцев, греко-италийцев. Выделение праславян в особую общность, довольно однородную в культурно-этническом отношении, сопровождалось появлением у них в X – VII веках до Р. Х. развитого земледелия, хотя сохранялись и прежнее пастушеское скотоводство, охота, рыболовство, другие промыслы.

В V веке до Р. Х. знаменитый грек Геродот, прозванный «отцом истории», посетил греческие колонии на северных берегах Черного моря и оставил ценнейшие описания земли, лежащей к северу от Тавриды (Крыма). Все огромное пространство от Причерноморья до Балтики понтийские греки называли Скифией, по имени народа, непосредственно соседствовавшего с ними в причерноморских степях. Уже тогда Скифия была понятием не столько этническим, сколько географическим: Скифию населяли разные народы. Геродот писал: «Численность населения скифов я не могу определить точно, так как получил об этом весьма различные сведения... Согласно одним сообщениям, скифы очень многочисленны, а по другим, коренных скифов, собственно говоря, очень мало» [I, 5, с. 208]. «Отец истории» описывает и многие другие народы, которые говорили на разных языках, вследствие чего и скифам, и грекам для общения с одними только «агриппами» на востоке Скифии требовалось

семь переводчиков с семи разных языков [I, 5, с. 193].

Геродот довольно точно описал то, что ему удалось узнать о жизни народов Скифии. Собственно скифов он изображает как людей кочевых, не знающих земледелия, живущих с семьями на повозках, в которых они передвигаются за своими стадами. У них нет ни городов, ни укреплений. Все они – конные воины, стрелки из лука [I, 5, с. 198 – 199]. Это свидетельство вполне подтверждается археологическими раскопками скифских захоронений в степном Причерноморье.

Но для нас особый интерес представляют народы, названные Геродотом «скифами-пахарями» (αρτοποιαί) и «борисфенитами-земледельцами» (γεωργοί). Первые населяли среднее течение и верховья р. Гипаниса (Буга), вторые – среднее течение Борисфена (Днепра). У них были города и укрепления, они вели оседлый образ жизни, владели ремеслами, занимались хлебной торговлей (греческая колония Ольвия называлась даже «торжищем борисфенитов») [I, 5, с. 191 – 193]. Судя по этому описанию, скифы-пахари и борисфениты-земледельцы не были собственно скифами. Данные современных наук свидетельствуют, что в те времена по Бугу и Среднему Днепру как раз находились земли юго-восточного края праславянского этнического массива, простиравшегося, как уже было сказано, до Одера на западе.

Предметы из курганов – погребение русских
воинов-дружинников IX–XI вв.

Великий Геродот, описывая праздник священного плуга у борисфенитов, сообщает их самоназвание — «сколоты», которое происходит от имени мифического родоначальника Колаксия, что, как толкуют лингвисты, может означать «Солнце-Царь» [Ш, 12, с. 19].

Данные истории, археологии, этнографии и языковедения позволяют определенно отличить Геродотовых «скифов-пахарей» и «борисфенитов-сколотов» от собственно скифов и отнести этих земледельцев к числу тех «других народов», которые, по словам Геродота, «кроме скифов» жили к северу от Черного моря на обширной территории, называемой Скифией лишь в чисто географическом смысле. История скифов очень интересна, ей посвящены многие современные исследования, но мы говорим здесь об этом народе лишь для того, чтобы показать, что славяне — не скифы. То, что мы знаем теперь о культуре, занятиях, областях обитания праславян [II, 12, с. 26 — 30], позволяет считать, что земледельцы, пахари Геродота — это праславянские народы. Очень заманчиво в этом отношении сопоставление самоназвания «сколоты» с такими древними русскими названиями, как Оскол (река), Осколд (имя князя; в позднейшей трансформации — Аскольд), Ворскла (река). Академик Б. А. Рыбаков осторожно допускает, что слово «Ворскла» может быть расшифровано как «вор»-«скъл», т. е. как «забор склотов» (вор в древнерусском языке — забор, ограждение). Сколоты жили именно в этих местах и могли оставить память о себе в некоторых географических названиях.

Разумеется, сколотами назывались в те времена не все праславяне, а лишь очень неболь-

шая их часть, представлявшая собой, как полагают, племенной союз, формировавшийся в государство. Такие племенные союзы славян и тогда, и в более позднюю эпоху имели разные названия и самоназвания, о чем свидетельствует хотя бы перечень славянских «племен» (а точнее — племенных союзов) в «Повести временных лет».

Нашествие сарматов во II веке до Р. Х. наибольшее разрушение причинило скототскому союзу (государству?). Кочевники заняли земли по р. Тясмину и севернее р. Роси. Прервалась оживленная торговля праславян с греческими городами на Черном море. В результате славянский мир восточной части Европы как бы выпал на время из поля зрения эллинских и римских историков и географов. Знаменитому Страбону, например, жившему с 64 года до Р. Х. по 24 год по Р. Х. (т. е. во времена земной жизни Спасителя), народы между Эльбой и Днепром представляются «неведомыми» [II, 12, с. 33]. Но спустя некоторое время Плиний Младший (77 год по Р. Х.) и Корнелий Тацит (98 год по Р. Х.) уже пишут о великом народе венедов, соседствовавшем с германцами и сарматами. Венеды в это время занимали огромную территорию — от Эльбы до Левобережья Днепра (в бассейне Десны). Они жили и на берегах Балтийского моря (от острова Рюген, где было святилище Святовита, до устьев Вис-

лы), причем восточная часть Балтики даже именовалась Венедским заливом [II, 12, с. 29]. После преодоления в I веке по Р. Х. последствий сарматского нашествия славяне под новым именем «венеды» возвращаются вновь в Среднее Поднепровье, на место бывшего скелотского союза, в область рек Роси и Тясмина, продвигаются к Дунаю, создавая в этих местах сложные смешанные культуры и этносы (венедо-сарматы) с сильной примесью античности. Эллинский мир как бы вновь открывает славян. То, что венеды — славяне, не подлежит сомнению и подтверждается как данными современных исторических наук, так и свидетельствами древних. Готский историк Иордан (†552) пишет: «От верховья реки Вислы на неизмеримом пространстве обитает великий народ венедов. Хотя имя их *меняется* теперь *в зависимости от племен и мест* (здесь и далее выделено автором), но главное название их — склавины и анты» [II, 7, с. 38]. Это подтверждает и византийский историк Прокопий Кесарийский (†после 562). Склавины, по его свидетельству, живут в районе Днестра и до Вислы, «анты же, храбрейшие между ними, — над излучиною Черного моря от Днестра до Днепра» [II, 7, с. 14].

II — IV века после Рождества Христова — время расцвета лесостепных славян Среднего Поднепровья. Возобновляется оживленная торговля хлебом с городами Причерноморья,

ставшими теперь уже колониями Римской империи, совершенствуется земледелие, достигают более высокого уровня ремесла, появляются вновь начатки государственности. Менее интенсивно идет развитие удаленных от античного мира северных и северо-восточных земель славян — обитателей лесов. Славянский мир становится многообразным, но не лишается этнического единства.

Движение германских племен, готов, от Прибалтики к Черному морю в конце II века и натиск на них с юга гуннов в IV веке хотя и тормозят процесс развития славянских культур, но уже не могут повредить ему существенно. Более того, в столкновении с готами и гуннами крепнет славянское единство, совершенствуется искусство ведения войн, созревают общественно-исторические предпосылки к последовавшему мощному вторжению славянства в цивилизованный греко-римский мир.

Это вторжение произошло в VI веке. Словно могучие протуберанцы вырвались из недр «великого народа венедов» и заволокли земли Балкан, вышли к Адриатическому морю, явились у Пелопоннеса и Спарты... Одновременно шло продвижение славян в угро-финскую среду на северо-востоке (бассейн р. Оки), на Левобережье Днепра — к Сейму, Суле, откуда вытеснялись ираноязычные сарматы. Описанное в «Повести временных лет» расселение славян на Дунае, за Дунаем, в север-

ных и восточных русских областях относится к VI веку.

Именно в VI – VII веках произошло «повсеместное распространение этнонима «славяне» на все бывшие венедские и антские племена», – полагает с полным основанием акад. Б. А. Рыбаков [II, 12, с. 50].

Славяне становятся известными всему европейскому миру – от германского Запада до арабского Востока. Они имеют различные самоназвания: в западной части славянского мира – мораване, чехи, поморяне, ляхи, хорваты, сербы; в восточной, на территории будущей Руси, – поляне, древляне, дреговичи, полочане, северяне, кривичи, бужане (они же волыняне), дулебы, радимичи, вятичи, словене, уличи, тиверцы. Но, по свидетельству «Повести временных лет», эти народы не сразу стали называться особыми именами, вначале все были «от рода словеньска» [I, 1, с. 26]. Это общее для всех наименование сохранилось как самоназвание и у отдельных славянских народов (словене ильменские, словены в Югославии, словаки в Чехии).

Великое расселение славян сопровождалось сложными взаимоотношениями их с народами восточной и западной частей Римской империи. Славяне в свою очередь подвергались нашествиям тюркских и угрофинских народов. Так, болгары-тюрки, часть которых осела на Волге, продвинулись за Дунай и покорили славян, успевших осесть

там, но сами совершенно ославянились, оставив в память о себе только название – Болгария (однако часть угро-финнов, также пришедших к Дунаю и покоривших некоторые славянские племена, удержала свою культурно-языковую первооснову – будущая Венгрия). В общем же славянский мир продолжал сохранять культурно-этническое единство в рамках племенных союзов. Он долгое время угрожал Византии, вызывая и страх, и желание вступить со славянами в мирные отношения, даже использовать их в борьбе с другими народами.

Византийские и германские источники чаще всего пользуются в эти времена общим самоназванием наших предков – славяне. Какова этимология этого наименования?

На этот вопрос дают разные ответы. Большой соблазн возник в связи с формой «склавины», употреблявшейся в некоторых древних источниках. Это обозначение славян пытались вывести из латинского *sclavus* – «раб» на том основании, что славяне будто бы были «у господствующих римлян и византийцев... рабами по преимуществу» [V, 5]. Не подлежит сомнению, что среди рабов в древнем мире были и славяне. Но были и представители многих других народов. Почему же термин «рабы» закрепился только за славянами?

Аллегии «земель-народов», приносящих благодарение
императору «Священной Римской империи»

С другой стороны, как могло «рабское» наименование сделаться самоназванием огромного и свободного славянского мира?! Наконец, этому предположению резко противоречит наличие морфемы «слав» в исконно славянских именах (Святослав, Ярослав, Вячеслав, Станислав и т. д.).

Другое предположение делалось на основании формы «слав», и название «славяне» связывалось со «славой» (славные). Третье предположение опиралось на древнее написание «словене» и производило славян от «слова» (языка), т. е. «словене» — народ, говорящий на одном языке (единословный). Наконец, в наше время акад. Б. А. Рыбаков предложил считать слово «словене» составным: «слы» (в древнерусском языке — послы, посланцы, представители) и «вене», т. е. представители народа «вене» (венедов) [II, 12, с. 49]. Гипотеза Б. А. Рыбакова не кажется нам убедительной, но его обращение к этимологии корня «сл» (сль) побуждает продолжить поиск в этом направлении и сделать еще одно предположение. Оно, на наш взгляд, может в известной мере примирить все предыдущие объяснения (кроме, конечно, явно неприемлемого «рабского»). Дело в том, что понятия «слава», «слово» и «послы» (сль), кроме собственных значений, имеют и одно общее, которое можно передать понятием «известность», «известие». Слава — это не только нечто героическое или нравственно-положительное (бывает и дурная слава), это и нейтральное — известность, это также и «названность», «наречение». Слово — это не только язык (или часть речи). «Словущий» (иногда «словомый») в древнерусском языке — «назван-

ный» (называемый), например церковный праздник «Воскресение словущее», т. е. названное Воскресением. Сравним: слыть – быть известным, славиться; посол – тот, кто приносит слово (известие), держит слово перед тем, к кому послан; послушник (послух) – тот, кто исполняет слово начальствующего (слушается). Интегрирующим здесь, без сомнения, является «слово» в значении словомость, названность, известность, известие.

Если вспомнить, что этноним «словене» (славяне) приобретает широкое распространение в связи с «великим расселением» славян в Европе, когда они стали известны миру, то «словене» (или славяне) и может означать именно известность, славимость (словомость): словущие (прослывшие) повсюду, давшие о себе знать всем (прославившиеся везде)...

Западные писатели издревле наряду с формой «склав» употребляли и более точную форму – «слав». Например, в характеристике Оттона Великого (912 – 973) его хвалят, в частности, за то, что в довольно зрелом возрасте он овладел двумя языками – романским и славянским. Последний назван «lingua slavanica» [II, 5, вкладка между с. 112 – 113]. А в более позднем манускрипте – сборнике Евангельских чтений, принадлежавшем императору Генриху II (1002 – 1024), имеется аллегорическое изоб-

ражение «Славянии» с надписью «Sclavinia» [II, 5, вкладка между с. 144 – 145]. Оба свидетельства говорят о большой значимости славянского мира для Западной Европы тех времен.

Особый интерес в этой связи представляет для нас германская книжная миниатюра XI века, на которой представлено редкое художественное обобщение, аллегория в восприятии западного мира. Изображение, без сомнения, отражает очень древние и устоявшиеся представления о славянстве. Миниатюра выполнена в духе античной живописи и потому несет в себе не только германские, но и классические воззрения на «Славянию». Кроме того, поскольку автор – духовное лицо, она не может не содержать в себе определенного элемента церковного осмысления. На миниатюре изображен император-германец в традиционной помпезной позе императоров языческого Рима (хотя держава в его руках имеет знак креста). С одной стороны трона стоят представители римского духовенства, с другой – верные вассалы-военачальники. Императору почтительно поклоняются народы-земли (в виде аллегорических женских фигур), входящие в «Священную Римскую империю», в порядке строгого церковно-иерархического старшинства: «Рома», «Галлия», «Германия» и «Склавиния» («Славяния»).

Главы всех аллегорических фигур увенчаны царскими коронами, причем разными. У «Ромы» корона подобна той, которая и на главе императора, так как императорскую корону короли Германии получали из рук Римского Папы. У «Германии» корона подобна тем, которые можно видеть на главе Генри-ха II как германского короля на других изображениях. У «Склавинии» — корона в виде зубчатой крепостной башни. Все эти народы-земли подносят государю символические дары, в которых можно видеть знаки того, за что они благодарят и прославляют императора. «Рома» приносит на золотом блюде какие-то чрезвычайные ценности, вероятнее всего церковные святыни, что соответствует значению императора как мирского защитника духовных святынь Римской Церкви и папской власти. На духовный характер этих даров указывает то, что «Рома» держит их на дорогом покрывале, а не в руках непосредственно. «Галлия» держит в руках золотую трубку с лавровой (?) ветвью — символом славы, которую она имеет от Римской Церкви, — на это указывает поза «Галлии», опирающейся левой рукой на «Рому». «Германия» обеими руками держит золотой «рог изобилия», в котором, однако, не плоды земли, а драгоценности, расположенные крестообразно, — символ усиления Церкви в Германии, строительства в ней множества храмов и монастырей

(что вполне соответствовало действительности). А «Склавиния» в правой руке держит золотой шар — символ солнца и света, левой указывает на небо. «Склавиния» представлена как русоволосая дева, облаченная в белую одежду с характерной славянской широкой вышитой отделкой по кругу ворота и на груди. Поверх этой одежды накинут темно-вишневый (пурпурный?) плащ — знак царственного величия.

— Рождение Руси

“ПО ПЛОТИ”

Возвратимся к VI веку. В 550-е годы в Византии неизвестный сирийский автор впервые упомянул в своем сочинении народ по имени «рос». В 555 году было создано географическое дополнение к труду грека Захарии Ритора, описавшее народы к северу от Кавказа, и среди этих народов вновь назван народ «рос» (или «рус») — «люди, наделенные огромными членами тела... и кони не могут их носить из-за их размеров». По данным современных исследователей, местонахождением этого народа богатырей (по Псевдо-Захарии) следует признать юго-восточную окраину антских земель, т. е. земли по среднему течению Днепра, у Роси, и Левобережье Днепра — до Курска [II, 12, с. 74 — 75].

В позднейших греческих и арабских источниках народ

«рос» («рус») отождествляют то со скифами, то с гуннами или готами, позднее — с норманнами, часто и со славянами. Иногда о росах пишут как о кочевниках, иногда — как о земледельцах. Подобный плюрализм характерен и для сведений о славянах вообще. Все это объясняется, с одной стороны, частыми для древности смешениями общих географических представлений и названий с этническими, а с другой стороны, установленными ныне с большой точностью фактами участия славян, в частности русов, в скифских, готских, гуннских, норманнских походах. Славянское племя «рос», вероятно, было известно даже раньше VI века. Готский историк Иордан в рассказе о событиях IV столетия пишет, что в союзе с королем Германарихом находилось вероломное племя «росомонов». Один из них изменил Германариху, за что король казнил жену изменника — Сунильду (в переводе означает Лебедь). Братья Сунильды отомстили за сестру, убив Германариха, после чего началась война готов с антами-славянами [II, 12, с. 74 — 75]. Рассказ перекликается с сообщениями нашего летописца о братьях Кие, Щеке, Хориве и сестре их Лебеди (Лыбеди). Это может быть только совпадением, но интересно, что женское имя Лебедь — русское.

Так что же это за народ, или племя, — «рос»?

Мы видели, что у славянских племен и племенных союзов были самые разные назва-

ния и самоназвания, происходившие иногда от названия места обитания (поляне, древляне), иногда — от общего предка (радимичи, вятичи). Естественно предположить, что рос (или рус) — наименование одного из многих славянских племен. Но такому очевидному предположению противоречит, на первый взгляд, то место в нашей начальной летописи, где говорится о призвании в 862 году ильменскими словенами, кривичами и подвластными им чудью и весью (финские племена) варягов. «И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как ныне называются шведы, а иные норманны и англы... Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И избрались трое братьев со своими родами и взяли с собою всю русь, и пришли, и сел старший Рюрик в Новгороде, а другой, Синеус, — на Белоозере, а третий, Трувор, — в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля» [I, 1, с. 37].

Однако такому объяснению происхождения Руси противоречит очень многое в самой же «Повести временных лет». Например, под 852 годом, т. е. задолго до «призвания» варягов, летописец отмечает: «Когда начал царствовать Михаил (в Византии, 842 — 867. — *Авт.*), стала называться Русская земля. Узнали мы об этом потому, что при этом царе ходила Русь на Царьград, как

пишется об этом в летописании греческом» [I, 1, с. 36]. Но применительно и к более ранним временам летопись употребляет понятие Русь как свойственное искони нашим землям и свидетельствует, что «словенский язык и русский един есть». Противоречит легенде о норманнском происхождении племени русь и исторический факт существования еще при князе Аскольде и до него значительной области в устье Дуная, известной под названием «острова русов». «Роди же, называемии Руси... живяху в Евксипонте и начаша пленовати землю римлянскую» [II, 12, с. 347], — повествует одно из летописных сказаний. Известный по многим источникам «остров русов», или «росов», образовался выходцами из Руси — земли полян и северян, как теперь доказано.

В Скандинавии неизвестно норманнское племя русь. Запись о призвании варягов странно смешивает действительное историческое лицо — Рюрика с вымышленными Синеусом и Трувором, которых на самом деле не было, ибо «sine hus» — по-шведски «свой род», а «thru varing» — «верная дружина». Запись в нашей летописи о призвании варягов поразительно перекликается с придворными легендами Ирландии и Англии. В первом случае «вече» ирландцев составляет у себя для княжения трех братьев-норманнов со «своими родами» и «верными дружинами», во втором — бритты просят трех

братьев-саксов прийти к ним на княжение (тоже со «своими родами» и «верными дружинами») и «предлагают владеть их обширной и богатой страной, изобилующей всякими благами» (ср.: «земля наша велика и обильна») [II, 12, с. 298]. Летописная запись хорошо объясняется доказанным фактом двукратной позднейшей переделки летописи преподобного Нестора, когда второй переписчик в угоду князю Мстиславу Владимировичу (сыну Владимира Мономаха) постарался доказать превосходство княжеского происхождения Мстислава над другими Ярославичами. А дело в том, что Мстислав Владимирович родился от брака Владимира Мономаха и англичанки Гиты Гаральдовны, дочери английского короля. Первым браком он сочетался со шведской (варяжской) принцессой Христиной. Отсюда его близость к королевским дворам Северной Европы и знакомство с их придворными легендами [II, 12, с. 298 – 301]. Отсюда и желание подчеркнуть «европейское» происхождение Руси¹.

То, о чем мы сейчас говорим, – лишь небольшая часть материала, составляющего содержание двухсотлетнего научного спора между сторонниками норманнского происхождения Русского государства («норманнистами») и их противниками. Спор этот возник еще при М. В. Ломоносове. Немецкие ученые в Русской Академии наук Г. Ф. Миллер и Г. З. Байер на основании поспешного

и поверхностного прочтения приведенного из начальной летописи отрывка выдвинули теорию норманнского происхождения Руси. Им горячо возразил Ломоносов, и началась дискуссия, которой в конце прошлого — первой половине нынешнего века порой придавался острый политический характер. В борьбе с «норманнизмом» был поднят огромный исторический материал, включавший свидетельства арабских, византийских, германских и других письменных источников; изощренные методы анализа летописных текстов (в том числе языковедческие) помогли обнаружить и объяснить позднейшие вставки в начальную летопись, показать, где проходят смысловые и текстовые «швы» этих вставок; был собран и обработан, особенно интенсивно — в последние десятилетия, необозримый археологический и этнографический материал; сделан ряд чрезвычайно важных открытий.

В результате в 1960 году на Международном историческом конгрессе в Стокгольме (на родине древних варягов) лидер «норманистов» — ученый Стендер-Петерсен признал, что все доводы «норманистов» о происхождении Руси и русской государственности от варягов опровергнуты [П, 12, с. 296].

Данное опровержение в то же время означало, что выяснено подлинное происхождение Руси и русской государственности. Над этим трудились поколения русских ученых².

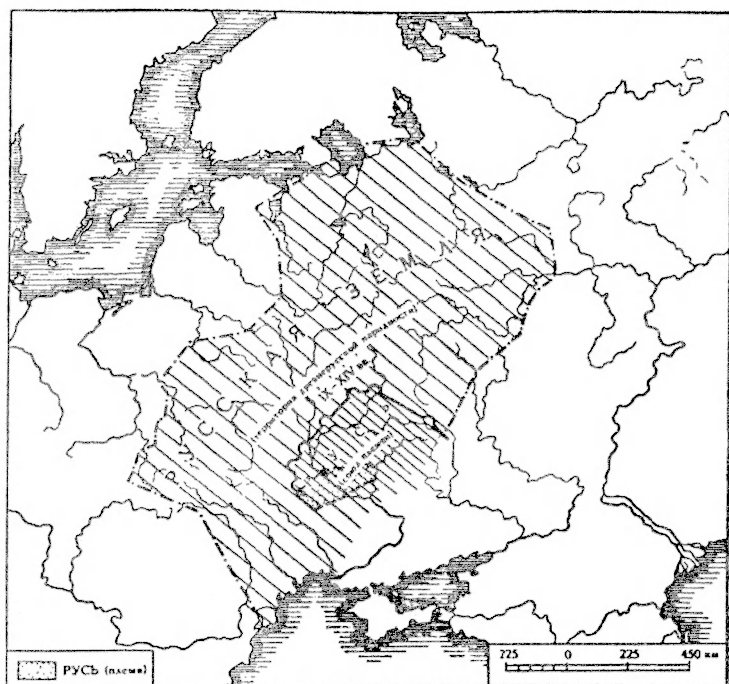
Доведя до конца определенные направления поисков некоторых из них, акад. Б. А. Рыбаков сумел сделать ряд чрезвычайно важных выводов. О них мы сейчас коротко скажем.

«Повесть временных лет» освещает отчасти события очень глубокой древности – VI века, отчасти более близкого к летописцу времени – IX – X веков и особенно подробно – современный ему период истории, конец XI – начало XII века. При описании событий IX – X веков, т. е. периода государственного единства, автор чаще всего употребляет слова «Русь», «Русская земля» для обозначения всех племен, признававших главенство киевского князя, хотя отмечает, что у каждого племени были и свои князья и обычаи. Но после Нестора, в XII веке, киевские, новгородские, суздальские и другие летописания употребляют понятия «Русь», «Русская земля» в двояком значении – в качестве общего названия всех княжеств (как у Нестора) и в некоем узком смысле, когда именем «Русь», «Русская земля» обозначается сравнительно небольшая территория в Среднем Поднепровье. Наконец, в тех же летописях можно обнаружить понятие «Русь» и в самом узком смысле, соотносимое с совсем небольшой территорией с центром в Киеве. Очевидно, что перед нами очень древняя традиция, по которой в глубокой старине «Русью» называли только область определенного племени, хотя и славянского, но

отличного от вятичей, кривичей, радимичей, словен ильменских и т. д.

Проведя исчерпывающий анализ всех летописных сводов с точки зрения употребления понятия «Русь», акад. Б. А. Рыбаков получил довольно четкую картину. За очень редкими исключениями, все дошедшие до нас летописные своды единодушно изымают из состава Руси одни и те же города и земли, с одной стороны, и с другой — включают в состав Руси в узком смысле иные, но всегда одни и те же области и города. Выяснилось, что Галич, Суздаль, Смоленск и Новгород со всеми их пределами не включаются в собственно «Русскую землю». Причисляются к ней следующие города (с окрестными землями): Киев, Чернигов, Переславль Русский, Вышгород, Белгород, Васильев, Треполь; города Поросья: Корсунь, Богуславль, Канев, Дверен, Торцький; города «Черниговской стороны»: Стародуб, Трубейж, Глухов, Курск, Новгород-Северский, Остерский Городок и некоторые другие. Академик Б. А. Рыбаков нанес их на карту и получил область из нескольких княжеств, между которыми не было никакого согласия и единства в XI — XII веках. В самом узком смысле «Русская земля» — территория в виде треугольника, вершиной которого был Киев, одной из сторон — Днепр от Киева до Канева, а основанием — бассейн реки Роси. Черниговщина сюда уже не входила.

Археологические материалы X — XI веков

Постепенное распространение названия «Русская земля»

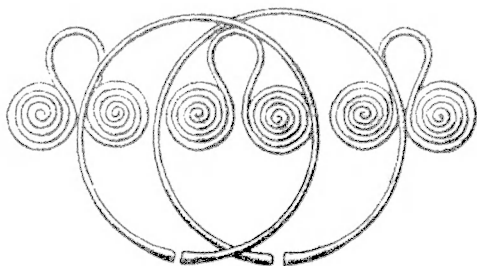
из этих мест свидетельствуют, что и в те времена здесь не было культурно-политического единства. Значит, традиция, сохранившаяся до XII века и позднее, по которой Русская земля в узком и самом узком смысле считалась чем-то единым, восходит к еще более древним временам.

И такое единство действительно обнаружилось! Его дали археологические раскопки погребений VI – VII веков. В материалах этих раскопок обнаружены, помимо прочих, неко-

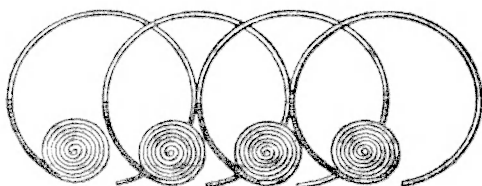
торые постоянно здесь (и более нигде, кроме Дуная) встречающиеся предметы — двуспиральные и односпиральные височные женские кольца и пальчатые фибулы.

Поля погребений, в которых найдены эти предметы, имеют пределы, границы их нанесены на карту. И вот, когда карту погребений VI — VII веков наложили на карту земель Руси в узком смысле, созданную при помощи ретроспективного анализа летописей XII века, карты совпали [П, 12, с. 55 — 107]! Более того, выяснилось, что двуспиральные височные кольца найдены только в области Руси в самом узком смысле (Киев — Канев — р. Рось), тогда как односпиральные известны были и северянам, в том числе и курянам. При этом исключения из общего «правила» распространения древностей VI — VII веков совпадают и с исключениями в летописях! Присутствие пальчатых фибул, двуспиральных и односпиральных височных колец на Дунае вполне объясняется наличием там в глубокой древности русских городов и поселений, основанных выходцами из полян и северян, что подтверждается данными нашей летописи и других источников.

Полученные сведения поразительно соответствуют топонимике (названиям мест), которая, как известно, восходит к глубочайшей древности. На карты XIX века в районе Руси в узком смысле (и полей погребений VI — VII веков) нанесены такие названия: р. Рось,

Двуспиральные височные кольца (VI в.), характерные только для Среднего Правобережья Днепра
(Русь в самом узком смысле)

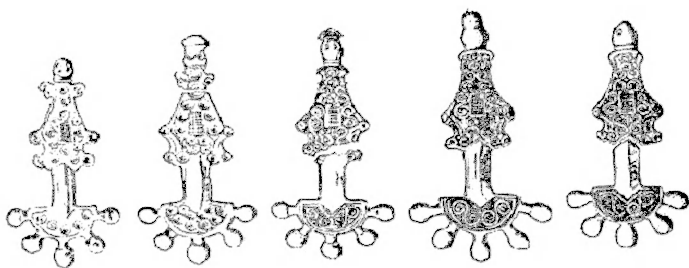
Односпиральные височные кольца, распространявшиеся и на Среднее Левобережье Днепра до Курска
(Русь в узком смысле)

Русская Поляна (южнее Роси), Русский Орчик (у Полтавы), Русское Лазовое (у Харькова), Русская Буйловка, р. Рось (так иногда называлась р. Оскол), р. Русь (на севере этой территории) – приток Сейма, р. Нарусса (у Трубчевска), Русский Брод (у Ливен) и другие.

Все это, основательно подкрепленное и другими, самыми разнообразными историческими, этнографическими, археологическими дан-

ными, позволило сделать важнейший вывод: в VI – VII веках на указанной территории сформировался племенной союз под главенством племени «рос», включавший в себя часть полян (двуспиральные височные кольца – Русь в самом узком смысле) и северян (односпиральные кольца). «Русский племенной союз был, по всей вероятности, длительным и прочным, так как внутри его создавалась своеобразная и устойчивая материальная культура, частично сохраненная и в XI – XII вв. (северянские височные кольца)». Этот союз являлся «одной из обособившихся областей юго-восточной части венедского массива... сохранившей до XII века наименование Русской земли... Ядром Русской земли явилось Среднее Поднепровье от бассейна Роси до Тясмина и часть Левобережья с Переславлем Русским и нижним течением Суды, Пела и Ворсклы... Именно здесь во времена Геродота и несколько позднее существовали земледельческие «царства» скифотет (или точнее праславянами), – заключает Б. А. Рыбаков [II, 12, с. 73, 85].

Во главе, пусть еще слабой, но все же государственности (!) росов в VI веке встал князь Кий (с братьями Щеком, Хоривом и сестрой Лыбедью). По мере подчинения князьям из династии Киевичей в состав Русской земли входили все новые области и племена. В названии русских земель форма «Рос» меня-

Фibuлы – застeжки плаща (VI в., Среднее Поднепровье)

лась на «Рус» под влиянием северных славян, для говора которых характерна замена (замещение) «о» на «у». Но очень долго бытовала и начальная форма «Рос». Так, первый свод законов у нас назван «Правда Росьская». Постепенно Русь становилась известной в разных, часто весьма отдаленных уголках тогдашнего мира. Русские купцы в середине IX века, по арабским источникам, появлялись в Багдаде, «выдавая себя за христиан». Крепла довольно сложная структура русской государственности. «По смерти братьев этих (Кия, Щека и Хорива. – *Авт.*) потомство их стало держать княжение у полян», – говорится в одном из дошедших до нас списков начальной летописи [П, 12, с. 92]. А по свидетельству польского историка Яна Длугоша (XV век), хорошо знакомого и с древними, не дошедшими до нас, русскими летописями, «после смерти Кия, Щека и Хорива, наследуя по прямой линии, их сыновья и

ских земель появляется варяг Рюрик с родичами и дружиной. Легенда о призвании Рюрика заключает в себе зерно правды. Оно состоит в том, что удаленные от Киева и страдавшие от внутренних усобиц и «варяго-находников» (выражение летописи) новгородцы, кривичи и подвластные им чудь и весь решились пригласить к себе в качестве беспристрастного судьи и защитника князя, который мог бы их защищать и судить «по правде». При этом они решали, из какой земли лучше призвать князя: «или от нас, или от козар, или от полян, или от дунайчев (русских, живших на Дунае), или от варяг», — говорит об этом одна из летописей [II, 12, с. 306].

Наиболее оправданным показалось призвание Рюрика Ютландского. Рюрик правил в северных русских землях. На Киев он не пошел. Напал на «матерь городов русских» другой варяг — Олег. Это произошло около 882 года. Убив Осколда и Дира и захватив киевское княжение, он сделался князем русским, правителем Руси, и на некоторое время подчинил себе почти все земли до Новгорода включительно. Не тогда ли в сознании новгородцев произошло отождествление Руси с варягами? Олег совершил успешные походы на хазар, на Византию, дойдя в 907 году до Царьграда и заключив с империей в 911 году выгодный для Руси договор. В 912 году он погиб, причем для некоторых русских

летописцев неизвестно, где в точности (или в Киеве, или в Ладоге, или у себя на родине — в стране варягов). После него стал княжить Игорь. Он не был в родстве с Олегом, а являлся, по летописи, сыном Рюрика. Правда, некоторые ученые сомневаются в этом, считая Игоря славянином.

В это время на историческом горизонте восходит утренней звездой святая равноапостольная княгиня Ольга — жена князя Игоря, но рассказ о ней и последовавших событиях уместно повести там, где речь пойдет о проникновении на Русь Христовой веры.

Данную же часть повествования необходимо заключить одним уточнением. Современность, свободная от политических страстей недавнего прошлого, дает возможность спокойней и объективней взглянуть на участие варягов в русской истории. Не следует приуменьшать заслуг перед Русью князя Олега и многих других его соотечественников-норманнов, хотя не следует их и преувеличивать. Варяги еще при Осколде приглашались в качестве наемных дружинников на службу русскому князю. Затем они почти постоянно служили в русском войске, в качестве послов в Византию «от всего рода русского», как сказано в договоре с греками, будучи в составе посольства вместе с русскими. Многие из варягов в то время были уже христианами, и это облегчало им переговоры с греками от имени Русской земли. Сре-

ди варягов были умные, достойные, верные Руси люди, но были, естественно, как в среде любых наемников, и сущие грабители, обидчики, причинявшие немало скорбей русским людям, о чем в летописях говорится достаточно определенно. Варяги-норманны на Руси, за исключением Рюрика и Олега, — это прежде всего воины на службе у русских. Они не могли повлиять сколь-нибудь существенно ни на русскую культуру, ни на русскую государственность, которые, как мы видели, сложились задолго до их появления. Более того, как свидетельствуют некоторые немецкие историки новейшего времени (которых уж никак нельзя заподозрить в русофильстве и антинорманнизме), варяжские «дружины, ничтожные по числу, быстро ассимилировались с окружающей славянской средой и почти бесследно исчезли в третьем, четвертом поколениях» [II, 5, с. 215 — 216]. К чести варягов следует сказать, что они никогда и не пытались навязать Руси свою культуру и порядки; напротив, они охотно перенимали русские обычаи, служили Руси, как могли; лучшие из них становились в высоком смысле слова гражданами Руси, а двое — Феодор и Иоанн — даже украсили своими именами христианский месяцеслов святых земли Русской.

Таково, в самых общих чертах, рождение Руси «по плоти», из «колена Иафетова», из недр славянства, во «Адаме ветхом».

— Нравы и совесть Русской земли

Свет во тьме светит, и тьма не объяла его (Ин. 1, 5). Если эти слова Евангелия характеризуют вообще земное бытие поврежденного грехом человечества, то в наибольшей мере они относятся к народам, пребывающим в язычестве, в том числе в дохристианской Руси. Духовный мрак греха и неведения определял интеллектуальную, нравственную и культурную жизнь русских людей. Но эта тьма не была «кромешной», полной. С самого начала апостольской проповеди, с I века по Р. Х., свет веры Христовой, как мы потом увидим, проникал и в славянскую среду. Но никогда не лишалась Русская земля и того Божественного света, который дается людям через естественное Откровение, действующее в сердцах людей как творения Божиих. *Ибо когда язычники,*

не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую, — пишет Апостол Павел (Рим. 2, 10 — 11. 13. 14).

Каковы были «совесть и мысли» древней, языческой Руси, в чем состояло то «доброе», что «по природе» делалось Русью и что привлекло к ней, наконец, особую Божию милость и благодать? Как подготавливалось рождение Руси во «Адаме Новом» — Господе Иисусе Христе?

Последуем в изучении этих вопросов от внешнего к сокровенному, внутреннему. Греки, римляне, арабы, германцы единодушно отмечали простоту нравов восточных славян. Историк России С. М. Соловьев утверждает: «Сличив известия современников-чужеземцев, мы находим, что вообще славяне своею нравственностью производили на них выгодное впечатление: простота нравов славянских находилась в противоположности с испорченными нравами тогдашних образованных или полуобразованных народов. Так, встречаем отзывы, что злые и лукавые попадаются очень редко между славянами». Это, конечно, не должно давать повода к идеализации славянской древности. «Доброта не исключала, впрочем, свирепости и жестокости в известных случаях», — пишет далее

С. М. Соловьев [II, 15, с. 103]. Но в понятие «простота нравов» входили не только доброта, незлобие, прямотушие, но и простота быта, происходившая из-за отсутствия чрезмерной привязанности к земному благополучию. Вспомним хотя бы летописное свидетельство о походном быте князя Святослава, сделанное с явным одобрением [I, 1, с. 79]. Неозабоченность славян жизненными благами отмечают на протяжении веков все исследователи русского национального характера.

В прямой связи с этим феноменом находится особое тяготение древних русских людей к движению, к освоению нового пространства — стремление к «воле». «Воля» у русских — это совсем не то, что «свобода» в значении независимости от каких-либо моральных или гражданских законов или от власти. Закон нравственный, гражданская «правда», учреждение власти — очень чтимые категории в русской древности. «Воля» — это возможность совершать движение. В одних случаях это стремление к перемещению в родных просторах, в других — тяга к движению духовному, к непрестанному постижению смысла бытия. В обоих случаях очевидна жажда узнавать, постигать и осваивать дивный, премудро устроенный Божий мир.

И все же, если говорить о дохристианской древности, то категория «воли» относится более всего к перемещению (движению в пространстве). Древность тех времен, по мнению

акад. Д. С. Лихачева, выработала даже особое обозначение «храбрости в пространстве», выраженное точным словом «удаль» [I, 1, с. 5). Эта врожденная «охота к перемене мест» у народа отнюдь не кочевого (!), оседлого, сохранилась на Руси навсегда. Учебники Российской истории начала нынешнего века пытались даже, конечно с явной натяжкой, объяснить этим природным качеством русских людей установление крепостного права «в интересах государства». Академик Д. С. Лихачев тонко подметил, что любое несчастье у русских людей получало характерное обозначение — «теснота». Конечно, стремление к переездам на новые места и земли в поисках «лучшей доли» и «воли» нередко вызывалось и притеснением социальным — со стороны сильных мира сего. Но это лишь одна из черт национального характера, укорененная в духовной особенности нации. Она резко отличается от стремления к покорению народов и пространств у воинственных кочевых племен. Русь ширилась в основном за счет свободных, незанятых или малонаселенных земель и была подвижна не желанием поработничества и тиранического господства над другими народами, а очень светлой и мирной жаждой узнавания новых пространств и, по возможности, духовного и культурного освоения узнаваемого. Братское и дружелюбное отношение русских к любым другим народам — всемирно известная черта. Же-

ление помочь, «пособить», защитить, заступиться за других, искреннее уважение к обычаям, живой интерес к нравам и верованиям других свойственны Руси искони. Были со стороны русских и эксцессы насилия, но они всегда являлись исключениями из правила.

Русь часто воевала. Особенно крепко бились с печенегами, половцами, хазарами, волжскими болгарами. Эти войны всегда были оборонительными, направленными на защиту своей земли от воинственных и беспокойных соседей. Но ходили и на Византию, приближались к самому Константинополю (Царьграду). Это — особая историческая тема, которая заслуживает специального изучения. Необычны были эти походы! В них явно просматривается желание не столько пограбить (хотя, конечно, и грабили, и обогащались здесь княжеские дружины), сколько завязать отношения с этой могучей, славной, во многом загадочной и чем-то очень притягательной для русских страной, показать (представить) ей себя! Греческих территорий никогда не захватывали. Попытка Святослава обосноваться на Дунае осуждалась и матерью его Ольгой, и, судя по всему, обществом, да и кончилась весьма печально. Зато в результате походов заключались договоры о торговле, о множестве любопытнейших житейских мелочей, которые свидетельствуют о главной, не всегда явной, цели походов — завязать и уп-

рочить многообразные отношения с православной империей.

В войнах и походах, естественно, брали в плен, иногда немало. Но, по свидетельству греческих и арабских современников, русские очень хорошо обходились с пленными, которые не становились рабами навечно. По истечении определенного срока рабам-пленным предлагалось, заплатив выкуп, или вернуться на родину, или остаться жить на Руси в качестве вольных людей и друзей [II, 15, с. 103]. Рабы на Руси были, но рабовладения как сколько-нибудь существенной опоры в общественной и хозяйственной жизни Русь не знала.

Не знала Русь и культа прославленных полководцев, вождей победоносных дружин. Хотя воинская доблесть, храбрость, сила, ловкость, верность долгу очень почитались, наши летописцы пишут о походах русских князей (иногда блестящих) довольно сдержанно, как бы давая понять читателю, что не в военных успехах подлинны честь и слава народов. А в одном месте нашей летописи библейский Серух прямо осуждается за то, что ставил статуи воинам [I, 1, с. 107].

Все древние писатели единодушно отмечают особенное гостеприимство славян. Так, византийский император Маврикий (582 – 602) свидетельствует: «Они (славяне. – *Авт.*) ласковы с чужеземцами, принимают их у себя, провожают от одного места до другого, куда

ему нужно, и даже если гостю случится какая-либо беда по вине хозяина, то тот, который принял после него гостя, выступает против нерадивого, считая честью для себя заступиться за гостя» [II, 7, с. 41]. Арабский автор IX века пишет, что Русь «читит чужеземца и приветливо обходится с отдающимися под ее попечение либо часто бывающими у нее и охраняет их от всяких приключений» [II, 7, с. 55].

Рослые, крепкого телосложения, светловолосяные русские люди удивляли восточных наблюдателей как внешностью своей, так и веселым, жизнерадостным нравом. Праздники на Руси сопровождались шумными играми, песнями, плясками, хороводами. Любили хмельное. Приготовленный особым образом из меда пьянящий напиток (ó медос) прославился как русское изобретение далеко за пределами Руси. Крепких, одурманивающих напитков не знали. Питье было легким; «мед» был не только вкусен, но и полезен.

Такой представляла Русь взорам окружающего мира.

Попробуем теперь проникнуть в психологию русских людей и посмотрим, что более всего ценили сами русские в своем народе. Древнее самосознание народа нашло свое яркое художественное выражение в народных былинах, сказках, пословицах и поговорках. Каждому знакомому с русским фольклором хорошо известно, что в самых ранних (арха-

ических) слоях народного творчества содержатся очень устойчивые оценочные характеристики личных качеств, отношений людей между собой, отношений их к жизни, к окружающему миру. В личных качествах особенно ценятся мудрость, праведность, мужество, верность долгу и слову, любовь к родной земле, смекалка, умение метко и кратко говорить. Любовь должна быть только одна, к одной возлюбленной или жене. В отношениях между людьми всегда поощряются нелицемерное братолюбие, почтение к старшим, особенно к родителям, верность в дружбе, отзывчивость к чужому горю, готовность, рискуя головой, прийти на помощь страдающему, защитить невинного и слабого. В отношении к жизни выделяются стремление к справедливости, устройству быта и деятельности «по чину», «ладно», основательно, любовь к природе.

Во всем этом присутствует представление о чистой совести, которая настолько превышает всего, что никакие земные блага, соблазны или сама смерть не должны заставить человека изменить ей. Здесь приходится вспомнить то, с чего мы начали, — отсутствие чрезмерной привязанности русских людей к земному благополучию и комфорту. Земные блага и ценности отступают на второй план именно потому, что важнее их, превыше их ценность духовная — совесть.

Развитию данной особенности немало спо-

собствовало подмеченное современными исследователями (Ф. Ф. Нестеров) жизненно важное обстоятельство: Древняя Русь постоянно пребывала в кольце враждебных сил, и потому чувство долга перед землей и народом у русских преобладало над личными эгоистическими интересами.

Посмотрим теперь, чем определялась жизнь русских людей, отраженная в явлениях исторической реальности. Все многообразие личных, общественных, хозяйственных и иных отношений в Древней Руси регулировалось совокупностью представлений, связанных с понятием «правда». Это не значит, что правда побеждала во всем и всегда; это значит лишь, что к ее осуществлению стремились, что жажда правды порождала положительные духовно-нравственные усилия. Правда — это истина, любая, но прежде всего — о смысле бытия; правда — это закон как юридическое установление, это и справедливость как основание закона, его регулирующее воздействие на отношения между людьми; правда — это праведность, благочестивая личная жизнь человека. Первый свод законов на Руси получает название «Правда Росьская» и тем самым уже свидетельствует об особенном, очень своеобразном характере правового (юридического) начала в русском обществе. Здесь «право» — не только свод правил, механически регулирующих разнообразные отношения людей. Закон (lex) и

право (jus) у русских укоренены в правде. Она — основное в законе, она его дух и поэтому выше закона. Если закон (в значении lex и jus) принят, но правде не соответствует, то это несправедливый, негодный закон, нуждающийся в отмене или исправлении. На чем основано такое восприятие вещей? Вспомним характерные русские выражения: «поступать по правде», «судить и рядить по правде», «жить по правде». Если в этих выражениях слово «правда» заменить словом «совесть», то смысл не изменится! Следовательно, духовным центром, ядром всех законов и нравственных установлений Древней Руси оказывается совесть.

С богословской точки зрения, совесть — это глас Божий в душе человека, созданного «по образу и подобию Бога», «закон» Творца, начертанный на скрижалях сердца человеческого. Однако в эмпирической действительности, особенно в бытии языческих народов, восприятие Божия гласа искажается грехом. Следует поэтому выяснить, какие факторы жизни человеческой создают необходимые условия для слышания гласа Божия, сохраняют совесть чистой, насколько это возможно в условиях земного бытия при греховной поврежденности рода человеческого.

Обратим внимание прежде всего на то, что положительные черты духовного облика русского человека, представления о которых позволяют составить знакомство с народным

творчеством, историей народа, в совокупности дают почти идеальный образ человека — общерусский идеал. Но в глубокой языческой древности между славянскими племенами на территории будущего Российского государства не существовало не только культурно-политического, но и нравственного единства. Быт и нравы отдельных племен, как повествует летопись, были подчас весьма далеки от чистоты и идеала. В таком случае должен был быть какой-то центр, где впервые сложился, сформировался нравственный идеал, воспринятый затем во всех землях Руси.

Описывая быт и нравы славянских племен, преподобный Нестор приводит данные очень глубокой древности — времен князя Кия или даже V века по Р. Х. Все были тогда язычниками. О племенном союзе полян летописец бегло замечает, что они «были мужи мудры и смысленны» [I, 1, с. 29]. Затем дает общие сведения о расселении славянских племен, далее сообщает, что «все эти племена имели свои обычаи и законы своих отцов, и предания, и каждые — свой нрав», и переходит к краткому, но чрезвычайно важному анализу нравственного состояния племен. Русский перевод летописного текста, к сожалению, лишает его многих ценных смысловых оттенков, поэтому, отступая от принятого нами правила, мы приведем нужные места на языке оригинала.

«Поляне бо своих отецъ обычай имуть кроток и тих, и стыденье к снохам своим и к сестрам, к матерям и родителям своим, к свекровем и деверем велико стыденье имеху, брачный обычай имяжу: не хождаше зять по невесту, но приводяху (невесту. — *Здесь и далее в скобках перевод и пояснения автора*) вечер (накануне), а завтра приношаху по ней что вдадуче (что положено за нее)... А древляне живяху зверинским образом, живуще скотьски: убиваху друг друга, ядяху вся нечисто, и брака у них не бываше, но умыкаху у воды девиця (похищали девиц у воды)... А радимичи, и вятичи, и север один обычай имяху: живяху в лесе, якоже и всякий зверь, ядуще вся нечисто, и срамословье у них пред отцы и пред снохами, и брацы не бываху у них (браков не было у них), но игрища межю селы (между селами), схождахуся на игрища, на плясанье, и на всякие бесовские песни, и ту умыкаху жены себе, с нею же кто совещаешся (кто с кем из женщин сговорится); имяше же по две и по три жены». Далее летописец говорит об обычае сожжения покойников у этих трех племен и о погребальных тризнах и добавляет: «Си же творяху обычая (этого же обычая держались) кривичи и прочие погани, не ведуще закона Божия, но творяще сами себе закон».

Заметим, что ведь и поляне в те времена тоже были язычники («погани») и тоже, не ведая закона Божия, были «сами себе закон».

Затем наш летописец цитирует хронику Георгия Амартола о нравах и обычаях разных народов земли, в которой Георгий обращает основное внимание на те же стороны жизни: отношение к людям, к пище и более всего — к браку. Наконец, преподобный Нестор переносится из древности в свое время и пишет: «Якоже се и при нас ныне (так вот и при нас теперь) половцы закон держат отец своих: кровь проливати, и хваляшеся о сем (кровь человеческую проливают и даже похваляются этим), и ядуще мертвечину и всю нечистоту, хомеки и сусолы (хомяков и сусликов), и поймають мачехи своя и ятрови (и сожительствоуют с мачехами и невестками) и ины обычая отец своих» [I, 1, с. 30 — 33].

Как видим, не только к половцам, но и ко всем описываемым племенам преподобный Нестор вполне самостоятельно и творчески применяет те же мерки, что и Георгий Амартол. Это никак не заимствование. По всему видно, что и Нестор думает так же, меряет тем же мерилом; у Амартола он находит удачное подтверждение своим взглядам.

Возникает вопрос, почему подвижник-монах, образованный христианин, один из духовных просветителей Руси, во взгляде на нравственное состояние племен земли Русской в древности исходит не из Евангелия со всем богатством его духовно-нравственного учения (например, заповедей блаженств

Нагорной проповеди Христа) и даже не из десяти заповедей закона Моисея, а основывается на трех мерилах:

отношении к людям, и прежде всего к родителям и родственникам (братолюбивом, «кротком» или враждебном и жестоком);

отношении к пище (едят ли нечистое, иногда поясняется, что именно);

отношении к браку (целомудрен ли брак или господствует распутство, многоженство, кровосмешение).

Летописец при этом не делает ссылок на Священное Писание, как в других подобных случаях. А ведь в Новом Завете есть место, содержащее те же три критерия. Это описание Апостольского Собора в Иерусалиме в 15-й главе «Деяний Святых Апостолов». Решая вопрос о принятии уверовавших язычников в Церковь Христову, Апостолы определили *не затруднять обращающихся к Богу из язычников* (обрезанием и соблюдением закона Моисея)... *не возлагать* (на них) *никакого бремени более, как сего необходимого: воздерживаться от идоложертвенного и крови, и удавленины, и блуда и не делать другим того, чего себе не хотите* (Деян. 15, 20. 28 – 29). Но Нестор ничего не говорит об идоложертвенном, и означенные принципы приводит в иной последовательности и выражает их иначе, по-своему. Правомерно заключить, что взгляд нашего летописца на основы нравственной жизни народов имеет са-

мостоятельный источник, не связанный прямо с книгой Деяний. В противном случае Нестор заимствовал бы выражения из нее или упомянул о ней. В то же время очевидно, что преподобный не мог не знать книгу «Деяний Святых Апостолов». Значит, он не вспомнил о ней в связи с этим вопросом только потому, что дело представлялось ему совершенно самоочевидным. Но каковы основания такой самоочевидности? Ответ один — в совести праведного человека. Будучи неписанным законом сердца, созданного Творцом, совесть не может противоречить записанному слову Божию — Священному Писанию.

Анализ повествования об Апостольском Соборе позволяет заключить, что в суждении о язычниках и в обращении, посланном им, Апостолы не имели целью благовестить им Евангельское учение: предполагалось, что уверовавшие язычники уже оглашены им, знают его. Задача Апостолов состояла в другом — решить, нужно ли языщикам соблюдать закон Моисея в полном объеме или следует оставить из него для исполнения только то, без чего нельзя обойтись (*сие необходимое*). Необходимым оказываются только три предписания:

воздержание от употребления в пищу *идоложертвенного*, крови животных и

удавленины (в это понятие в Ветхом Завете включается мясо животных, из которых не выпущена кровь, падших от болезней, или убитых зверями (*звероядное*), или погибших в результате стихийных бедствий); воздержание от блуда; братолюбивое отношение к людям.

О недопустимости блуда Господь Иисус Христос сказал достаточно много: этот грех в Новом Завете ставится в один ряд с убийством. О человеколюбии сказано Им же еще больше. Но Иисус Христос как будто ничего прямо не говорит ни об идоложертвенном, ни о крови, ни об удавлении. От всего этого Господь часто предостерегает в Завете Ветхом. Придание Апостолами равной значимости «пищевому» запрету, запрету блуда и заповеди о непричинении зла людям явно говорит о том, что Апостолы не ставили перед собой задачи краткого изложения Евангельского учения о нравственности, но руководствовались чем-то другим. Об этом же свидетельствует и то обстоятельство, что Апостолы заповедают лишь не делать другим того, чего не желаешь себе, тогда как Христос призывает к большему — к любви к врагам, к самопожертвованию *за други своя* (Ин. 15, 13).

Следовательно, даже когда Апостолы повелевают блюсти доброе отношение к людям, они имеют в виду не Евангелие. В то же время совершенно ясно, что вы-

бранные из закона Моисея три критерия *необходимого* далеко не исчерпывают этого закона. Тогда если *сие необходимое* и не закон Моисея, и не Евангельские заповеди, то что же это такое? Это – закон, *написанный в сердцах* (Иер. 31, 33; Евр. 10, 16) человеческих Богом, равно обязательный для всех народов. Исполнение этого закона и содействует возможным верное восприятие и исполнение иудеями закона Моисея, а всеми, и иудеями, и язычниками, – Евангелия Христова.

Язычники, не имеющие писаного закона, должны и могут исполнять закон *совести по природе*, ибо они – Божии создания. Вот почему некоторые языческие племена, например поляне, следовали этому закону, вот почему летописец-христианин считает излишним подкреплять его ссылками на Священное Писание.

Некоторую трудность для понимания представляет в этом вопросе «пищевой» запрет, полагаемый Апостолами для язычников, уже уверовавших в Евангелие Нового Завета.

В чем именно состоит вред нечистой, скверной пищи, особенно крови, мертвечины и удушения для духовной жизни человека, для совести?

В Ветхом Завете Господь говорит древнему Богоизбранному Израилю: *Мяса, растерзанного зверем в поле, не ешьте, псам*

бросайте его (Исх. 22, 31); не ешьте никакой мертвечины (Лев. 14, 21); не ешьте крови ни из какого тела, потому что душа всякого тела есть кровь его (Лев. 17, 14); строго соблюдай, чтобы не есть крови, потому что кровь есть душа: не ешь души вместе с мясом, не ешь ее; выливай на землю ее, как воду; не ешь ее, дабы хорошо было тебе и детям твоим после тебя (Втор. 12, 23 – 25).

Животное, растерзанное зверем, является добычей (долей, частью) зверя, поэтому оставшееся мясо его и следует отдать зверям же – собакам. Человек, вкушающий такое мясо, входит «в долю» зверя, приобщается ему, нисходит в иерархии творений до уровня зверей. Поэтому, если случится ему совершить такое беззаконие, он должен очиститься (Лев. 17, 15). Вкушение мертвечины таким же образом вводит человека... в долю... смерти, приобщает ей. Но особенно велик духовный вред для человека от вкушения крови животных.

Запрет на кровь дан не только Израилю через Моисея. В древности он положен для всего человечества в лице Ноя и его рода, которому Господь повелел: *Все движущееся, что живет, будет Вам в пищу; как зелень травную даю вам все; только плоти с душою ее, с кровью ее, не ешьте; Я взыщу и вашу кровь, в которой жизнь ваша, взыщу ее от всякого зверя, взыщу также*

душу человека от руки человека... Кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека: ибо человек создан по образу Божию (Быт. 9, 3, 4 – 6). Здесь замечательно то, что Бог говорит о человекоубийстве в непосредственной связи с запретом вкушать кровь животных.

Церковь Христова, Церковь Нового Завета (Новый Израиль) отменила не все «пищевые» запреты Завета Ветхого. Например, христианам не возбраняется вкушать свинину и мясо некоторых других животных, запрещенных к употреблению в законе Моисея. Но вот что говорится в «Правилах Святых Апостолов», подтвержденных к неукоснительному соблюдению и последующими семью Святыми Вселенскими Соборами Церкви: «Если кто епископ, или пресвитер, или диакон, или вообще из священного сана будет есть мясо в крови души его, или зверятину, или мертвечину, — да будет извержен (из сана). Ибо это запретил закон. Если сие же делает мирянин, да будет отлучен» (правило 63-е).

Вывод, таким образом, следующий: Божий запрет употреблять в пищу кровь животных, звероядину и мертвечину дан всему человечеству и на все времена как один из законов совести. В законе Моисея он оказался лишь потому, что Богоизбранный народ должен был тем более соблюдать

то, что положено соблюдать всем народам земли. В таком смысле и следует понимать ссылку «на закон» в правиле святых апостолов.

В каких-то чрезвычайных случаях человек может вкусить все, что предложено ему обстоятельствами. Но если представить себе частое систематическое употребление в пищу мяса с кровью, мертвечины и звероядины, то нетрудно увидеть, что это неизбежно будет сообщать душам человеческим нечто от животного и звериного. Отсюда возможна и особая жестокость в отношении к людям, кровожадность. Не случайно древляне, которые, как звери, ели все нечистое, отличались и человекоубийством. Не случайно половцы, евшие мертвечину и всякую нечистоту, любили проливать и человеческую кровь и даже хвалились этим...

Наша летопись ничего не говорит об *идоложертвенном* просто потому, что такой проблемы не существовало во времена Нестора. Вообще славянская древность, за исключением некоторых прибалтийских племен, не имела развитого идолопоклонства с храмами и кастой жрецов, как это было в эллинском мире (о чем мы будем говорить особо).

Остается рассмотреть еще два положения закона совести — воздержание от блуда и доброе отношение к людям. Сообраз-

ность людей Триединому Богу, сотворившему их по Своему *подобию*, осуществляется, в частности, в онтологическом триединстве семьи: муж — жена — ребенок. Многоженство, распутство разрушают эту сообразность и тем самым отсекают людей от Бога. Знание этой истины может содержаться у язычников только в глубинах совести, в тайниках подсознания. Отсюда так редки языческие племена, в которых «по совести» соблюдается правильная семья.

Поскольку люди созданы по образу и подобию Божию, т. е. едины в природе (существе) и множественны в лицах (личностях), то любая обида, наносимая другому человеку, — это одновременно преступление и против Бога, и против себя. Обидевшему непременно воздается отмщением, иногда самым неожиданным образом. Вот почему предписано: *не делать другим того, чего себе не хотите* (Деян. 15, 29). Вот почему все без исключения народы и племена, отличавшиеся особым распутством и кровожадностью (любившие проливать кровь и даже хвалившиеся этим), нанесли, не ведая того, смертельные раны себе самим и уничтожены с лица земли частично или полностью (в точном соответствии с мерой своей вовлеченности во зло). В этом заключен духовный закон жизни, выраженный славянским текстом книги

Бытия точнее, чем русским переводом Библии: *Проливаяй кровь человеку, в ея место его пролиется; яко во образ Божий сотвориx человека* (Быт. 9, 6).

Нетрудно видеть, что три основных предписания закона совести представляют собой неразрывную совокупность.

Сохранение доброго отношения к людям, воздержание от скверной пищи и блуда неизбежно приближают к Богу как всякого отдельного человека, так и народ, стремящийся следовать Богоустановленному закону совести, являются залогом духовного здоровья и исторической жизнестойкости нации.

Богоустановленный закон совести в наибольшей чистоте соблюдался полянами — жителями Среднего Поднепровья с центром в Киеве³. Здесь и должен был быть создан идеальный образ человека, запечатленный в былинах, сказаниях и сказках. Но ведь указанная земля и есть Русь в самом узком смысле, зародыш будущего великого государства и нации. Значит, духовно Русь рождалась здесь! Свет, исходивший из среды полян, несомненно, влиял на окружающие племена. Но по мере подчинения Киеву славянских земель, ломки этнических границ племен и смешения полян с соседями мог начаться и обратный процесс — разложение нравственности полян под воздействием нравов сосе-

дей: «естественная» нравственность неустойчива. Она крепнет и утверждается только тогда, когда к трем отмеченным основным условиям, составляющим закон совести, добавляется четвертый — осознание людьми подлинным источником совести Бога Истинного — «Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым» (Символ Веры).

В решении Иерусалимского Собора Святых Апостолов четвертое условие подразумевается само собою, так как Апостолы обращаются к язычникам, уже принявшим Евангелие и уверовавшим во Христа. Для язычников Руси все было впереди и только подготавливалось Божиим Промыслом.

= Русское язычество

Под 980 годом «Повесть временных лет» отмечает: «И стал Владимир княжить в Киеве один и поставил кумиры за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, затем Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла и Мокошь. И приносили им жертвы, называя их богами, и приводили к ним своих сыновей и дочерей, а жертвы эти шли бесам и оскверняли землю жертвоприношениями своими. И осквернилась кровью земля Русская и холм этот».

В 983 году, после победы над ятвягами, Владимир «пошел к Киеву, принося жертвы кумирам с людьми своими. И сказали старцы и бояре: «Бросим жребий на отроков и девиц, на кого падет он, того и принесем в жертву богам». Был тогда варяг один (Феодор. — *Авт.*), а двор его стоял там, где сейчас

церковь Святой Богородицы (Десятинная. — *Авт.*), которую построил Владимир. Пришел тот варяг из греческой земли и исповедал христианскую веру. И был у него сын (Иоанн. — *Авт.*), прекрасный лицом и душою, на него-то и пал жребий, по зависти диавола. Ибо не терпел его диавол, имеющий власть над всеми, а этот был ему, как терние в сердце, и пытался сгубить его окаянный и натравил людей. И посланные к нему, придя, сказали: «На сына-де твоего пал жребий, избрали его себе боги, чтобы мы принесли жертву богам». И сказал варяг: «Не боги это, а просто дерево: нынче есть, а завтра сгниет; не едят они, не пьют, не говорят, но сделаны человеческими руками из дерева. Бог же один. Ему служат греки и поклоняются: сотворил Он небо, и землю, и звезды, и луну, и солнце, и человека, и предназначал его жить на земле. А эти боги что сделали? Сами они сделаны. Не дам сына своего бесам». Посланные ушли и поведали обо всем людям. Те же схватили оружие, пошли на него и разнесли его двор. Варяг же стоял на сених с сыном своим. Сказали ему: «Дай сына своего, да принесем его богам». Он же сказал: «Если боги они, то пусть пошлют одного из богов и возьмут моего сына. А вы-то зачем совершаете им требы?» И кликнули, и подсекли под ними сени, и так их убили. И не ведает никто, где их положили. Ведь были тогда люди невежды и поганы. Диавол же радовался тому, не зная,

что близко уже его погибель. Так пытался он погубить весь род христианский, но прогнан был Честным Крестом из иных стран. «Здесь же, — думал окаянный, — обрету себе жилище, ибо здесь не учили апостолы, здесь и пророки ничего не предрекли», не зная, что пророк сказал: «И назову людей не Моих Моими людьми», об Апостолах же сказано: «Во всю землю изыде вещание их, и в концы вселенныя глаголы их». Если и не были здесь Апостолы сами, однако учения их, как трубы, возглашают в церквах по всей Вселенной; их учением побеждаем врага-дьявола, попирая его под ноги себе, как попрали и эти два праведника, приняв венец победный наравне со святыми мучениками и исповедниками» [I, 1, с. 95, 97 — 99].

Вот своеобразный пик истории, грозное столкновение язычества с христианством на Руси! Словно молния, прорезало оно и осветило небосклон русской духовной жизни, потрясло эту жизнь до каких-то последних глубин... В летописи за 983 — 988 годы отсутствуют какие-либо свидетельства о человеческих жертвоприношениях идолам. Весьма вероятно, что именно мученическая кончина варяга Феодора и сына его Иоанна положила конец таким жертвам. Нигде раньше 980 года наша летопись не говорит о человеческих жертвоприношениях. Нет никаких указаний на такие жертвы и в других исторических материалах. Можно думать, что

человеческие жертвы идолам есть явление чуждое Руси, привнесенное, находящееся в связи с пантеоном кумиров, поставленных Владимиром на холме за княжеским двором, и через три года прекратившееся⁴. Если же говорить о язычестве вообще, это явление в определенном смысле закономерное. Случайно ли, что именно в связи с человеческими жертвами летопись вкладывает в уста дьяволу особое изъятие радости? Хотя всякое забвение Бога, поклонение силам и предметам природы совершается, как говорит летопись, «по наущению дьявола», но человеческие жертвы — качественно новая ступень. Здесь люди входят в особенное духовное родство с дьяволом, который, по словам Христа, *есть человекоубийца от начала* (Ин. 8, 44).

Постепенное «развитие» язычества, по летописи, представляется следующим образом. Рассказывая князю Владимиру Священную историю человечества, греческий проповедник-философ в «Повести временных лет» говорит: «По наущению дьявола приносили они (люди) жертвы рощам, колодцам и рекам и не познали истинного Бога... Затем дьявол ввел людей в еще большее заблуждение и стали они создавать кумиров: деревянных, медных... мраморных, а некоторые — золотых и серебряных; и кланялись им, и приводили к ним своих сыновей и дочерей, и закалывали их перед ними, и была осквернена ими земля».

Мы видим постепенное развитие характера жертвоприношений кумирам, некую стадийность. Идол Перуна стоял на холме в Киеве еще при князе Игоре (перед ним русские клялись на верность договору с Византией в 945 году) [I, 1, с. 69]. Поставлен этот идол, возможно, был при Олеге: в 907 году, при заключении договора с Византией под стенами Царь-града, Олег и его воины клялись «своим оружием и Перуном, их богом, и Волосом, богом скота» [I, 1, с. 47]. Но тогда ни Перуну, ни Волосу не приносили в жертву людей. Идолу Святовита у прибалтийских славян, как известно, жертвовали плоды земледелия, главным образом — испеченный в рост человека хлеб. В Древней Руси в жертву идолам приносили тоже плоды земледельческого труда, в основном печеные хлебы.

Есть еще один письменный источник, прекрасно проанализированный акад. Б. А. Рыбаковым, где русский автор XII века (вероятнее всего, игумен Даниил, автор знаменитого «Хождения...») свидетельствует о славянском язычестве [II, 13, с. 11 — 30]. Это свободный перевод нескольких мест из «Слова на Богоявление» святого Григория Богослова, сопровождаемый обширными примечаниями русского ученого монаха. Автор, побывавший в южных странах, вспоминает языческих богов, которым поклонялись в этих странах, и, в частности, пишет: «Так и

славяне начали трапезу ставить Роду и рожаницам прежде Перуна, бога их. А прежде того (т. е. прежде поклонения Роду и рожаницам. — *Авт.*) клали требы упырям и берегиням. После Святого Крещения Перуна отвергли, а приняли Христа Господа Бога нашего, но и ныне по окраинам молятся проклятому богу их Перуну, Хорсу, Мокоши... но делают это тайксм...» Далее еще раз упомянуты Род и рожаницы: «Никак не могут лишиться себя (люди. — *Авт.*), начав в язычестве, даже и доныне — проклятого того приношения — второй трапезы Роду и рожаницам на прельщение верным христианам и на хулу Святому Крещению» [П, 13, с. 15].

Итак, основные этапы язычества на Руси в источнике, условно называемом «Словом об идолах», определены как поклонение упырям и берегиням, Роду и рожаницам, Перуну и прочим языческим богам. Во времена автора «Слова об идолах» и в более поздние периоды русской истории пережитки этих культов продолжали существовать. В церковных обличениях язычества на Руси часто упоминаются также почитание колодцев, рек, озер (вообще воды), деревьев и рощ, вера в водяных, русалок, домовых, леших, срачи (судьбы), указываются еще некоторые всемогущие боги: Сварог (небо, небесный огонь), Ярило (летнее солнце). А народное поэтическое творчество одушевляет и наделяет личностными свойствами чуть ли не все являе-

ния природы и ее обитателей... [II, 1]. В VI веке византийский писатель Прокопий Кесарийский сделал о славянском язычестве такую запись: «Славяне признают одного бога — создателя молнии владыкою всех и приносят ему жертвы, не знают рока и совершенно не верят, что он имеет какую-либо власть над людьми... Почитают они реки, нимфы и некоторые другие божества, приносят им всяческие жертвы и по этим жертвам гадают» [II, 7, с. 53].

Ниже мы попытаемся обобщить самое интересное, с духовной точки зрения, во всем этом многообразном (на первый взгляд!) собрании «духов» и «богов». А пока нам важно подчеркнуть, что древнерусские авторы очень точно увидели и обозначили духовную сущность язычества как особую подчиненность дьяволу. В основе данной точки зрения лежат такие представления. Когда души человеческие попадают под власть дьявола (а под эту власть, хотя и в разной мере, попали все люди после грехопадения и до Первого пришествия Христова), он старается отвести и удалить их от Бога постепенно, поэтапно. Сначала — через поклонение естественным стихиям и силам природы; затем — через создание кумиров и поклонение этим сделанным «человеческими руками» истуканам, затем — через человеческие жертвы им... На следующих этапах должно быть уже прямое и сознательное поклонение са-

тому диаволу как богу, ибо в этом состоит его конечная цель, почему он и называется «врагом», противопоставлен Богу Небесному. Он отождествляется со змием, или драконом (Откр. 12, 9), осужденным Богом ползать по земле, *на чреве своем и есть прах* (землю) *во все дни жизни своей* (Быт. 3, 14). По природе же своей он есть создание Божие, ангельское существо (падший архангел), и потому иногда называется Люцифером («светоносным»). Змий-Люцифер в состоянии делать только то, что попускается ему Богом до времен». Если же говорить о людях и народах, то при всей неисповедимости Божия Промысла ясно, что не без свободной воли людей и народов, не без их свободного выбора совершается этот Промысл. С этой точки зрения, все, что происходило на Руси накануне Крещения, в высшей степени показательно!

Следует обратить внимание на то, что наша начальная летопись дважды (вторично – под 988 годом, в рассказе о Крещении Руси) свидетельствует об особых намерениях диавола относительно Русской земли, в которой он хотел обрести себе «жилище», будучи изгнан из многих других стран Честным Крестом. Чем-то Русь особенно притягивала его. Чем именно, отчасти объясняется словами, которые летописец влагает в уста самому змию: на Руси не учили пророки и Апостолы. Однако неверность такого рассуждения тут же разоблачается самим летописцем. Значит, не

только относительное духовное невежество народа побуждало диавола устремляться на Русь, но что-то еще...

Достаточный ответ на вопрос содержится в том же летописном рассказе о русских первомучениках. Вспомним слова об Иоанне, сыне варяга Феодора: (он) «был... прекрасный лицом и душою, на него-то и пал жребий, по зависти диавола. Ибо не терпел его диавол, имеющий власть над всеми, а этот был ему, как терние в сердце, и пытался сгубить его окаянный и натравил людей». Зависть к одухотворенной красоте и праведности – самая яркая и самая известная отличительная черта Люцифера.

Ранее, когда мы говорили о нравственных началах Руси, мы выяснили, что обладавшие кротким и тихим нравом поляне явились духовным ядром Руси; они же стали и политическим ядром русской государственности. Земля полян – Русь в узком и самом узком смысле. Их нравственность не могла не привлекать и действительно, как мы потом подробно рассмотрим, давно привлекала к Руси особую Божию благодать: с IX века многие русские, среди них и князья, становились христианами; уже при Игоре в Киеве стояла православная церковь во имя пророка Илии; уже приняла Святое Крещение равноапостольная княгиня Ольга, глубоко почитавшаяся всеми русскими людьми, в том числе и язычниками. Следовательно, не что

инное, как промыслительная предуготовленность Руси к принятию христианства, выражавшаяся в нравственной чистоте и праведности ее самого жизненно важного центра, и уже начавшееся распространение, христианства возбудили особую зависть диавола, стали ему, как «терние в сердце». «Жребий» зависти дракона падает на Русскую землю точно так же, как он пал на Иоанна, сына варяга-христианина. Причем падает прежде всего на духовное «сердце» и государственную столицу Руси — Киев: здесь пытаются совершать беспрецедентные для Руси приношения людей в жертву идолам. Результат, как мы видим, оказался обратным: Русь отшатнулась от таких жертв.

Рассмотрим, что именно на Руси способствовало приближению к Богу, христианству, к восприятию Истины? Чтобы понять происходившее, необходимо осознать, что представляет собой язычество как духовно-историческое явление?

Происхождение и сущность язычества на основании Священного Писания и Предания изображены в «Повести временных лет» так. После всемирного потопа, «когда спала вода, вышел Ной, его сыновья и жена. От них и населилась земля. И было людей много, и говорили они на одном языке, и сказали друг другу: «Построим столп до неба!» Начали строить, и был старейшина их Немврод; и сказал Бог: «Вот умножились люди на зем-

ле, и замыслы их суетны». И сошел Бог, и разделил речь их на семьдесят и два языка... Язык же Адама не был отнят у Евера, ибо он один из всех остался не причастен к их безумному делу и сказал так: «Если бы Бог приказал людям создать столн до неба, то повелел бы то словом Своим – так же, как сотворил небо, землю, море, все видимое и невидимое». Вот почему не переменялся его язык, от него пошли евреи. Итак, разделились люди... и разошлись по странам, и каждый народ принял свой нрав» [I, 1, с. 107].

Из этого в высшей степени важного свидетельства очевидно, что язычество – это духовное состояние людей, получивших разные языки, которое характеризуется особой приверженностью «замыслам суетным». «Языки»-народы перестали понимать друг друга и, забыв язык первозданного Адама, неизбежно лишились возможности так понимать Бога-Творца своего, так общаться с Ним, как Адам. Причем в прямой связи с языком каждого народа находится и особый «нрав», который этот народ «принял». Таким образом, к общечеловеческой поврежденности первородным грехом у язычников как бы добавляется и еще одно препятствие к общению с Богом.

Второго препятствия нет только у Евера и его потомков, сохранивших язык Адама. Этим в значительной степени объясняются и явление в еврейском народе таких вели-

ких праведников, как Авраам, Исаак, Иаков; имевших возможность говорить с Богом так, как некогда говорил Адам, и происшедшая, благодаря их праведности и вере, богоизбранность древнего Израиля. Но первородный грех со всеми его следствиями тяготел и над Евером, почему и были возможны различные отступления от Бога и истины в еврейском народе, хорошо известные из Библии. В глубочайшей древности именно потомок Евера Серух, по слову нашей летописи, «первым стал делать кумиры... Создавал он их в честь умерших людей; некоторых ставил прежним царям, других — храбрым воинам и волхвам, и женам-прелюбодейкам. Серух же родил Фарру. Фарра же родил трех сыновей: Аврама, Нахора и Арана. Фарра же делал кумиры, научившись этому у своего отца. Аврам же, начав понимать истину, отказался от идолослужения, за что Бог возлюбил Аврама и сказал ему: “Изыди из дома отца твоего и пойди в землю, которую Я укажу тебе, и Я произведу от тебя великий народ, и благословят тебя поколения земные и будет тебе имя Авраам”» [I, 1, с. 107]. Значит, если относительная близость к Богу тех, кто сохранил язык Адама, не могла удержать некоторых из них от падения в идолопоклонство в соответствии с законом свободы человеческой воли, то сугубая богоудаленность «языков» не должна была мешать им в исключительных случаях подниматься до ис-

кренного поиска Бога. Не для этой ли возможности каждый «язык»-народ возымел и особый «нрав», т. е. особенные образ жизни и мировосприятие? Какие-то черты этих «нравов» были общими для всех, так как внутреннее единство человечества сохранялось. Но в определенных чертах «нравов» всегда проявлялись и характеристические особенности народов. В таком случае разница нравов не могла не побуждать всех и каждого к сознательному рассмотрению и поиску того, что же в конце концов правильно и истинно в этом мире. Здесь — стимул для «совести и мыслей» людей и народов к поиску Бога, от Которого они отпали. Здесь и ключ к пониманию очень многого в русском язычестве.

Попробуем представить себе, что содержится за лаконичными строками Священного Писания о Вавилонском столпотворении, сопоставить это с записанным в нашей летописи преданием и с тем, что мы Знаем о дальнейших судьбах язычества и его верований.

На всей земле был один язык и одно наречие, — повествует книга Бытия. — Двинувшись с востока, они нашли в земле Сеннаар равнину и поселились там. И сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжем их огнем. И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола [брение] вместо извести [мела]. И сказали они: построим себе город и башню [столп] высотой до небес, и сделаем [сотворим] себе имя прежде, нежели рассеем-

ся по лицу всей земли. И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие. И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать; сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле: и они перестали строить город (и башню). Посему дано ему имя: Вавилон, ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял Господь их по всей земле (Быт. 11, 1 – 9). Равнина Сеннаар находилась в Месопотамии и принадлежала владениям Нимрода (Немврода), потомка Хама, о котором в Писании говорится особо, что он начал быть силен («исполин») на земле. Он был сильный зверолов [ловец] пред Господом (Богом)... Царство его вначале составляли: Вавилон, Эрех, Аккад и Халне в земле Сеннаар (Быт. 10, 8 – 10). Такая подробная характеристика среди многих потомков Сима, Иафета и Хама дается только Нимроду. Значит, он отличался поистине исполинскими силами и способностями. Это вполне объясняет, почему именно он, согласно Преданию, сделался старейшиной строительства города и башни.

Итак, люди решили разойтись по «лицу всей земли», но в каком-то новом качестве, «сотворив себе имя». Это означает, что вдохновителей предприятия не устраивало имя,

данное человеку Богом при его создании. Имя всегда выражает некую отличительную особенность природы. Очевидно, что в таких наименованиях, как «человек», «Адам», заключалось представление о том, что человек сотворен «по образу» и «подобию» Божью из «персти земли» и получил нечто непосредственно от Божественного начала: Бог *вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою* (Быт. 1, 26 – 27; 2, 7). Если люди решились «сотворить» себе иное имя, то оно должно было прежде всего содержать в себе смысл, заключенный в понятии «сотворить». Поскольку Творцом и Создателем всего является Бог, то указанное желание людей означало не что иное, как стремление уподобиться Творцу, быть *как боги* (Быт. 3, 5). Но это искусительное желание было внушено прародителям человечества еще в раю змием-диаволом и лежит в самой основе первородного греха. Следовательно, в замысле о Вавилонском столпотворении вновь повторяется то же соблазнительное предложение диавола людям – вопреки Богу сделаться как боги.

В таком случае новое имя людей должно было также содержать в себе представление о том, что человек приобретает нечто от начала своего нового «вдохновителя» – диавола.

Однако теперь, в состоянии греховной поврежденности и изгнанности из *рая сладос-*

ти, для того, чтобы быть как боги, уже недостаточно просто вкусить от древа познания добра и зла. Чтобы уподобиться Богу Творцу, нужно было приобрести Божественное всемогущество или хотя бы видимость такового. «Всемогущество» должно было позволить создать для людей на земле некое «райское» жительство без Бога и вопреки ему.

Этим целям и должны были послужить *город и башня высотой до небес*. Люди тех времен хорошо знали, что Небо духовное — ангельский мир — не может быть достигнуто с помощью вещественного сооружения. Значит, речь шла о достижении посредством «башни» неба вещественного — неких высших энергий космического порядка, получив которые человек мог бы ощутить себя «равным» Богу в могуществе и воспользоваться таким могуществом для создания себе «райской жизни». Поэтому «город», о котором идет речь в Священном Писании, нельзя рассматривать как необходимость размещения людей на период строительства «башни», иначе Писание не ставило бы их на один уровень — «город и башня». «Город» здесь явно представляется как новая форма организации человеческого общежития в ожидаемом «райском жителстве» и как тип подобных «городов», которые должны были создаваться людьми, когда они разойдутся «по лицу земли». Вернуть себе потерянный рай и достоинство призванных *господствовать на*

земле (Быт. 1, 26. 28) и сделать это наперекор Богу, вопреки Его определению о поврежденном грехом человечестве, к тому же с помощью диавола-Люцифера – вот что лежало в основе замысла Вавилонского столпотворения. И созидается этот искусственный *рай* в долине Тигра и Ефрата – как раз на месте первозданного *рая сладости*, где пребывали прародители рода человеческого *во Едеме на Востоке* (Быт. 2, 8. 14).

Если же отказаться от данного предположения, то вся затея строительства *города и башни высотой до небес* окажется вполне бессмысленным созданием никому не нужной кирпичной громады – трубы как обелиска или «памятника» единству людей в глупости. Это явно противоречит и тому единодушию, с которым была встречена идея столпотворения, и тем титаническим трудам и усилиям, которые вкладывались в ее осуществление, и тем «исполинским» способностям (и знаниям!), которыми обладал «старейшина их Немврод». Идея была и впрямь безумной, но отнюдь не глупой!

Нетрудно представить, что требовалось для реализации грандиозного замысла людей в долине Сеннаар. Требовалась четкая организация труда со строгой иерархией чиновничества и продуманным распределением работ

и обязанностей. Были необходимы также грандиозные знания как чисто строительного характера (математические, инженерные, физические, архитектурные, художественные и т. п.), так и мистико-магические (астролого-астрономические, спиритуалистические, демонологические). Таким образом, город и башня должны были быть подлинным синтезом древних общественно-политических, научных и мистико-магических знаний, искусств и ремесел, а также своего рода мистико-магическим механизмом, осуществляющим связь людей с силами (энергиями) высшего космического порядка.

Но без Бога и вопреки Ему стать богами невозможно, и Господь прекратил Вавилонское столпотворение, разделив язык и лишив людей взаимопонимания и возможности единения в осуществлении безумной и пагубной затеи. В результате образовались языковые общности (согласно Преданию, 72). Впоследствии они стали дробиться, порождая новые языки — народы. Так началось язычество. Но не исчезли бесследно ни идея стать *как боги*, ни знания, требующиеся для ее мнимого осуществления. Укорененные в поврежденной грехом природе человека, «познавшего добро и зло», и поддерживаемые змием-диаволом, эти знания в более или менее полной форме продолжали сохраняться в виде тайных (окультурных) знаний в разных народах. Тщательно хранимые в кастах

«посвященных» — жрецов, шаманов, в различных «тайных обществах» и «братствах», тайноведения дифференцировались и интегрировались, кодировались и зашифровывались в символах и ритуалах. Так возникли пирамиды Египта и Америки, различные странные сооружения, не имеющие аналогов ни в храмовой, ни в гражданской архитектуре, вроде погребальной камеры «Царского кургана» в Керчи (IV век до Р. Х.), — эти своего рода осколки, варианты, а точнее — модели Вавилонской башни. Так возникли не связанные прямо между собой, но обладающие сходной символикой и обрядностью тайные учения каббалы, некоторые мистические течения, известные в Индии, на Дальнем Востоке, в Сибири, «пифагорейские» школы и мистериальные братства Греции, европейское тамплиерство, современное масонство с его идеями тотального объединения человечества под главенством своего «мирового правительства» и с опорой на науку и технику...

Если праведный Евер обрел благодать у Бога за отказ от участия в строительстве *города и башни*, за что Господь в его потомках — еврейском народе — уготовал Пришествие Спасителя мира, то после отвержения в этом же народе истинного Мессии никто иной, как потомки Евера по плоти сделались инициаторами ново-

го объединения человечества и самыми активными «строителями Вавилонской башни» современной западной цивилизации.

В противоположность этому, как видим, очень давнему устремлению падшего человечества к «вавилонскому» объединению, Христос Своим Пришествием открыл людям возможность к благому объединению в Себе через основанную Им Церковь. Это произошло в день сошествия Святого Духа на Апостолов (христианская Пятидесятница). Дух Святой в виде отдельных огненных языков осенил головы собравшихся на молитву учеников Христовых, после чего они стали проповедовать о Нем на языках разных народов мира, которым никогда не учились (Деян. 2, 1 – 12). Древний тропарь праздника Пятидесятницы прямо сравнивает и противопоставляет «смешение языков» в Вавилоне и «раздаяние огненных языков» в Пятидесятнице: *Егда снизшел еси языки слия, разделяше языки Вышний, егда же огненные языки раздаяше в соединение всех призва...* т. е., когда Вышний Бог снизшел, смешивая (в Вавилоне) языки, Он разделил (человечество) на языки (народы), когда же (в день Пятидесятницы) Он раздавал огненные языки (над главами Апостолов), то призывал все человечество в соединение (Духом Святым во Христе). Такое соединение – ан-

титеза объединению «вавилонскому» и имеет благую цель действительного возвращения людей в град небесный Царства Божия. Понятен теперь и смысл образа «ловитвы» в другом тропаре праздника Пятидесятницы: *Благословен еси Христе Боже наш, иже Премудры ловцы явлей...* Ловцу Нимроду, уловившему людей в единение на пагубную затею, здесь противопоставляются Апостолы Иисуса Христа, Который улавливает Вселенную, т. е. последовавшее за Ним человечество объединяет на пути к подлинному Спасению в Царстве Божием. Во Христе объединились к настоящему времени бесчисленные представители народов, и прежде всего покаявшиеся потомки тех, кто принял участие в общем деле на земле Сennaар. Таким образом, возникли две общности — Церковь верных Богу и *церковь лукавующих* (Пс. 25, 5); обе стремятся к объединению человечества, но с разными целями.

Следовательно, отношение человечества к «Вавилонской башне» оказывается своеобразным духовным стержнем мировой истории слепопотопного времени, а мера насыщенности отдельных народов тайнознаниями, происходящими от Вавилонского столпотворения, и степень близости к идее «Вавилона» — одним из важных показателей духовного состояния народов и способности их к принятию Христа и Евангелия.

Но вот вопрос: почему вавилонские тайнознания (назовем их так) на протяжении веков были (и во многом по сей день остаются) именно тайными даже в недрах народов, исповедующих языческие религии, не говоря уже о христианских, так что «посвященным» приходится эти тайнознания хранить в секрете от «профанов»?

Люди, как сотворенные Богом, и в глубине души, иногда подсознательно, таящие памятование об этом, не могут быстро и непосредственно перейти к восстанию против Бога и к поклонению Его врагу — дьяволу, что является главным и непременным условием надежды на успех Вавилонского столпотворения. «Бесстрашными» могли в этом смысле быть лишь отдельные, исключительные люди, свободная воля которых особенно тяготела к поклонению дьяволу — Люциферу. Из таких людей и создавались касты, братства, общества «посвященных», с презрением взиравших на «профанов». В среде «посвященных» хранились вавилонские тайнознания, разрабатывались и средства постепенного приведения человечества к «идее Вавилона» в будущем...

Для нас важно выяснить, что представляло собою духовное состояние Русской земли дохристианского периода с точки зрения развития национальных языческих верова-

Языческие идола Древней Руси

ний и отношения к вавилонским тайнозна-
ниям.

В нашей начальной летописи есть удиви-
тельное повествование о сознательном иссле-
довании при князе Владимире различных ре-
лигий с целью выбрать истинную. Этот рас-
сказ будет в дальнейшем предметом наше-
го особого внимания. Теперь же мы хотим
сказать, что это «испытание вер» не могло
произойти вдруг. Ему должен был предше-
ствовать длительный, глубокий и обширный
процесс поиска правды, совершавшийся в по-

колениях русских людей, часто неосознанно, путем отбора — принятия одних религиозных представлений и обычаев и отказа от других. Окончательный «выбор веры» при князе Владимире является кульминацией, завершением этого процесса.

Что же принимала и что отстраняла от себя языческая Русь?

Вместе со всеми языческими народами Русь всегда глубоко и живо чувствовала и видела одушевленность всего окружающего мира — вселенной, природы, ее стихий, земли, животных. Особым почитанием пользовалась земля: ее называли «землей-кормилицей», «матерью» («мать-сыра земля»). Земледельцы, прежде чем начать пахоту, кланялись земле, обращались к ней, как к живому существу, с просьбой об урожае. Перед землей произносили клятвы, ее целовали; совершивший преступление (убийство) должен был просить прощения у земли (ибо она, как мать убитого, может простить убийцу). Нельзя не видеть, что такое отношение к земле содержит в себе зерно сущей правды: человек действительно сотворен отчасти из *персти земли* (Быт. 2, 7). Наличие у земли творческих способностей не покажется фантазией, если вспомнить книгу Бытия, где Бог повелевает земле и воде *произвести души* живых существ, и земля и вода, исполняя это повеление, производят души всех животных, пресмыкающихся, рыб и птиц (Быт. 1,

20. 24). От живой земли и была взята Господом *персть* для создания человека! Так что почитание русскими язычниками «матери-земли» — отнюдь не наивность. Заблуждение язычников в том, что, не ведая Бога — Создателя человека и земли, они поклоняются творению, не Творцу. То же самое следует сказать и о поклонении другим стихиям и силам природы: воде, солнцу, ветру, грозе и т. п. То, что все эти кажущиеся слепыми и «чисто физическими» стихии и явления управляются душевно-разумными силами высшего порядка, незримо присутствующими во внешних явлениях, люди чувствовали очень живо и правильно. Ошибка была в забвении истинного Создателя и управителя всех «высших» и «низших» космических тварных сил. Отсюда неизбежно проистекали, с одной стороны, обособление стихий и сил друг от друга и персонификация их (в образах «богов» и «духов»), а с другой — вполне понятная путаница в определении их взаимоотношений, смешение функций божественных «персон», сравнительная легкость подмены одних другими. Впрочем, это «дробление» космоса в представлении русских язычников сочеталось с удивительным восприятием мира как целого, с пониманием всеединства бытия, о чем мы будем говорить особо. Не было у русских язычников и верного представления о силах добра и зла, но всегда было точное чувство их реального существования и

присутствия в жизни людей и окружающего мира. В этом отношении показательны упомянутые «требы» упырям и берегиням. Упырь в представлении язычника — это вампир, таинственное, страшное существо, иногда высасывающее кровь у человека, способное принести и много другого зла. Русские склонны были видеть в упырях злых мертвецов, называемых «навье». Навье — не свой человек, не родственник, не предок; он — чужак (иноплеменник, не погребенный как следует, прищелец или злодей). Таких мертвецов старались задобрить приношениями пищи («требы»), остатками семейной трапезы, в иных местах для них после мытья оставляли натопленные бани (чтобы они могли помыться) и т. д. Но чаще всего от них старались оборониться различными заговорами и заклинаниями.

Берегини, напротив, — добрые существа, связанные, как указывает название, с берегами рек, озер, морей. Академик Б. А. Рыбаков хорошо подметил этимологическое единство понятий «берег» и «беречь», «оберегать». Как полагают, берегини постепенно обратились в народных представлениях в русалок, от которых во многом зависело не только благополучное плавание, но и ниспослание на пашни обильной росы и дождя. Русалки мыслились тоже мертвецами, но более расположенными к живым, чем упыри. В честь этих таинственных житель-

ниц прибрежных зарослей устраивались особые празднества, пережитки которых в игровом и полушутливом варианте сохранились до наших дней.

Важная запись имеется в начальной летописи под 1092 годом. «Предивное чудо явилось в Полоцке в наваждении: ночью стоял топот, что-то стонало на улице, рыскали бесы, как люди. Если кто выходил из дома посмотреть, тотчас невидимо уязвляем бывал бесами... и оттого умирал... Затем начали и днем являться на конях, а не было их видно самих, но видны были коней их копыта; и уязвляли так они людей в Полоцке и в его области. Поэтому люди говорили, что «навье» бьют полочан» [I, 1, с. 225]. Летописец явно противопоставляет суеверное представление полочан о «навье» христианскому представлению о бесах. Следовательно, с точки зрения церковного сознания того времени, когда языческие верования были еще очень живы в народе, «навье» отнюдь не были искаженным представлением о бесах — ангелах бездны, потому что русские язычники ничего не знали о них.

Каковы же в таком случае были представления русского язычества о потустороннем мире? Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют думать, что потусторонний мир в сознании русских находился в границах пространственно-временного бытия. Русские имели представление о рае, который назывался «ирий», или «вырий»,

как о вечном блаженном бытии умерших людей. Он мыслился или на видимом небе, или где-то в неведомых, теплых восточных землях как прекрасный сад, из которого к людям каждую весну прилетают птицы. Так, в Поучении Владимира Мономаха о перелетных птицах сказано: «подивимся тому, как птицы небесные из ирья идут». В одной украинской песне в уста сокола вложены слова: «бидна ж моя головонько, що я рано з выр'я вийшов...» [II, 13, с. 276]. Понятие «райские птицы» в применении к некоторым видам пернатых из далеких заморских стран очень не случайно, восходит к глубокой языческой древности и широко распространено вплоть до нашего времени. В 922 году в г. Булгаре на Волге (столице Волжской Болгарии в X – XII вв.) араб ибн Фадлан был очевидцем пышного и страшного обряда погребения знатного руса. Покойника положили в ладью вместе с дорогими предметами обихода. Умертвили несколько человек из числа его верных слуг и всех их вместе с именитым покойником сожгли на огромном костре. Когда араб спросил одного из русских купцов, для чего они так поступают, купец через переводчика ответил: «Вы, о арабы, – глупы! Воистину вы берете самого любимого для вас человека... и бросаете его в землю, и съедят его прах и гнус и черви... А мы сжигаем его во мгновение ока, так что он входит в рай не-

медленно и тотчас». По свидетельству ибн Фадлана, рай у русских находится не под землей, а где-то очень высоко [П, 13, с. 275 – 276]. «Отправляя» в рай человека, русские язычники снабжали его всем тем, что необходимо в земной жизни. Обычай сожжения покойников возник в славянстве давно и сохранился долго, как о том говорит и преподобный Нестор, описывая погребальные обычаи радимичей, вятичей, кривичей, северян [I, 1, с. 31]. Однако данные археологии свидетельствуют и о широком распространении в те времена на Руси обычая погребения в земле. В захоронениях эпохи языческой Руси находят столовую посуду, украшения, оружие, деньги и другие предметы быта. В древности часто полагали, что «путями» в загробную жизнь служат реки [П, 15, с. 294, примеч. 99]. Жизнь «за гробом» представлялась как бы продолжением или параллелью земному существованию. Считалось, что душа и тело не разделяются, как свидетельствуют обряды сожжения и захоронения в земле покойников, но человек приобретает таинственные свойства невидимо являться из загробного мира к живым людям. И по сей день эти представления сохраняются в народных суевериях. Так, в Казанской земле на угол дома, где умер человек, прибывают с внешней стороны белый носовой платок, чтобы «покойник мог скорей найти свой дом». На подоконник для

него ставят пищу. В Курской области до сорокового дня в доме умершего держат святую воду в открытом сосуде, чтобы покойник «приходил пить».

Почитание умерших предков было распространено в языческой Руси повсеместно и очень глубоко укоренено в вековых традициях. Верили, что от благосклонности «дедов» («щуров», «пращуров») во многом зависит судьба потомков. Умершим предкам устраивали обильные поминки, тризны (игрища с состязаниями и гуляньем), чествовали их в особые дни года, готовили для них трапезы, призывали их на угощение. Нередко «домовой» мыслился как умерший предок. Например, по сей день «домового» называют «хозяином», что, несомненно, восходит к очень глубокой древности, когда хозяином в буквальном смысле мог быть только старший член семьи. Таким образом, как это ни удивительно, на Руси в языческую эпоху не было представлений о преисподней, о подземном или подводном мирах и их обитателях, не было и культа «подземных богов». Божества, которые учеными еще как-то связываются с землей: Переплут, Симаргл (священная собака), отчасти — Волос (Велес), не «опускаются» глубже почвенного слоя с корнями растений. Это боги земли, но не подземные боги [II, 13, см. гл. «Рождение богов и богинь»]. Уместно вспомнить слова Откровения, в которых Господь одобряет тех, *кто*

не знает так называемых глубин сатанинских (Откр. 2, 24).

Все языческие боги Древней Руси связаны только с небесно-наземным бытием. Перун, возглавлявший сонм богов на холме у княжеского двора в Киеве, выдвинулся на первое место, как полагают ученые, только в позднюю дружинно-княжескую эпоху. Но его культ существовал давно и был широко распространен у славянских и неславянских народов. Установлена его связь с литовско-латышским Перкунасом-Перконсом [II, 13, с. 417 – 418]. Перун – бог молнии и грома, бог войны, покровитель воинов. В нем сочетаются черты Зевса-Громовержца и бога войны Марса. Д. Фрэзер подчеркивает его связь с Зевсом [II, 17, с. 136]. По данным А. Н. Афанасьева, Перун – это Сварожич, сын бога неба – Сварога [II, 1, с. 471], что еще более сближает его с Зевсом, так как последний тоже сын бога неба – Урана⁵.

У русских, следовательно, было представление о небе как о прабоге, «родителе» всех богов. Это представление восходит к индийским верованиям. Имя «Сварог» происходит от санскритского *svarga* – «небо». Возможно, именно потому, что представление о Свароге было заимствованным, в исторических материалах нет данных об особом культе этого божества у русских. Зато славянский Дажьбог – общепризнанный Сварожич, сын Сварога, широко почитался наряду с

Перуном. Дажьбог (или Даждьбог) – божество солнечного света и, как свидетельствует само его название, податель всяческих благ, особенно земледельцам, каковыми и были русские. Однако Дажьбог – не солнце. Богом солнца был Хоре – божество иранского происхождения. Разделение понятий солнечного света и солнца как его носителя свойственно почти всем известным языческим религиям. Так, у древних греков бог солнечного света – Аполлон, а бог солнца – Гелиос. Стрибог, как полагают, управлял ветрами, пригоняющими, в частности, дождевые тучи, столь необходимые в нужные сроки для земледельцев. Культ Симаргла, до недавнего времени приводивший в недоумение многих ученых, оказалось, связан с божеством иранского происхождения. Симаргл – посредник между небом и землей, он стряхивает на землю семена деревьев и растений, охраняет всходы от диких зверей и скота, бережет корни растений [II, 13, с. 207 – 208; 435 – 436].

В пантеоне кумиров князя Владимира Мокошь (Макешь) – единственное женское божество. Суть представлений, связанных с ним, до сих пор не совсем ясна. В «Хождении» игумена Даниила (XII век) прилагательное «мокотный» относится к культу восточной Астарты. Некоторые думают, что это божество плодородия и домашнего очага имеет финское происхождение [II, 4, с. 124]. Академик Б. А. Рыбаков, напротив, склонен при-

знать в нем русскую богиню урожая, а также удачи в широком смысле («кышь», «кошь» в древнерусском языке — жребий и плетеная корзина). По данным этого же учебного, особое почитание Мскоши (Мокуши) было распространено в северных русских землях (новгородских), что может свидетельствовать в пользу его угро-финского происхождения.

Волос (или Велес) не входил в число кумиров князя Владимира, возможно, лишь потому, что очень почитаемый идол этого божества задолго до 980 года (в IX — начале X века) уже стоял в Киеве на Подоле [II, 4, с. 63], вблизи городских пастбищ и предполагаемого места торговли скотом. Это соответствует летописному свидетельству о нем, как о «скотьем божестве». Современными исследованиями установлены сложные связи почитания Волоса с древними медвежьими культами. Еще в XIX веке отрубленную медвежью лапу, прибитую на избе, называли «скотьим богом». Академик Б. А. Рыбаков название «Волос» производит от «волохатый» (волосатый), откуда происходит и слово «волхв», «волхвовать» — гадать, обрядившись в медвежью шкуру или в вывернутый наизнанку тулуп. В то же время Волос как-то связан и с аграрным культом. До сих пор в некоторых местах Белоруссии сохранился обычай оставлять на убранном поле пучок колосьев «Волосу на бородку» [II, 13, с. 421 —

425]. В языческой Руси был широко распространен культ богини Лады, олицетворявшей весну и покровительствовавшей браку и семье. Вместе с ней часто упоминается Леля (или Лель), происхождение которой спорно. Женским образом русские обозначали (особенно часто на вышивках) и такие отвлеченные понятия, как «свет» и рождающее начало природы.

В наших исторических материалах можно встретить также упоминание о Яриле, который иногда связывается с представлениями о яром солнце, а иногда — с рождающей энергией земли и в этом случае иногда олицетворяется фаллическими изображениями.

Наибольшего внимания заслуживают верования, связанные с Родом и рожаницами (они чаще всего упоминаются вместе), а также со Святовитом (или Световидом). Судя по всему, Святовит для славян западных и прибалтийских — то же самое, что Род — для славян русских. Но прежде чем перейти к их рассмотрению, заметим следующее.

Среди основных богов русского язычества нет «умирающего» и «воскресающего» божества, хотя есть ряд «солнечных» богов. Но их культ не связан с теми мистериями и «посвящениями», с которыми сопряжен был, например, культ Озириса в Египте. А. Н. Афанасьев усматривает некоторые намеки на сходные представления, содержащиеся в русских сказках [П, 1, с. 251], но это большая

натяжка. Если же не прибегать к произвольным предположениям, то следует признать, что данные истории и археологии позволяют утверждать: в Древней Руси не было ритуалов и мистерий, связанных с идеей об умирающем вечером и воскресающем утром солнце, которое на самом деле и не умирает, и не воскресает, о чем прекрасно знали жрецы. Умиравший и воскресающий бог солнца нужен был как символ духовной «смерти» и мнимого «воскресения» тех людей, которые посвящались в жреческие касты и тайные братства, о чем еще будет сказано. Этой «глубины» Русь не знала. А между тем это один из существенных элементов вавилонских тайнознаний.

Не «углубилась» Русь и в идолослужение до такой степени, чтобы иметь идольские храмы и касту жрецов, хотя по соседству со славянами, в Причерноморье, находились колонии Греции (впоследствии — Римской империи), где были и храмы, и жрецы. На северо-западе, у прибалтийских славян, тоже имелся соблазнительный пример — языческие храмы и жрецы, сохранившиеся с древности до XI века. Археологи находят на территории русских земель домашние жертвенники и общественные требища для совершения обрядов аграрной магии, но в них не было истуканов — богов. А когда появились истуканы (довольно поздно и далеко не везде), над ними не строили храмов, они стояли под

открытым небом. Не было у древних славян и жрецов как сословия для обслуживания аграрной магии. Жреческие функции мог исполнять старший в роде (семье) князь, волхв. Были волхвы, ведуны, ведуньи (ведьмы), чародеи и чародейки (хотя они всегда чтились меньше, чем волхвы-финны). Но эти колдуны не были жрецами богов, не составляли организованной касты.

В русском язычестве также совершенно отсутствуют какие-либо тайные общества с целью посвящения (инициации) юношей в охотничью магию. Некоторые ученые пытаются найти отголоски таких инициаций в русском сказочном эпосе. Но это только предположение, к тому же относящееся к дославянскому периоду истории.

Что же касается языческой магии на Руси, то она была очень развита, охватывала почти все стороны семейной и общественной жизни и оказалась особенно живучей. В основе народной магии лежали представления о том, что с помощью образов — словесных, живописных или скульптурных, предметных, а также динамических (в виде определенных действий, движений) можно установить реальную связь с первообразами, т. е. с теми природными и космическими силами разного порядка (от физических до духовных), которые человек хочет использовать в своих интересах. Это действительно так, в этом состоит один из интереснейших законов бытия. Заблуждение ма-

гов и тех, кто к ним обращается, не в том, что они верят в то, чего на самом деле нет, а в том, что, не ведая Бога – Промыслителя и Правителя всех Им же созданных сил и энергий, люди пытаются без Него (или вопреки Ему) использовать эти силы, вступить с ними в самостоятельное общение. В таком случае люди, как правило, быстро улавливаются диаволом и ангелами его, так как им попущена Богом до времени определенная мера власти над силами и стихиями природы («земли», в которую низвержены эти падшие существа).

Магия – действительный опыт неисчислимых поколений. Этим только и можно объяснить тот поразительный факт, что «боги» языческой Руси давно «умерли» в народном сознании, а магия осталась. Более того, в последнее время в связи с общим упадком веры она даже начала процветать. Объясняется этот феномен также и тем, что магия совсем или почти совсем не связана с культом языческих богов. По мысли Д. Фрэзера, магия фундаментально противоположна религии. Если религия имеет дело с разумными существами, от воли и желания которых зависят обстоятельства жизни человека и которых, следовательно, можно склонить на милость молитвами и жертвами, то магия исходит из совершенно иных представлений. «Магия, – пишет Д. Фрэзер, – предполагает, что одно природное событие с необходимостью следует за другим без вмешательства ду-

ховного или личного агента» [II, 17, с. 61 – 62. (Все о магии, ее видах, отношениях к науке и религии см. в гл. 3, 4 и 49)].

Магия может соединиться и с языческой религией, превращаясь тогда в логическом развитии в демонопоклонство. В нашей начальной летописи есть рассказ о некоем новгородце, который пришел к кудеснику – чудину (чудь – угро-финская народность) с целью погадать. Гадание не удавалось, так как на новгородце был крест. По предложению кудесника пришелец снял крест и вынес из дома, после чего гадание состоялось. Но затем новгородец поинтересовался, почему нужно было снять крест. Волхв ответил: «Это знамение небесного Бога, которого наши боги боятся». Новгородец же сказал: «А каковы ваши боги, где живут?» Кудесник ответил: «В безднах. Обличьем они черны, крылаты, имеют хвосты; взбираются же и под небо послушать ваших богов. Ваши ведь боги на небесах. Если кто умрет из ваших людей, то его возносят на небо, если кто из наших умирает, его несут к нашим богам в бездну». «Так ведь и есть! – восклицает летописец, удивляясь совпадению представлений кудесника-финна с христианскими воззрениями. – Грешники в аду пребывают, ожидая муки вечной, а праведники в небесном жилище водворяются с ангелами» [I, 1, с. 193].

Как видим, здесь выражено четкое представление о преисподней и ангелах ее, но

оно исходит из нерусской среды и относится уже к XI веку. Археология ныне дала очень богатый материал, свидетельствующий о наличии у славян-русских аграрной, брачной, скотоводческой, охотничьей магии. В «архаиче-ских слоях» народных заговоров-заклинаний есть элементы и «белой», и «черной» магии (т. е. направленной и на добро, и на зло людям). Но никакие исторические материалы не обнаруживают в русском народном сознании и следов развитой демонологии. Вышеприведенный пример гадания у кудесника свидетельствует о том, что, находясь в самом тесном соседстве с финскими племенами, частично даже смешиваясь с ними, Русь и эту «глубину сатанинскую» отвергла вполне осознанно. Магия Древней Руси не имела ничего общего с демопоклонством. Такая относительно «чистая» магия, преследующая вполне житейские, рациональные цели, никогда не чуждалась и знаний о природе, ее явлениях, свойствах материи. Сюда прежде всего относятся «секреты» народной медицины, лекарственных растений и веществ, хранителями которых в древности, как правило, являлись различные чародеи и чародейки. Кстати, слово «чародейство» происходит, по мнению акад. Б. А. Рыбакова, от слова «чара» в значении «миска, широкий сосуд для воды» (таз). Заклинаниями и действиями над водой в чарах (чарках) старались, например,

вызвать дождь или прекратить его. Совершали и многие другие действия, как это и теперь делают знахари.

Избежало русское язычество и других опасных сторон вавилонских тайнознаний. В отличие от славян скифы Причерноморья, как свидетельствует прикладное искусство, знали некоторые каббалистические знаки; у них также были приняты и тайные «посвящения» в жрецов, сходные с ритуалами шаманства на Севере и в Сибири. Известны знаки каббалы (например, свастика) были и людям трипольской культуры (IV – III тысячелетия до Р. Х.), поселения которых немало захватывали юго-западный край Поднепровья. Трипольская культура, судя по археологическим данным, быстро шла в направлении оккультизма и демонопоклонства. Но люди этой культуры вместе с ней исчезли с лица земли... Они, как и скифы, – не славяне. Лишь некоторую часть трипольцев ученые склонны относить к предкам праславян. Параллелями трипольской символики у русских являются только ромбо-точечный орнамент – знак плодородия земли и вышедшей замуж молодой женщины [II, 3, с. 41 – 50], коврово-меандровый орнамент [II, 13, с. 87 – 94], восходящий к еще более глубокой древности, чем трипольская культура. Но выраженный змеиный орнамент и явно просматривающийся в индоевропейской среде, особенно в Скандинавии и Прибалти-

ке, культ змей [П, 13, с. 171 – 172] для Руси не характерны.

У многих народов в тесной внутренней связи с магией аграрной находилась брачная магия. Плодородие земли и плодovitость женщины рассматривались как проявление одной и той же по сути рождающей силы Земли (Вселенной). Кое-где она выражалась фаллическими символами. По этнографическим данным, в некоторых местах России в прошлом веке прибегали к этим символам. Но это могло быть привнесенным явлением. Археология обнаружила такие символы на Русском Севере (Старая Русса, XI век) и в Польше (Ленчица, XII век) [П, 13, с. 39, 41]. Конечно, данные археологии никак нельзя считать окончательными. Но все же вряд ли случайно, что изображения фаллосов (да еще с человеческими лицами!) обнаруживаются на северных окраинах Руси и за ее пределами, а не в центре. Трудно представить, чтобы кроткие поляне с их «великим стыдением» могли пользоваться этой «срамотой» в своем ритуальном обиходе. Изображения фаллосов с человеческими лицами заставляют предположить, что это не просто атрибуты брачной магии, а свидетельства каких-то особых культов *беззакония и греха* (Пс. 50, 7). Даже для язычества это уже определенная крайность, и мы вправе сомневаться в их одинаковом повсеместном распространении среди древних племенных союзов славян Рус-

ской земли. А эта крайность, как будет видно в дальнейшем, не такая уж безобидная, с духовной точки зрения.

В древнерусских орнаментах на тканях (полотенца, скатерти) встречается заслуживающий внимания сюжет. Широко известны композиции с изображением женской фигуры с поднятыми руками и двумя всадниками по сторонам. Иногда вместо женской фигуры изображается дерево («древо жизни»). Такие сюжеты характерны для центральных областей Руси. Но в тех же областях встречается и другая орнаментальная тема — вместо всадников изображены два оленя или два лося, а женская фигура часто имеет оленьи рога. Такая композиция характерна для северных русских земель, где Русь соприкасалась с финскими племенами и народами Крайнего Севера и Сибири. Тщательное исследование возможных истоков «оленьих» и «лосиных» образов привело акад. Б. А. Рыбакова к интересным наблюдениям.

Археологии давно известны (существуют большие коллекции) так называемые пермские шаманские бляшки — «чудские образки». Эти литые из бронзы изделия с любопытными изображениями датируются неодинаково (VI — X или XI — XV века). Они принадлежали угорским шаманам. На бляшках изображен стоящий на ящере (владыке подземно-подводного мира) человек, на голову которого надета морда лосихи, ноги чело-

века — с копытами. Иногда он имеет крылья. По обеим сторонам от него расположены две женские фигуры с лосиными головами, но с человеческими лицами; они склоняются к человеку так, что часто их лосиные головы смыкаются над ним, образуя свод. Стоят женщины-лосихи своими копытцами тоже на ящере. От лосих к ящеру с двух сторон стекают струйки воды. Такая композиция является основной, стержневой. Но бывают варианты: вместо человека с лосиной головой и крыльями изображаются обычные люди (семья), иногда одно человеческое лицо — анфас, но всегда присутствуют головы лосих, потоки воды и ящер, обращенный головой вправо или влево, или с двумя головами на концах туловища. Параллельное изучение тунгусско-самодийско-угорской мифологии позволило обнаружить мифы, распространенные у всех северных народов и народов Сибири вплоть до Сахалина, которые с поразительной точностью объясняют изображения угорских шаманских бляшек [II, 12, с. 50 — 86].

Шаман для получения особой колдовской силы должен обойти все три «яруса», или области, Вселенной. Сначала он опускается в подземно-подводный мир, в котором царствует ящер. Затем, получив от ящера крылья птицы — гагары, шаман поднимается в верхнюю, «небесную» область бытия. Там он видит чум (обиталище) двух «владычиц

Вселенной». Ими оказываются две женщины, подобные оленям, покрытые шерстью (в иных вариантах они подобны лосихам). Перед этими существами горит огонь, который оказывается как бы сиянием солнечных лучей. Одна из этих «владычиц» рождает оленей домашних, другая — диких. От «владычиц» шаман получает полную меру необходимой колдовской силы, после чего он возвращается в средний «ярус» мира, к людям, среди которых и использует полученную силу.

В исторической действительности на головных уборах шаманов имелись изображения головы лосихи. Значит, человек с лосиной головой на пермских бляшках — шаман.

Вода, связывающая лосих с ящером, — это две реки Вселенной, которыми окаймляются все три ее «яруса», или области, бытия. На самом дне мироздания — ящер (ср.: дракон, змий). Различные положения его головы на бляшках ученые обоснованно связывают с движением солнца (оно в виде шара иногда помещается во рту одной из женщин-лосих). Солнце, по шаманским представлениям, восходит сначала из-под земли, затем поднимается на небо, а на западе вновь опускается под землю, где и попадает в пасть ящеру, выпускающему его потом снова с другой стороны. Когда хотели передать образ ночи, ящера изображали двуглавым, т. е. уже захватившим солнце

с запада и готовым выпустить его с востока. Следовательно, небольшая шаманская бляшка претендует на обобщенный образ бытия всей Вселенной: неба, земли и преисподней.

Мистический образ дракона, поглощающего солнце, универсален и известен всегда как образ дьявола. Не случайно он и помещен в шаманских бляшках и мифах на дно бытия, в нижний его «ярус». Шаман сперва идет к нему. Но может ли дракон вознести колдуна на подлинное духовное небо? Он обманывает как всегда и во всем. «Небожителями» и даже якобы «владычицами Вселенной» оказываются существа, один лишь внешний облик которых (лосиные или оленьи головы, тела, покрытые шерстью) красноречиво свидетельствует об их демоническом происхождении. В лучшем случае это персонификации двух сторон вещественного мира: одна — дающая блага непосредственно человеку, другая — рождающая то, что человеку не подвластно.

Помещение ящера-дракона на дне «рек Вселенной», как бы в мировом водном пространстве, соответствует истине. В церковных службах на Богоявление (Крещение) Господне неоднократно указывается, что Христос Своим вхождением в Иорданские воды «сокрушил главы тамо гнездящихся змиев» и тем освятил «водное естество» для последующего крещения людей (второго рождения

их, означающего, в частности, освобождение от власти дракона-диавола)⁶.

Оленихи (самки оленей северного вида имеют рога) или лосихи как олицетворение двух сторон природы – подчиненной человеку и дикой – могли перейти в художественные сюжеты в творчестве русских, живших близко к северу или среди угро-финнов. Обнаружение такого сюжета на гуцульских писанках может быть объяснено, например, влиянием южной ветви угро-финского этноса (венгров). Но определенная «привязанность» композиции с двумя оленями или лосихами на тканях и вышивках все-таки к северу и слабая распространенность ее в центральных областях, куда они могли попасть как заимствование художественное (а не религиозное), лишают нас возможности предполагать, что представления о двух хозяйках мира составляли какой-то важный элемент в верованиях русского язычества. К тому же (и это главное) на тех наших полотенцах, скатертях, других тканевых предметах, где есть два оленя, отсутствуют и шаман, и ящер – самые главные персоны!

Сопоставим с шаманскими мифами и изображениями на бляшках некоторые детали ритуалов посвящения современного мажонства, восходящие, по словам его собственных представителей, к глубочайшей древности. Воспользуемся для этого кни-

гой доктора Папюса, имевшего 33-ю, 90-ю и 96-ю степени посвященности.

В начале книги говорится о том, что «масоны, желавшие достигнуть высших степеней, должны были научиться оккультизму и элементам еврейской каббалы» [Ш, 14, с. 1 и 23]. В дальнейшем поясняется, что эти науки восходят к древнеегипетскому культу Озириса («умирающего» и «воскресающего» бога), с которым были связаны «тайные братства». «Для понимания масонской науки, — пишет Папюс, — ... надо сознательно углубиться в эти древние обряды, надо отыскать эту цепь [обряды], которая [которые], начиная с Фиванских храмов, переходя затем через братства Пифагорейские, Ессейские, первые Иоаннитские и братства, изгнанные из Константинополя при падении этого города, дошли до нас через трубадуров, членов тайных судилищ, алхимиков, тамплиеров, иллюминатов и через новые масонские ритуалы» [Ш, 14, с. 67].

Эти ритуалы при посвящении в степень Розенкрейцера требуют четырех комнат: зеленой, черной, астральной и красной, которые на практике приводят к трем, ибо первая комната пропускается. Черная комната открывает посвящаемому «двери второй смерти» (!). Входящие в нее видят символы разрушения иудейского Иерусалимского храма и инструментов для постро-

ки его вновь. За черным столом с этими инструментами находится завеса, которая, «раздвигаясь, дает возможность видеть Распятие Христа, освещенное двумя восковыми свечами»... Затем посвящаемый вводится в следующую комнату, которая изображает «то, что католики называют “адам”, а оккультисты именуют, нижним подпланом астрального плана”». «Чтобы достигнуть неба, — поучает Папюс, — надо пройти через (ад) и восторжествовать своей нравственной чистотой и своим превосходством над лярвами и существами, населяющими эту невидимую область». Символом астрального плана в человеке является змий [Ш, 14, с. 41]. Комната содержит «транспарант», на обоих концах которого «помещено по скелету...». «На транспаранте изображены лярвы и какие-либо астральные существа». Все это для того, чтобы «показать, что только смерть есть единственная входная и выходная (!) дверь из этой комнаты». После такого символического пребывания во «второй смерти» и преисподней посвящаемый вводится в красную комнату, где «видит удивительный символ: в вышине пылающую звезду с опрокинутой еврейской буквой «шин». Внизу раскрыта пустая могила, символизирующая поправшего смерть Христа и указывающая в то же время путь тем, кто намерен следовать за Ним. В этом

же направлении находится знамя Капитула с изображенным на нем Пеликаном, который... питает кровью своею семь птенцов» [Ш, 14, с. 33 – 36]. Здесь посвящаемый приобщается к «высшим» знаниям и силам, с которыми он возвращается вновь в эту жизнь, чтобы действовать среди «профанов». Деятельность, в частности, состоит в занятии науками. «В настоящее время науки, благодаря деятельности братьев, предшествовавших нам, преобразовали социальную жизнь. Управление физическими силами вышло из древних школ и закрытых храмов и появилось открыто в лабораториях – таков именно сей символический Пеликан, кровью своей питающий потомство» [Ш, 14, с. 72]⁷.

Как видим, в принципе по духу и по смыслу все это в точности соответствует пути северного шамана к «небу» через подземно-подводный мир с ящером и обратно «в средний» мир людей. Даже «пламенеющая звезда» и «огонь», оказывающийся как бы солнечным светом, у которого «посвященные» получают «высшие» силы, у масонов и шаманов идентичны. Только масонский ритуал осложняется и камуфлируется элементами христианской символики. Но «змий» масонов (как и «ящер» шаманов) обманывает и здесь, как всегда и во всем! «Христианские» символы призваны только обозначать мучения

и смерть (причем — «вторую смерть»), через которые якобы лежит путь к «воскресению». Но куда? От земной жизни к бытию Небесного Божия Царства? Отнюдь нет! К «воскресению» мнимому, в ту же земную жизнь! Это неудивительно и в глубине своей соответствует правде: «вторая смерть» есть вечная богоотверженность, вечное пребывание во власти ящера-змия. Из такой смерти действительно не может быть воскресения. Шаман «воскресает» для того, чтобы действовать колдовством среди своих соплеменников, а масон — для социального действия с помощью наук в этом мире, который масоны хотят по возможности поголовно привести к открытому поклонению «Великому Архитектору Природы», каковым, по учению их высших «посвященных», оказывается «Люцифер, он же Сатана». Это является и «синтезом всех мщений» «профанам», отвергавшим тайные учения. Основными опорами в деле покорения мира и «постройки» в нем духовно нового «Иерусалимского храма Соломона» являются «две колонны» — «сила и красота» [Ш, 14, с. 78], соответствующие двум основным «принципам» — «созидающему-активному и рождающему-пассивному», которые «на низшей ступени символических соответствий изображаются мужскими и женскими половыми органами» [Ш, 14, с. 49] (вспомним находки та-

ких символов в северных русских землях и в Польше). Действительно, невозможно не заметить, что масонская западная «цивилизация» строится на двух «столпах» — насилии, вооруженном самой современной техникой, и «искусстве», насквозь пронизанном сексом.

В свете того, что мы рассмотрели в начале данной главы о происхождении «строительных» и иных тайнознаний масонства, можно видеть — они не имеют ничего общего с Иерусалимским храмом Соломона, о чем говорят масоны, особенно в известной легенде о Хираме (Адонираме). Не Соломонов храм духовно «строится» ими в человечестве: этими символами, как и элементами христианской символики, «каменщики» только прикрываются. Строится ими новая Вавилонская башня. В основе всей системы посвящений масонства лежит представление о кругообращении солнца (его «умирании» и «воскресании»), заимствованное у египтян и халдеев. Жрецы Озириса в Древнем Египте, тунгусский и финский шаманы и «просвещенные» общественно-политические деятели современного Запада делали и делают одно и то же дело, шли и идут одним путем, черпают «знания» и «силы» из одного источника — от дракона (змия)... Вот уж воистину «глубина сатанинская»! Она окружала Русь в древности и с Юга, и с Востока, и с

Севера. Эта «тьма крошечная» подступала к Руси вплотную... Можно только удивиться тому, что языческая Древняя Русь отвергла эту «глубину», не приняла ее!

Мы начали данный обзор с безобидного сюжета с изображением двух оленей, или лосих, и женской фигуры посередине на русских вышитых полотенцах... Академик Б. А. Рыбаков заинтересовался этим сюжетом в поисках ответа на вопрос о том, кто такие «рожаницы», упоминаемые чаще всего в двойственном числе, имевшемся в древнерусском языке. Женскую фигуру на орнаментах удалось более или менее обоснованно определить как образ «света», а также, в более узком значении, как образ «солнечного дня» — воскресенье, седьмого дня недели. Но вопрос о рожаницах так и остался нерешенным. Идолов их не сохранилось, не сохранилось и мифологии, к ним относящейся. Некоторый ключ к пониманию значения этих сказочных персонажей, возможно, удастся обнаружить в том, что рожаницы почти всегда (особенно в древних источниках) поставлены вместе с Родом («Род и рожаницы»). Об идолах — кумирах Рода тоже пока ничего не известно. Их не было в пантеоне князя Владимира. Но известно, что Церковь в своих обличениях язычества в XI — XII веках очень часто и гневно ополчается на почитание Рода и рожаниц.

При этом Род сравнивается с древним Озирисом, Гадом, Ваалом, противопоставляется Богу-Творцу всяческих. О мире, тварном бытии в одном из источников говорится, что его «создал Бог, а не Род» [II, 13, с. 442 – 470]. Из других данных, скрупулезно собранных акад. Б. А. Рыбаковым, обнаруживается, что верования, связанные с Родом, – одно из самых существенных и основных представлений русского язычества.

Слово «род» имеет разные значения. Корень «род» входит в такие понятия, как: род-родичи-народ-родина; родить-рождать-природа-урожай; родиа (молния)-родия (плод граната) – «огненное родство» (в церковной литературе – геенна) – родрый, рдеть (красный, краснеть). Слово «родство» означало вообще бытие, творение. Так, в самых древних списках на Руси книга Бытия в Священном Писании называлась книгой «Родства». Сопоставив это с многими другими данными, акад. Б. А. Рыбаков пришел к убедительному выводу, что русский языческий Род оказывается всеобъемлющим божеством Вселенной со всеми ее мирами: верхним, небесным, откуда идет дождь и летят молнии, средним – миром природы и рождения [II, 13, с. 453]. Что касается «нижнего мира» – «геенны огненной» («огненное родство»), то представление о нем сложилось в христианстве и потому не могло быть составной частью языческого верования. Но в таком случае очевидно,

что Род объемлет, соединяет в себе всех известных русских языческих богов — неба, солнца, ветра, молнии, живительных сил, почвы, корней растений. Очевидно также, что все эти представления не выходят за пределы тварного бытия и даже за пределы видимого вещественного мира. Основной символ Рода — шестилепестковая розетка, или шестилучевая звезда («колесо Юпитера»), которая, вообще говоря, является одним из знаков Солнца. Для изображения солнца употреблялись и крест в круге, и восьмиконечная звезда, и звезда с множеством лучей. Но, по данным акад. Б. А. Рыбакова, «понятие «белого света», идентичное понятию Рода, выражалось только шестилепестковой розеткой, только колесом с шестью спицами» [П, 13, с. 456]⁹, что точно соответствует шестидневному творению мира.

В таком случае понятие «Род» в русском язычестве включало видимый мир, воспринимаемый как бог. Это — законченное поклонение твари, понятой как единое, живое и разумное целое.

«Рожаницы», следовательно, могли означать как бы две руки этой обожествленной твари, производящие (рождающие) то, что подвластно человеку в природе, и то, что не подвластно ему, является «диким» или «дивным», как говорили в древности. Слово «дивный» происходит от индоевропейского «Дни» («дый») — бог (латинское «eus»). Отсюда «дикая» природа — это природа «Дивия»,

т. е. преимущественно божия. Отсюда и «дева» (украинское «дива») — не тронутая мужем (человеком), т. е. тоже в каком-то смысле — божия. Поэтому во многих языческих обрядах требовалось участие именно девицы или девиц. Отсюда же и различные языческие культы дев. На смену индоевропейскому «дий» еще в дорусскую эпоху пришло индоиранское слово «бог» (от санскритского bhagas), означающее подателя богатства, силы, всяческого блага. Оба слова какое-то время существовали одновременно, но затем решительно возобладало слово «бог».

К выводу о том, что русские языческие боги являются лишь персонификациями единого всеобъемлющего бога, пришел еще раньше А. Н. Афанасьев на основе широкого анализа устного народного творчества. При этом он подметил одну существенную деталь. «Древнейшие представления о боге-громовике, — пишет он, — носят двойственный характер: являясь, с одной стороны, божеством светлым, разителем демонов, творцом мира и подателем плодородия и высших благ, он, с другой стороны, есть бог лукавый, злобный, приемлющий на себя демонический тип» [II, 1, с. 323]. Это, несомненно, связано с двойственным (положительным и отрицательным) действием природы на человека, а также с тем, что как раз дьяволу попущено пребывание в «земле» вместе с природными ее силами.

По-видимому, такая двойственность обоже-

ствленной твари и слишком обобщенный образ ее в Роде (или западнославянском Световиде) помешали развитию культа Рода, которого начал заслонять более «конкретный» Перун. Однако попытки создания идола Рода можно видеть в Збручском идоле, изображающем, как думают, Святовита [Ш, 4, с. 57]. Этот четырехгранный идол найден в западных русских землях, где граничили друг с другом племена волынян, белых хорватов, тиверцев и бужан, и относится, как полагают, к IX-X векам. Сложная композиция идола явно пытается представить «вид» (образ) «света» (мира) со всех четырех сторон света и в трех его ярусах — почвы, мира людей и мира божеств, составляющих разные лики или свойства единого божества, обозначенного самим столпом.

Здесь перед нами действительно предельно четкий образ многообразной плодоносящей и рождающей твари (природы), воспринимаемой как единое всеобъемлющее божество.

Такое представление — высшая точка, до которой может подняться сознание людей, не ведающих Бога, но пытающихся осмыслить окружающий мир. Это вершина русского славянского язычества, а значит, и его конец, тупик, зайдя в который люди не могли не искать выхода. Ибо хотя человеческое сознание, поврежденное грехом и отгороженное от Бога самим язычеством (в том понима-

нии, в каком мы его восприняли вначале), не может своими силами выйти за пределы пространственно-временного бытия и подняться до восприятия Бога-Творца, бесконечно отличного от всей твари, — душа человека, как сотворенная Богом, жаждет и ищет высшего. В подсознании она даже чувствует присутствие этого высшего, нетварного, почему и стремится к нему. Отвергнув различные соблазны диаволопоклонства и тайнознаний, суливших особую власть над силами тварного бытия, Русь закономерно оставалась с одной этой жаждой Бога, Который выше всей твари вместе взятой. По той же причине Русь оказывалась и особо предуготовленной к Его восприятию.

Окончательный и сознательный выбор веры становится для Руси самой серьезной и насущной потребностью, определяющей историческую неизбежность такого выбора. Внутренне, духовно, этот выбор был предрешен в пользу христианства, так как народ, в душе которого совесть и правда составлялись выше всех жизненных благ, выше всего на свете, не мог удовлетвориться другой религией... Должен был осуществиться закон бытия, выраженный в словах Спасителя: *Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся* (Мф. 5, 6).

Оглашение

Неизмерима глубина великого и святого Таинства Крещения! Оно первое в ряду таинств, установленных Самим Господом Иисусом Христом и хранимых Церковью. Через него лежит путь к Вечной Жизни в благодатном единении с Богом. *Кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие*, — сказал Спаситель (Ин. 3, 5). Исключение бывает только одно — «крещение кровью», когда уверовавший во Христа, но еще не крещенный человек отдает жизнь за веру. Вода, как явствует из текстов Священного Писания и учения Святых Отцов, — это первичное состояние «материи» всего видимого мира — «праматерии», из которой сотворено затем все, в том числе отчасти и человек. Сын Божий, ставший Сыном человеческого, воплотившийся Бог, устрояя спасение человека и

Вселенной, вошел в воды Иордана и крестился от Иоанна Предтечи не потому, что имел нужду в очищении, как прочие люди. Он освятил «водное естество», чтобы освящаемая во образ Его Крещения вода до конца мира могла оставаться той преображенной, освященной, очищенной «материей», из которой созиждутся (и уже созидаются) «новое небо» и «новая земля» вечного Небесного Царства — нового мира, преображенного творения, бытия вечной радости и блаженства всех, кто пожелал воспользоваться плодами спасительного подвига Иисуса Христа. Поэтому человек как существо духовно-телесное рождается (возрождается) для этой новой жизни не только Духом Святым, но непременно и освященной водой.

Таинство Крещения включает в себя три основных чинопоследования, совершавшихся в древности отдельно: оглашение, собственно Крещение и Таинство Миропомазания. Оглашение, как показывает само название, — это научение, проповедь Евангелия (Благой Вести), которая знакомит человека с истинами бытия, сущностью христианской веры, правилами молитвы и жизни в Церкви, чтобы человек совершил окончательный выбор, выразив твердое добровольное решение «отречься от сатаны» и «сочетаться Христу» (если крестят младенца, то ответственность за его будущее оглашение берут на себя

взрослые восприемники – крестные родители). Крещение в особо освященной воде совершается троекратным погружением во Имя Отца, и Сына, и Святого Духа и во образ тридневного пребывания Христа «во гробе плотски». В результате человек освобождается от первородного греха, наследственных грехов своих предков и своих личных (если это взрослый) и, по слову святого Иоанна Златоуста, как бы переплавляется, делаясь причастным бытию нового мира Небесного Царства. Но человек при этом не лишается свободной воли. И хотя все грехи, гнездившиеся в нем, совершенно «смываются», за человеком остаются право и возможность или никогда не обращаться к ним, или вновь впадать в те же, и даже худшие, грехи.

Крещение дает возможность наследия новой жизни Царства Божия, но превращение этой возможности в действительность зависит от самого человека, от его решимости и усилий. Усилия же должны направляться на то, чтобы «совлекаться ветхого человека» и «облекаться в нового» – во образ Христов, т. е. стремиться уподобиться Христу духовно, насколько это возможно по силам каждого и Божию смотрению о нем. Таинство Миропомазания сообщает человеку благодать Духа Святого, полученную Церковью в день христианской Пятидесятницы, укрепляет его душевные и телесные силы, готовит к подви-

гу жизни во Христе. После совершения Таинства человека трижды обводят вокруг купели или аналоя (круг – символ вечности, не имеющей начала и конца) с пением: *Елицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь* (Гал. 3, 27), т. е. крестившиеся во Христа облеклись в Него и должны теперь стремиться сохранять Христово «облечение» (облик) в образе духовной жизни, в образе мыслей, желаний, чувств, в словах и делах.

История Русской земли рассматриваемого периода очень отчетливо обнаруживает, что все три основных этапа Крещения, предусмотренные для каждого отдельного человека, были пройдены и Русью в целом.

Оглашение... Оно началось давно – в I веке, с апостольской проповеди. Во время своего третьего миссионерского путешествия Апостол Павел проходил Македонию (Деян. 20, 1 – 2) и соседний с ней Иллирик, *преподавая верующим обильные наставления* (Рим. 15, 19). Позднее эти области были полностью заселены славянами. Но и во времена Апостола «языков» славяне там уже были, так что какой-то части юго-западного славянского мира коснулась проповедь Евангелия Апостолом Павлом. Как известно из жития святого Андроника, Апостола от 70-ти, он был рукоположен Апостолом Павлом во епископа Паннонии – области, лежащей к северу от Македонии и Иллирика. Там тоже было

немало славян, а с VI века вся Паннония стала славянской. Это дало основание нашему летописцу утверждать: «Учитель славянскому народу — Апостол Андроник. До моравов же доходил и Апостол Павел и учил там; там же находится и Иллирия, до которой доходил Апостол Павел и где первоначально жили славяне. Вот почему учитель славян — Апостол Павел, из тех же славян — и мы, Русь; поэтому и нам, Руси, учитель Павел, так как учил славянский народ и поставил по себе для славян епископом и наместником Андроника» [I, 1, с. 43].

Но еще ранее наша начальная летопись свидетельствует о пребывании непосредственно в русских землях другого Апостола — Андрея Первозванного. Из Синопа (в Малой Азии) святой Андрей прибыл для проповеди в Херсонес Таврический (Корсунь). В этом городе была большая иудейская община, а именно в таких общинах прежде всего начинали проповедовать Апостолы, переходя затем и к просвещению язычников. В Херсонесе он узнал, что недалеко находится устье Днепра и что, поднявшись вверх по течению этой реки, через Варяжское (Балтийское) море можно, обогнув Европу, достичь Рима. Апостол Андрей отправился этим путем. «И попал в устье Днепровское, — повествует летопись, — и оттуда отправился вверх по Днепру. И случилось так, что он

пришел и стал под горами на берегу. И утром встал и сказал бывшим с ним ученикам: «Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать Божия, будет город великий, и воздвигнет Бог много церквей». И возшел на горы эти, благословил их, и поставил крест, и помолился Богу, и сошел с горы этой, где впоследствии возник Киев, и отправился по Днепру вверх. И пришел к славянам, где ныне Новгород, и увидел живших там людей...» [I, 1, с. 27]. Подивившись тому, как парятся «с прутьями» в жарких банях, Апостол Андрей последовал далее по намеченному пути и прибыл в Рим.

Это летописное свидетельство сделано походя, как бы между прочим, в связи с общим повествованием о путях, соединявших Русскую землю с остальными странами-народами, как пример того, что через Днепр, Варяжское море, вокруг Европы можно действительно попасть в Рим. Из рассказа о путешествии Апостола Андрея не сделано никакого вывода о том, что он — учитель Руси, т. е. в этом рассказе совершенно отсутствует церковная нарочитость. Ничего не сказано даже о том, что Апостол проповедал здесь Евангелие. Внимание летописца сосредоточено на чисто географическом моменте — показе пути «из грек — в варяги» и «из варяг (вокруг Европы) — в греки».

Исследования акад. Б. А. Рыбакова убедительно показали, что путь «из варяг — в

греки» осуществлялся, как правило, вокруг Европы, о чем свидетельствуют многие исторические и археологические данные. Да и по логике вещей варяги-мореходы должны были предпочитать этот путь полусухопутному следованию через северные русские земли и далее вниз по Днепру. Иногда, конечно, использовался и такой маршрут. Его (но в обратном направлении – вверх по Днепру и далее) использовали главным образом те, кто шел «из грек – в варяги», к Балтике [II, 12, с. 293 – 294]. Апостол Андрей Первозванный прошел именно этим путем, теперь хорошо известным исторической науке. Нет никаких оснований поэтому возражать рассказу летописи. Однако, обличая преждевременную «радость» диавола, летописец, как мы помним, говорил о том, что на Руси не проповедали Апостолы, «не были здесь сами». И это не противоречит свидетельству о путешествии Апостола Андрея, ибо в его время Руси как государства и даже как племенного союза не существовало. Не было города Киева, не было и Новгорода; о земле северных славян летописец замечает: «где ныне Новгород». Из свидетельства летописи очевидно, что Апостол Андрей не имел намерения специально прийти на земли будущей Руси с целью проповеди, он проповедал в Крыму, в Херсонесе, а по Днепру только «прошел», чтобы добраться до Рима.

Свидетельство нашей летописи восполняется другими данными. Знаменитый Ориген (†254) пишет, что Апостол Андрей «получил в жребий себе Скифию», т. е. области к северу от Черного моря. Это подтверждается свидетельством Тертуллиана (†после 220) о том, что христианство было проповедано с самого начала апостольского благовестия в Скифии и Сарматии. Об этом также согласно говорят святители Афанасий Александрийский (†373), Иоанн Златоуст (†407), блаженный Иероним (†420) и др. В IV веке историки Церкви святители Епифаний Кипрский и Евсевий Памфил (Кесарийский) прямо называют Апостола Андрея «просветителем скифов». Греческая Церковь никогда не сомневалась в этом. Так, Никита Пафлагонский (IX век) в «Похвальном слове Апостолу Андрею» свидетельствует о нем: «Получив в удел север, ты обходил иверов и сарматов, тавров и скифов, всякую страну и народ, которые лежат к северу от Евксинского понта» (т. е. Черного моря) [III, 13]. В нашей «Степенной книге» (XVI век) — первом систематическом изложении русской истории (от святого Владимира) — записано предание, согласно которому Апостол Андрей побывал в новгородских и псковских землях, дошел до села Грузинс (Друзино), где водрузил свой посох (жезл).

Византийский император Михаил Дука (1072 – 1077), пожелав женить своего брата на дочери русского князя Всеволода Ярославича, направил Всеволоду письмо, написанное известным ученым и секретарем императора Михаилом Пселлом. В письме, в частности, говорится, что «духовные книги и достоверные истории научают меня, что наши государства оба имеют один некий источник и корень и что одни и те же самовидцы Божественного таинства и его вестники провозгласили в них слово Евангелия» [III, 3]. Здесь явный намек на Апостола Андрея, проповедавшего также в Византии, и, может быть, на Апостола Павла (поскольку употреблено множественное число – «вестники», «самовидцы»). В 1086 году князь Всеволод для своей принявшей монашество дочери Анны (за которую сватался брат Михаила Дуки) построил в Киеве монастырь и церковь во имя Апостола Андрея Первозванного. В начале XII века на холме, где Апостол пророчествовал о Киеве и поставил крест, был сооружен храм в честь Воздвижения Креста Господня, а в 1774 году на его месте – храм во имя Апостола Андрея (проект В. Растрелли). Первый в России правительственный орден (награда) учредил Петр I во имя Апостола Андрея Первозванного. На обратной стороне ордена была сделана надпись по-латыни, которая в

переводе означает: «Святой Андрей Покровитель (patronus) России». Косой «Андреевский» крест (на таком был распят Апостол) стал основным символом на знамени Российского военно-морского флота (изображался и на других знаменах).

Все это вместе взятое явно свидетельствует, что посещение Апостолом Андреем Первозванным пределов будущей Русской земли искони было общим верованием Вселенской Церкви, глубоким верованием русского народа.

И тем не менее (и это никак нельзя обойти молчанием) некоторые русские церковные историки отнесли к факту путешествия Апостола через земли будущей Руси с весьма странной тенденциозностью. Иронию и даже сарказм у Е. Е. Голубинского и А. В. Карташева вызывает то, что Апостол предпринял «путешествие из Крыма в Рим... через Ладогу». Они считают это «внутренней несообразностью» летописного повествования [II, 6, с. 45]¹⁰. Но Апостолу Андрею новый путь мог и не показаться невероятным или чрезмерно трудным. Более того, он мог даже особенно заинтересовать Апостола возможностью побывать в новых, неведомых ему землях. Не нужно забывать и о том, что в важнейших решениях, особенно в выборе путей следования Апостолы были водимы Духом Святым.

В недоумение повергает некоторых русских ученых и свидетельства древних грузинских летописей о пророчестве Апостола Андрея относительно будущего расцвета христианства в Грузии и о водружении им креста в Питиунте, что является очевидной параллелью действиям Апостола на месте будущего Киева. На этом основании нашей летописи не хотят верить и изыскивают самые головоломные предположения, чтобы доказать «пересадку» грузинского предания на русскую почву [II, 6, с. 48 – 49]. Но ведь и в Грузии, и на Руси в разное время, но настал необычайный расцвет Христовой веры и церковной жизни! Значит, пророчества Апостола Андрея о Грузии и о Руси и должны были сопровождаться одинаковыми действиями (благословение, водружение креста). Поэтому параллели в грузинском и русском сказаниях об Апостоле Андрее вполне естественны.

Древнейшие свидетельства о пребывании Апостола Андрея Первозванного в пределах будущей Руси позволяют представить миссионерское путешествие Апостола по выпавшему ему жребию благовестия «скифам» следующим образом. Апостол Андрей, двигаясь из Синопа (в современной Турции) по Черноморскому побережью Кавказа, прибыл в Херсонес. Здесь он проповедал иудеям, потом — скифам, или «тавроскифам» (тавро-

кифами, по согласному мнению ученых, назывались и славяне-русские). Святой Андрей основал здесь первую христианскую общину и построил храм. В 99 году по Р. Х. прибывший в Херсонес в ссылку «муж апостольский», ученик Апостола Петра – святитель Климент, Папа Римский, как известно, нашел в этом городе до двух тысяч христиан (вот плоды проповеди Апостола Андрея!). Нет сомнения в том, что Апостол Андрей не ограничился проповедью в Херсонесе, но благовестил и в других местах Тавриды (Крыма), а может быть, не только Тавриды. Посчитав свою миссию проповеди в Скифии завершенной, Апостол Андрей отправился уже указанным путем снова в земли эллинского мира. Как отмечалось, он не имел специального намерения проповедать слово Божие в проходимых им землях. В связи с этим впоследствии преподобный Иосиф Волоцкий в своем «Просветителе» поставил вопрос: почему Апостол Андрей не проповедал в будущей Руси (вспомним свидетельство летописи о том, что на Руси Апостолы с целью проповеди не были)? Ответ игумена Волоцкого очень интересен: Апостол Андрей, по его мнению, «возбращен бысть от Святаго Духа. Его же судьбы бездна многа и сего ради сия несказанна». Но ведь Апостол Андрей благословил киевские высоты, предрек им славное будущее и водрузил там крест! Зна-

чит, Духом Божиим ученик Господа Иисуса Христа провидел, что насажденная им в Крыму вера и Церковь Христовы со временем распространятся и на эти земли — земли будущей Руси!

Киевские высоты в то время не были совершенно безлюдными. Там, как и в иных местах пути Апостола Андрея, уже существовало немалочисленное славянское население. Трудно представить, что Апостол совсем не общался с этим населением. И еще трудней предположить, что он, общаясь, не проповедовал Евангелия! Естественно признать, что, несмотря на отсутствие у Апостола специального намерения учить в славянских землях, он проповедал при случае, и славяне — предки будущей Руси впервые услышали благую весть о Спасителе из уст Его ученика — Апостола Андрея Первозванного, а некоторые (к примеру, жители будущей Киевщины) даже приняли от него Святое Крещение. В наше время по этому поводу В. А. Никитин сделал чрезвычайно смелое предположение: особенная чистота нравов полян, о которой мы не раз говорили, «закон», по которому они жили, и их «обычай кроток и тих» могут объясняться тем, что поляне — потомки славян, крещенных на Киевщине Апостолом Андреем [Ш, 13, с. 17 и примеч. 3]. К сожалению, такое предположение пока невозможно подтвердить точными доказатель-

ствами. Но если бы они обнаружили (а каких только сюрпризов не преподносят история и археология!), то весь процесс формирования ядра русской нации и государственности, духовного зародыша Руси предстал бы в совершенно особом свете.

Но пока мы должны ограничиться лишь тем общим несомненным фактом, что в середине и во второй половине I века славянский мир был «охвачен» апостольской проповедью, как некими «духовными объятьями», одновременно с Запада (Иллирия, Паннония) и с Востока (Крым и в некоторой мере Среднее Поднепровье). Это не могло не принести плоды уже и в те времена. Известные слова Апостола Павла: *во Христе нет ни Эллина, ни Иудея... ни варвара, Скифа* (Кол. 3, 11), ясно свидетельствуют, что Апостол знал случаи принятия христианства «варварами» и «скифами», среди которых наверняка могли быть и славяне.

Во II веке христианство в Крыму продолжало разрастаться. Веру, насажденную Апостолом Андреем, здесь утверждал «муж апостольский», ученик Апостола Петра — Климент, Папа Римский, принявший в 101 году мученическую кончину. Позднее, в IV веке, в Крыму учили и пострадали священномученики Василий, Ефрем, Капитон, Евгений, Ефений, Елпидий, Агафодор. Проникновение же христианства из Крыма в Среднее Поднепро-

вые временно было прервано нашествием готов. Как мы отмечали ранее, в конце II – начале III века германские племена готов прошли через славянские земли и осели в Северном Причерноморье, в Крыму. В III веке крымские готы приняли христианство, так что теперь уже не без их участия оно стало проникать и на земли будущей Руси. Как утверждают современные нам ученые, «археологические материалы свидетельствуют, что христианское вероучение начало проникать в лесостепной район расселения славянских племен в III – IV вв.» [II, 4, с. 125]. Крымские готы впоследствии, в V веке, не пошли за той частью своих соплеменников, которые отправились в Италию, но остались на месте, перемешались с местным населением (таврами, скифами) и со славянами (их там было уже немало), а затем полностью растворились в этих народах, перестав существовать как нация. В конце III века в Крыму возникла самостоятельная Готская (по-славянски «Готфская») епархия. (В конце IV века святитель Иоанн Златоуст посвятил Унилу во епископа Готи.) Но довольно скоро эта епархия превратилась в греческую митрополию, сохранившую лишь название Готфской. В VIII веке центром этой епархии был Доро (или Дори), о местоположении которого нет точных данных. По-видимому, ближе к истине те, кто считает, что это Мангуп, центр греческого кня-

жества Феодоро (что означает «Божий дар»), прсуществовавшего до XV века (составная часть этого названия «доро» (дар) и могла дать название кафедральному центру). Греческие паства и духовенство в Крыму и после полного исчезновения готов как народа продолжали носить название Готфской епархии, которое сохранялось вплоть до XVIII века, когда Крым был присоединен к России. С именем «Готфийской» эта епархия перешла в юрисдикцию Русской Православной Церкви.

В конце III – начале IV века, помимо греческой, Готфской, существовала и Скифская епархия. Ее глава отмечен в числе Святых Отцов I Вселенского Собора (325). Эта епархия находилась, по-видимому, не в Крыму, так как среди отцов этого Собора епископы Боспора (Керчь), Херсонеса и Готии указаны особо. Местонахождение Скифской епархии в точности неизвестно. Однако нельзя не отметить а пропус, что первое упоминание о Скифской епархии совпадает, по последним научно-археологическим данным, со временем проникновения христианства в лесостепной район расселения славян (III – IV века).

В V веке нашествие гуннов, ураганом пронесшихся по степям между Средним Поднепровьем и Крымом, вновь преграждает путь распространению христианства из Крыма на земли будущей Руси. Результатом этого нашествия, как полагают, явилось, в частности, массовое переселение готов и славян с

Керченского полуострова на Тамань. В VI веке оттуда пришла просьба к императору Юстиниану об открытии новой епархии для переселенцев. Эта епархия получила название Таматарха (Таматарха, или Та́ Матарха) [II, 6, с. 55]. Так было положено начало образованию Азово-Черноморской Руси. Будущее русское княжество Тмутаракань — одна из первых епархий Русской Православной Церкви в X — XI веках.

Но в VI веке славянский мир устремился на Балканы, в Грецию, к Адриатическому морю и Пелопоннесу. В это же время, как мы помним, происходило окончательное формирование народа «рос», или «рус», о котором заговорили от Константинополя до Багдада. Но и после того, как натиск славян и русов пошел на убыль, их поселения остались в греческих городах. В этот период, после VI века, русские получили возможность еще ближе и глубже познакомиться с христианством уже в самой империи, среди ее коренного населения. Это должно было вызывать новый подъем Христовой веры в славянских землях будущей Руси. В то же время все более расширялись и укреплялись связи русов с Крымом. Во многих городах полуострова образовались поселения русских (ремесленников и купцов).

В этот же период (IV — VII века) происходило известное нам формирование первой русской государственности — культурно-по-

литическое объединение племенных союзов полян и северян под общим главенством племени «рус» с княжеской династией Киевичей. Промыслом Божиим это совершилось как нельзя более своевременно. С VII века образуются государства Волжской Болгарии (средняя Волга, области современной Чувашской и Татарской АССР) и Хазарии (нижняя Волга, район Астрахани). Болгары и хазары появились на востоке Руси вслед за гуннами. Это были тюркоязычные племена с большой военной активностью. Хазария распространила свою власть на Приазовье и Крым. Даже русские племена одно время вынуждены были платить дань (правда, почти символическую) хазарам. Этнически незначительный хазарский центр к X веку вырос в каганат (империю), включавший действительно или номинально многие народы. Византийские греки под именем Хазарии стали понимать чуть ли не все земли к северу от Черного моря. Даже русские князья, будучи фактически совершенно самостоятельными, иногда называли себя на манер хазарских — каганами. В VIII — IX веках в качестве господствующей государственной религии в Болгарии утверждается исламство, в Хазарии — иудаизм.

Удивительна активность проповедников ислама и иудаизма! Миссионеры этих религий появляются в Киеве. Но вот Премудрость Божия: усилия проповедников мусульман-

ства и иудаизма вопреки их прямым намерениям ускоряют на Руси не что иное, как сознательный и окончательный выбор веры, и тем самым дают толчок решительному обращению Руси к вере Христовой, которой она, как мы убедились, была оглашена уже давно. Серьезным препятствием для утверждения христианства в Русской земле продолжает оставаться язычество. В такой обстановке христианство должно было дать Руси нечто чрезвычайное, такое, что могло бы безусловно убедить в его истинности, привлечь к Греческой Церкви, с которой прежде всего и чаще всего соприкасалась Русь, явив особую Божию благодать и силу; должен был произойти какой-то чрезвычайный подъем веры. И он произошел! Как раз тогда, когда это было особенно нужно и Вселенской Церкви, и Руси, — в начале VIII — первой половине IX столетия.

Этот подъем был вызван борьбой Церкви с иконоборческой ересью, потребовавшей предельного напряжения духовных, умственных, культурных, политических сил, что неизбежно привлекло к христианской Церкви и Божию помощь, и благодать.

Иконоборчество возникло в некоторых областях Армении, где были сильны манихейские воззрения и секты [II, 3, т. II, 77 — 79], и Малой Азии (ныне Турция), где жило много выходцев из Сирии, претерпевших влияние мусульманства, которое запрещает изображе-

ние человека и поклонение образам [там же], а также иудействующих христиан. Духовной сущностью иконоборческой ереси являлась, как известно, попытка упразднить спасительное значение истины о Боговоплощении для жизни Тела Христова – Церкви. В основе иконоборчества лежало ложное суждение, что, поскольку Бог и Его творение по природе различны, то в тварных образах недопустимо изображение ничего Божественного. Иконоборцы между Богом и тварью видели непроходимую пропасть, и оказывалось, по слову преподобного Феодора Студита, «разрушено домостроительство Христа, тщетна икономия спасения» [Ш, 4, с. 121].

Опровергая иконоборчество и утверждая истинность иконопочитания, отцы и учителя Церкви VIII – IX веков развивали и углубляли православное учение об образе как основополагающем начале всей церковности, раскрывавшееся с древнейших времен. Основы этого учения можно видеть уже в Евангелии и Посланиях Апостолов. Затем развитие богословия образа проходит через творчество таких святых мужей, как Дионисий Ареопагит, Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Максим Исповедник, в трудах которого особенно ярко проявилось решительное преодоление неоплатонизма, свойственного ареопагитикам. Хотя Максим Испо-

ведник и исходит из Ареопагита, но в то же время возводит богословие образа на качественно новую ступень, утверждая, что образ является обладателем энергий первообраза [Ш, 4, с. 108 – 109], на чем и основана благодатная сила образов Церкви. Если коротко суммировать основные доводы иконопочитателей, то они сводятся к следующему.

Человек есть первый образ Бога, ибо он сотворен «по образу» и «подобию» Божию (Быт. 1, 26). Грехопадение помрачило и исказило эту первозданную сообразность. Но она была восстановлена и преумножена во Христе. *Видевший Меня, видел Отца* (Ин. 14, 8 – 10), – говорит Спаситель. Апостол Павел называет Христа *образом ипостаси Бога Отца* (Евр. 1, 3), подчеркивая в другом месте, что во Христе *обитает вся полнота Божества телесно* (Кол. 2, 8 – 9). Рождение Бога в твари, Боговоплощение, соединяя неслитно, но и нераздельно Божество с веществом, делает возможным отображение Божественного в вещественном, поскольку примиряет тварь с ее Творцом, восстанавливает нарушенное грехом их благодатное единение. Если Христос есть образ Бога во плоти, в теле, то Тело Христово – Церковь не может быть ничем иным, как тоже образом Бога, «во всей полноте обитающего здесь телесно». В этом великий спасительный смысл Бого-

воплощения и для человека и для всего Творения. Оно теперь через человека и Церковь (Тело Христово), как образ Бога, восходит к Первообразному, к бытию *нового неба, новой земли* (¶) и *Иерусалима нового* (Откр. 21, 1 – 2). Отсюда все литургические образы Церкви: архитектурные формы храмов, их внутреннее устройство и убранство, иконы и росписи стен, священные сосуды, предметы и облачения, чинопоследования и ритмы богослужения, таинств и обрядов, церковное чтение и пение и т. п., не теряя своих земных вещественных свойств, в то же время являются образами Божественных сил и явлений, небесного мира ангелов и святых. Образы неизбежно содержат в себе таинственное присутствие первообразов, обладают теми же энергиями, что и первообразы. Такова небесно-земная, духовно-вещественная природа литургических образов Церкви, включая и святые иконы. В ряду икон первейшее значение и духовную ценность имеют иконы Спасителя и Матери Божией. Через образ Иисуса Христа осуществляется общение людей с Основоположником нашего спасения, принявшим *зрак* (образ) *раба*, но не переставшего быть Богом, имя Которому – «Сущий» (οὐόν). А икона Богородицы – это не только образ Ее преблагословенной Личности, но и совокупный образ Церкви, Божественной Любви и Пре-

мудрости, Царства Божия и грядущих вечных благ, поскольку Приснодева Мария, как Матерь Христа по плоти, является тем самым Матерью Тела Его – Церкви. Христос немыслим без Своей Церкви. По обеим сторонам Царских врат православных храмов издревле помещаются иконы Христа и Богоматери. Смысл ясен: спасение людей («вход» в Царство Небесное) осуществляется единением со Христом не где-нибудь и не как-нибудь, а только в Его Церкви, которая олицетворяется (ипостасируется) Девой Марией.

Святая Евхаристия – вершина благодатной жизни во Христе. Она выходит далеко за пределы всякой символики, но отчасти пребывает и в этих пределах. В этом Таинстве особенно отчетливо можно видеть Промысл Божий о спасении людей. В Евхаристии хлеб и вино не теряют своих вещественных свойств (природы) и в то же время становятся «невещественными» Тайнами Плоти и Крови Спасителя. Самый выдающийся защитник иконопочитания VIII века преподобный Иоанн Дамаскин говорит, что если кто спросит, каким образом сие соединение вещественного с Божественным происходит в Таинстве Евхаристии, то «довольно (вопрошающему) услышать, что сие совершается Святым Духом так же, как Господь и от Святой Богородицы составил Себе и в Себе

плоть Духом Святым» [Ш, 6, с. 252]. Следовательно, во всех внешних вещественных образах, иконах Православной Церкви неслитное, но и нераздельное соединение природ вещественной и Божественной, соответствующее такому же соединению природ в Личности Иисуса Христа, совершается Духом Святым. Основными условиями соединения являются при этом подобие образа первообразу (посредством соответствия образов боговдохновенным канонам церковной символики) и освящение образов (символов) Церкви «водою и Духом» в чинах освящения, подобное возрождению и освящению человека *водою и Духом* (Ин. 3, 5) в купели Крещения.

Таким образом, иконопочитание, исходя из христологического догмата, закономерно приходит к исповеданию благодатного, спасительного преобразующего действия Святого Духа в отношении ко всему тварному, пребывающему в лоне Церкви, ко всей оцерковляемой материи.

Для человека земная Церковь есть удивительное бытие в мире образа, иконы, в мире, который уже *не от мира сего*, но еще и не Царство Небесное. Церковь не тождественна ни Богу, ни творению, но является ипостасным ядром присутствия Бога в мире и мира в Боге! Царство Небесное в Церкви уже присутствует (*внутри вас есть* (Лк. 17, 21), но еще не открылось вполне, оно —

уже осязаемая действительность (сокровенные духовные недра земной Церкви), но в то же время еще и цель воинствования, странствия, плавания и ковчегоспасения. Такое движение есть не что иное, как переход (Пасха!) человека и оцерковляемой твари в бытие иной реальности нового мира — Царства Небесного. Во всем этом — основополагающее начало Церкви.

Отсюда ясно, что иконоборчество по сути своей было попыткой подорвать и разрушить самое основание Церкви Христа, пришедшего во плоти ради нашего спасения. Совершенно очевидно, что такая попытка не могла быть только заблуждением богословско-философского характера. Об этом свидетельствуют та необычайная злоба и изуверство, с какими ересь обрушилась на сторонников иконопочитания, то поистине нечеловеческое упорство, с которым она воинствовала в Церкви.

Государственная власть в Византии впервые приняла сторону иконоборчества в 726 году, когда император Лев III Исавр, тесно связанный с еретическими кругами в Армении и Малой Азии, открыто поддержал выступление ряда малоазийских епископов против почитания икон. Это вызвало возмущение христиан почти всей Эллады и островов Эгейского моря. Против царя-еретика поднялось народное восстание, но было подавлено. Восстание

вспыхнуло и в Италии. Римская Церковь отвергла иконоборчество. В Италии византийские войска были разбиты и перешли на сторону Папы, который стал искать помощи светской власти в лице франкского короля, награжденного им затем титулом императора. В дело вмешался и враждебный Византии Арабский Халифат, готовый поддержать любые антиправительственные выступления в империи. Верным союзником Византии против арабов стала и до конца продолжала оставаться иудаистская Хазария, непосредственно примыкавшая к Руси и владевшая в те времена почти всем Крымом, кроме греческих городов. Началась сложнейшая, временами кровавая, но и славная, поистине героическая борьба с иконоборчеством, усугубленная множеством социальных, политических и международных факторов [II, 3, т. II, с. 49 – 79]. Наивысшего напряжения борьба достигла в 754 году, когда императором Константином V Копронимом был созван Церковный Собор, провозглашенный даже «вселенским», но совершенно незаконно, так как Римская Церковь выступила против Собора, Патриархи Александрийский, Иерусалимский и Антиохийский на нем не присутствовали, а сама Константинопольская кафедра была без Патриарха. Иконопочитание было объявлено «оскор-

блением» Христа, Матери Божией и святых, «презренным эллинским искусством», а все «деревопоклонники» и «костепоклонники» (т. е. чтущие мощи святых) преданы анафеме. В число последних попали святые Патриарх Герман и Иоанн Дамаскин, чей голос в защиту Православия звучал тогда особенно сильно.

Демоническая подоплека иконоборчества в особенности ярко проявилась в его вражде против монашества. Монашество есть высшая и законченная форма общецерковной, общенародной православной аскезы, укорененной в Личностях и образе жизни Господа Иисуса Христа и Приснодевы Марии и потому стремящейся к совершенной чистоте, целомудрию и непорочности как к своему естественному духовному основанию и средоточию. Сокрушить монашество в то время — значило духовно разрушить Церковь. Именно к этому объективно и были направлены усилия иконоборчества. В ответ на довольно дружный отказ монашества Византии признать истинность и законность Собора 754 года и его решений императорская власть начала террор. В Константинополе развернулись погромы монахов. Они перекинулись и на провинции. Так, стратиг (правитель) фемы (провинции) Фракисийской, имевший весьма интересное имя — Лахандракон, собрав в Ефесе монахов и мона-

хинь, потребовал, чтобы они немедленно вступили в брак и сделались гражданскими лицами, угрожая в противном случае ослепить и изгнать непокорных. Одни из страха, по немощи человеческой, согласились, но другие предпочли лишиться телесного зрения и быть изгнанными. Затем Лаханодракон изгнал монахов из их обителей, а монастырские здания превратил в казармы [II, 3, т. II, с. 58 – 59] ¹¹. По всей империи прокатилась волна конфискаций имущества, ценностей и земель монастырей, храмов¹², кровавые репрессии, давшие новых мучеников и исповедников.

Все это вынудило множество православных монахов и мирян, простых сельских тружеников-греков, обычно очень привязанных к земле и хозяйству, бросить отечество, насиженные места и в одиночку, группами, семьями, селениями, монашескими братствами, часто во главе с пастырями и епископами, бежать на окраины империи – в Сицилию, Малую Азию, Грузию, в Крым – туда, где можно было жить, сохраняя истинную веру – иконопочитание. Беспрецедентный подвиг массового исповедничества!

Здесь, на новых землях, переселенцами было предпринято нечто необыкновенное. Наряду с возведением обычных наземных построек они стали высекать в горах и скалах, в отдельных больших камнях жи-

лица, храмы, часовни, целые монастыри. Так в VII — начале IX века возникли монастыри, скиты, целые города, получившие название «пещерных». Пещерные сооружения создавались до и после переселения иконопочитателей, но спорадически. Для иконопочитателей же такое строительство приобрело совершенно особое значение. Везде, где они появлялись, — в Сицилии, Малой Азии, Грузии, Крыму — ими создавались пещерные монастыри и храмы. Породы камня не выбирали, врубались в любые. В Малой Азии в огромных валунах — монолитах гранита высекались храмы с дивной настенной росписью, частично сохранившейся до сих пор. Гранит легко колетса и долбится, зато чрезвычайно трудно отесывается и режется. Чтобы сделать гладкой бугристую поверхность сводов и стен гранитного храма, нанести на них роспись, требовались невероятные усилия. Крымские известняки, напротив, легко режутся и отесываются, зато трудно колются и почти не поддаются долблению. Чтобы продолбить в крымских скалах достаточные пространства для келий, церквей, усыпальниц, нужны были титанические усилия. Кажется, в пещерном строительстве иконопочитателей сила веры, двигавшая людьми, преобразовалась в мускульную, физическую силу, выразилась в метрах и сантиметрах продолбленной, про-

рубленной породы. Нужно видеть эти пещерные города и храмы, чтобы хотя бы отчасти ощутить величие необычайного подвига православных. Внутрискальные помещения создавались не обязательно в труднодоступных высоких горах, но и в легкодоступных местах, а иногда в долинах, при этом, как уже говорилось, наряду с обычными, сложенными из камней наземными постройками. Так что объяснить их возникновение в названных колониях Византии только желанием иконопочитателей обезопасить себя от внешних врагов не представляется возможным. Здесь явно просматривается определенная тенденция, выражение какой-то идеи иконопочитателей тех времен, являющейся пока загадкой.

Множество пещерных храмов и монастырей было создано иконопочитателями в Крыму: Успенский монастырь, Качи-Кальон, Шулдан, Челтер и другие. Но переселенцы VIII – начала IX века высекали свои монастыри и церкви и в других, до них уже обжитых поселениях и городах – на Мангупе, в Эски-Кермене, Каламите (Инкермане) и т. д.¹³ В Крыму развернулась деятельность одного из выдающихся исповедников Православия святителя Иоанна, епископа Готфского, возглавившего мощное антихазарское восстание крымского населения в 787 году. Хазары раз-

громили восставших, святитель Иоанн попал в плен, но потом был освобожден. Здесь же, в Крыму, в это время проходило служение другого поборника иконопочитания, ставленника Патриарха Германа святого Стефана, архиепископа Сурожского. Центром его епархии была Сугдейя (русское название Сурож) — современный Судак. На эту кафедру он был благословлен и направлен Самим Богом, по откровению от Ангела, как повествуется в его Житии, и это обстоятельство, как мы увидим, имело для Руси особое значение. В это же время, в конце VIII века, на противоположном берегу Черного моря, в Амастриде (Малой Азии), достигшей тогда особенного расцвета, подвизался ревностный иконопочитатель святой Георгий, епископ Амастридский, образованнейший в духовных и мирских науках человек, с именем которого связана история принятия христианства на Руси.

Борьба Церкви за истину иконопочитания вызвала небывалый духовный подъем, породила великих богословов и исповедников Православия, дала мощный толчок развитию духовных наук и знаний. Духовные писатели и ученые, святые Патриархи Герман, Никифор, Фотий, преподобный Иоанн Дамаскин, Феодор Студит, Феодан Исповедник (знаменитый историк), монах Георгий (по смире-

нию назвавший себя «Амартолом», т. е. грешником), святые братья – просветители славян Кирилл и Мефодий – вот далеко не полный перечень самых выдающихся людей, выдвинутых Божиим Промыслом в Церкви в эпоху борьбы с иконоборчеством для полной победы над ним. С конца IX века начинается и освоение православным монашеством Святого Афона, по Преданию, – земного удела Богоматери – покровительницы монашества, явившегося духовным истоком и затем на многие века вдохновителем русского иночества.

Осенью 787 года был созван VII Вселенский Собор, на котором иконоборческая ересь была духовно и идейно ниспровергнута и осуждена. В своих деяниях и догмате Собор закрепил истинное учение Церкви об иконопочитании¹⁴. Но ересь продолжала сопротивляться, еще захватывая иногда Церковь и государство. Только в 842 году она была окончательно побеждена на Поместном Константинопольском Соборе, учредившем особое празднество – «Торжество Православия», совершаемое с тех пор в первое воскресенье Великого поста. Это было воистину всемирно-историческое торжество! Праздновалась победа не только над иконоборчеством, но над всеми прошлыми и возможными будущими ересями, поскольку учение об иконопочитании явилось высочайшим достижением и блистательным завершением всего учения

Церкви о Боговоплощении, его значении для спасения человека и твари. Церковь также подтверждала и навсегда закрепляла верность всем канонам, самому каноническому строю церковной жизни, сложившемуся к IX веку. Это было завершением исторического становления самой Православной Церкви.

В непосредственной связи с этим процессом оказалась и вся история принятия христианства Русской землей.

ВЫБОР

В самом конце VIII или самом начале IX века, вскоре после кончины святителя Стефана Сурожского, как о том повествуется в древних списках его Жития, на Сурож «пришла рать великая русская из Новаграда, князь Бравлин, весьма сильный». Язычники-русские после десятидневной осады овладели городом. Бравлин с воинами ворвался в храм Святой Софии. Храм, конечно, ограбили. В частности, с раки, где почивали мощи святителя Стефана, был снят дорогой покров, унесено много золотой и серебряной утвари. После этого Бравлин внезапно разболелся. С ним случилось нечто вроде паралича. Чувствуя, что это связано с ограблением раки святого, Бравлин повелел возвратить все взятое у мощей святителя Стефана и даже добавить кое-что из драгоценностей, захваченных в других ме-

стах. Но болезнь не оставляла предводителя русских. Ночью ему явился в видении сам Стефан, архиепископ Сурожский, и сказал, что князь не выйдет отсюда, если не крестится. После этого Бравлин и его дружина приняли Святое Крещение, обещав отпустить всех пленников-христиан.

Запомним последовательность событий: набег — явное чудо — принятие Крещения — освобождение пленников.

В 790 году в Амастриде епископ этого города святитель Георгий принимал возвращавшегося из хазарского плена святителя Иоанна Готфского; возможно, их связывало личное знакомство. Кстати, Иоанн Готфский был дружен и с преподобным Феодором Студитом, который в одном из писем к нему упоминал некоего епископа Филарета, может быть, того самого, кто стал после Стефана святителем Сурожским и при котором произошел набег Бравлина. Святой епископ Георгий Амастридский скончался, как полагают, в 825 году. Вскоре после его кончины, как повествуется в древнем Житии святого, на Амастриду «было нашествие варваров — руси, народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого» [II, 14, с. 31]. Русские, «начав разорение от Пропонтиды (побережье Малой Азии. — *Авт.*) и посетив прочее побережье, достигли, наконец, и отечества святого». Здесь они ворвались в храм, где покоились мощи святителя Георгия, и устремились к его гроб-

нице, рассчитывая найти там драгоценности, но были остановлены невидимой силой и не могли сдвинуться с места. Предводитель русских спросил одного из пленных христиан, что это за карающая сила и какой жертвы она требует. Пленник объяснил, что русские не должны нападать более на Амастриду и должны отпустить всех христиан-пленников.

В Житии ничего не говорится о крещении русских; возможно, его в этот раз не было, но ясно то, что русские пережили здесь духовное потрясение. Это второе зафиксированное историей столкновение русской дружины с силой Божией, явленной через посредство святого иконопочитателя. Последовательность событий здесь в основном та же, что и в первом случае, хотя тексты Житий никак не связаны между собой, их полная независимость установлена [П, 14, с. 34 – 35].

Трудно пока сказать, что за русские князья с дружинами нападали на Сурож и Амастриду. Ученые обращают внимание на то, что эти набеги точно рассчитаны – избирались богатые города (а это говорит о предварительной осведомленности русских и знании ими территорий Византии). Русские в своих захватнических набегах постепенно приближались к столице империи – Константинополю. Действительно, третий зафиксированный историей набег русских был на Царьград. Установлено, что это произошло

18 июня 860 года [II, 3, т. II, с. 229; II, 12, с. 290; II, 14, с. 50 – 51; II, 4, с. 111]. Русский флот в 200 кораблей подошел к Константинополю, нападавшие во главе с князьями Осколдом (Аскольдом) и Диром разгромили и разграбили предместья византийской столицы и близлежащие острова. Это уже было определенно нападением Русского государства, о возникновении которого, впрочем, в Византии в то время еще ничего не знали. Хотя народ «рос» (или «рус») был известен там уже давно, его считали «диким», «варварским», живущим где-то далеко на севере, в пределах Хазарии, иногда руссов отождествляли со скифами, или тавроскифами. Достоверные и довольно подробные сведения о Киевской Руси как государстве появились только после этого набега и связанных с ним событий и нашли отражение в договорах Руси с Византией 911, 944 годов и в трактате Константина Багрянородного «Об управлении государством» (948) [II, 12, с. 318 – 325]. Тогда же, в 860 году, набег Руси был для Византии совершенной неожиданностью. Вновь обращает на себя внимание то, как точно было рассчитано нападение... В это время император Михаил III вместе со своим фаворитом Василием Македонянином (который после убийства Михаила в 867 году сам стал императором – Василием I) отправились в поход на арабов. По некоторым данным, Михаил, узнав о нападении

русских, успел вернуться в столицу, но, по-видимому, без войска, так как город не видел возможности защищаться человеческими средствами и все упование возложил на Божию помощь и заступничество Богоматери. Очевидец события и первый, кто описал его, Патриарх Фотий, незадолго до этого возведенный на первосвятительский престол, вместе с императором после усердного моления взяли Ризу Богородицы (омофор) из Влахернской церкви, обнесли вдоль городских стен и омочили край ее в водах бухты Золотой Рог. После этого, 25 июня, русские внезапно сняли осаду и, по выражению Патриарха Фотия, «так же неожиданно удалились, как и пришли». По некоторым источникам, это произошло вследствие внезапно разразившейся бури, разбившей многие русские корабли. В память о чудесном избавлении столицы Патриарх Фотий написал знаменитый «Акафист Богородице» («Радуйся, Невесто Неневестная»), который читается по Уставу Великим постом в «субботу Акафиста». Тогда же было установлено церковное празднование «Положение Ризы Богоматери во Влахерне», совершаемое по сей день 2 июля.

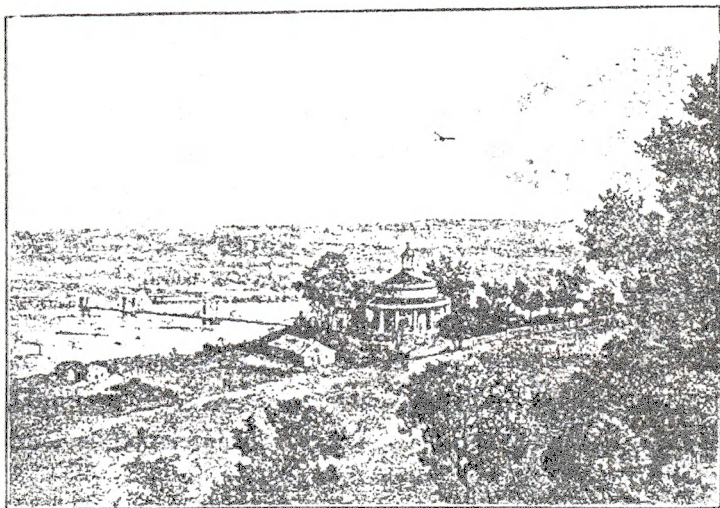
Вскоре после набега на Царьград между Русью и Византией начались «какие-то переговоры» [П, 3, т. II, с. 229]. Цель их отражена в одном из греческих хронографов, где говорится, что «немного времени спустя (после набега. — *Авт.*) от руссов в царствующий

град пришло посольство, просившее сделать их участниками Божественного Крещения, что и было исполнено» [II, 14, с. 60]. Значит, странная сила, заставившая русских неожиданно уйти восвояси, была ими чутко и точно воспринята как сила Бога христианского и возбудила большое желание приобщиться Ему.

Патриарх Фотий, описавший очень красочно в двух своих проповедях набег русских в 860 году, спустя шесть лет, в 866 году, в своем «Окружном послании» Восточным Церквам по поводу Крещения Болгарии (864 год) свидетельствует, что «не только этот народ (болгары. — *Авт.*) променяли прежнее нечестие на веру во Христа, но даже... и так называемые руссы, поработив находящихся около них и отсюда возомнив о себе высоко, подняли руки и против Ромейской державы (Византии. — *Авт.*). А в настоящее время даже и они променяли... нечестивое учение, которое содержали прежде, на чистую и неподдельную (явный намек на Торжество Православия 842 года. — *Авт.*) христианскую веру, с любовью поставив себя в чине подданных и друзей наших, вместо ограбления нас и великой против нас дерзости, которую имели незадолго пред тем (т. е. незадолго до своего Крещения; здесь определенно имеется в виду набег 860 года. — *Авт.*). До такой степени разгорелись у них желание и ревность веры, что приняли епископа и пастыря и лобыза-

ют святыни христиан с великим усердием и ревностью» [II, 6, т. 1, с. 74]. Точной даты принятия русскими христианства после 860 года не указывается, но, судя по смыслу слов «Окружного послания», оно произошло до 866 года и вскоре после набега 860 года. Некоторый свет на события может пролить свидетельство внука Василия I Константина Багрянородного, который в жизнеописании своего деда говорит о том, что Василий заключил с русскими «мирный договор» и «устроил так, что они приняли епископа». При этом он рассказывает, как русский князь собрал народ и старейшин (что могло происходить только в столице русских — Киеве) и предложил им принять христианство. Люди потребовали чуда. Тогда книга «Евангелие» была брошена в огонь и не сгорела. После этого князь и народ крестились [II, 6, т. 1, с. 74 — 75, также 1, 4, 15 июля].

В этом свидетельстве смущение вызывает только то, что Василий I стал императором в 867 году, откуда должно следовать, что русские крестились после 867 года. Но, как справедливо полагают некоторые ученые, он мог вести переговоры с посольством русских, прибывшим «спустя немного времени» после 860 года по поручению императора Михаила III как его фаворит и соправитель (в русских летописях Михаила и Василия иногда называют одновременно «царями») [II, 14, с. 77 — 78]. Тогда буквальное совпадение слов

Могила князя Аскольда-Николая на месте его гибели в Киеве
(рис. XIX в.)

Патриарха Фотия и Константина Багрянородного о том, что русские «приняли епископа», станет доводом в пользу факта Крещения русских вскоре после 860 года, а не в 867 году. Хотя, на наш взгляд, дело могло обстоять и так, что при Фотии было совершено Крещение русских и достигнута договоренность о принятии ими епископа, а приезд архипастыря на Русь и учреждение там епархии произошли позднее, в 867 году. Но как бы там ни было, история свидетельствует, что после набега 860 года не кто иной, как князья Осколд и Дир с «болярами», старейшинами и частью народа приняли в Киеве

Святое Крещение, в чем современные ученые не сомневаются [II, 14, с. 78; II, 3, т. II, с. 229; II, 4, с. 125].

Так совершилось первое массовое Крещение на Руси. Первый общерусский князь-христианин получил имя Николай во имя Святителя Николая, Мир Ликийских Чудотворца. Об этом убедительно свидетельствует тот факт, что прямо на могиле Осколда в XI веке (а возможно, и в X) был построен храм в честь Святителя Николая [I, 1, с. 39]. Не отсюда ли берет начало удивительно широкое почитание этого святого на Руси?

В конце IX – начале X века Русская епархия уже числится в списках греческих епископий сначала на 61-м, потом – на 60-м месте [III, 13, с. 13].

Итак, в третий раз повторяется та же последовательность событий: набег – чудо – принятие Крещения. Кажется, не хватает только освобождения пленных христиан? Но будет и это!..

Наша «Начальная летопись» хранит полное молчание о первом массовом Крещении на Руси во главе с Осколдом, на что у летописца были свои веские причины, о которых речь пойдет позже. Обратимся к другим источникам в поисках каких-либо данных, помогающих точнее установить, когда же именно состоялось это важнейшее событие.

Неожиданный ответ на этот вопрос содержится в истории жизни и деятельности свя-

тых Солунских братьев – Константина (в монашестве Кирилла) и Мефодия – просветителей славян.

Из Житий святых Кирилла и Мефодия и на основании некоторых других исторических данных выясняется, что в самом начале 60-х годов IX века (по мнению ученых, в начале 861 или конце 860 года) [II, 3, т. II, с. 203] в Византию «из Хазарии» прибыло посольство с письмом кагана, в котором, в частности, говорилось: «Евреи побуждают нас принять их веру и обычаи, а с другой стороны, сарацины (мусульмане. – *Авт.*), предлагая мир и дары многие, принуждают нас принять свою веру... Вы – великий народ, от Бога Царство держите. Вашего совета спрашиваем и просим от вас мужа книжного. Если переспорит евреев и сарацин, то примем вашу веру» [I, 3, с. 77]. Почти все ученые, исследующие Жития Кирилла и Мефодия, единодушно полагают, что цель «послов от хазар», «как она изложена в Житии Константина, является вымыслом агиографа» [I, 3, с. 114, комментарий]. В самом деле, всем известно – еще в VIII веке в Хазарии в качестве государственной религии прочно утвердился иудаизм, и хазарский каган никак не мог в 861 году говорить о том, что «евреи побуждают его принять свою веру», и просить «мужа», который мог бы их переспорить... Но в то же время общеизвестно, что в 861 году (как бы в ответ на это посольство) Ки-

рилл с Мефодием действительно совершили путешествие в Хазарию [I, 3, с. 16]. При сопоставлении описания «посольства от хазар» с «посольством от руссов», которое побывало в Византии вскоре после 860 года, сразу же бросается в глаза, что цели этих двух «посольств» в точности совпадают, поэтому, возможно, в Житии не «вымысел агиографа», а смешение русского «посольства» с хазарским.

Рассмотрим внимательно, что сообщает нам Житие Кирилла о его путешествии в Хазарию. Кирилл (вместе с родным братом Мефодием) [I, 3, с. 85, 96] прибыл в 861 году в Херсонес Таврический, имевший в те времена очень важное политическое значение, в особенности — как центр связи с союзной Хазарией. Здесь он «нашел Евангелие и Псалтирь, написанные русскими буквами, и человека нашел, говорящего на этом языке, и беседовал с ним, и понял смысл этой речи, и, сравнив ее со своим языком, различил буквы гласные и согласные, и, творя молитву Богу, вскоре начал читать и излагать их (т. е. русские буквы, или письмена. — *Авт.*), и многие удивились ему, славя Бога» [I, 3, с. 77 — 78]. Такая быстрота усвоения русского письма неудивительна, ибо русский язык Кирилл и Мефодий знали с детства как уроженцы города Фессалоники (Солуни), в окрестностях которого жило так много славян, что вся область долгое время носила на-

звание «Славянин» (таких Славяний в Византии было несколько; их население приняло христианство и ассимилировалось с греками). Император Михаил III прямо сказал Кириллу и Мефодию: «Ведь вы солуняне, а солуняне все чисто говорят по-славянски» [I, 3, с. 97]. «Славянский же язык и русский един есть», как свидетельствует наша «Начальная летопись», т. е. в те времена язык всех славянских племен и народов был в общем одинаковым. Более того, известно, что славянскую азбуку и основы письменности (как полагают, сначала — глаголицу) святые Кирилл и Мефодий создали задолго до 861 года, когда, пребывая в малоазийском монашеском Олимпе, «занимались одними книгами» [I, 3, с. 18]¹⁵. Точную дату создания святыми братьями славянского письма указывает авторитетный источник «О письменах» Черноризца Храбра — 6363 год, т. е. 855 год [I, 3, с. 104]. Следовательно, в Херсонесе Крымском Константин (Кирилл) занимался не изучением русского языка, сравнивая его с греческим, а изучением составленных до него «русских писмен» — Евангелия и Псалтири, сравнивая эти писмена (начертания «гласных и согласных») с изобретенной им самим славянской письменностью. Исследователь русской христианской древности протоиерей С. Ляшевский полагает, что Евангелие впервые перевел на русский язык в конце VIII века святитель Иоанн Готф-

ский [III, 12]. Вообще попытки создать славянскую письменность предпринимались и до святых Кирилла и Мефодия, но не были удачны [I, 3, с. 20; III, 13, с. 17 и примеч. 5]. Поэтому факт существования в Крыму в IX веке Евангелия и Псалтири, написанных «письменами», приспособленными для передачи звуков русского языка, не представляется невероятным. Находка книг Священного Писания на русском языке в Крыму явно не случайна! Нашел тот, кто искал, — создатель славянского письма!

Далее в Житии Кирилла говорится о том, что он, «сев на корабль, направился в Хазарию к Меотскому озеру (Азовскому морю) и к Каспийским воротам Кавказских гор». Однако все последующее описание, кроме этого единственного географического указания подлинной Хазарии, настолько не соответствует собственно Хазарии, что невольно возникает мысль, не является ли данное указание пути произвольным «уточнением» позднего составителя (или переписчика) Жития, пожелавшего дать своим читателям от себя представление о том, где находится Хазария?.. А описывается следующее. Встречающие Кирилла хазары, в том числе и каган, подчеркивают свою не книжность, говоря, что они «не гордятся Писанием, как христиане» [I, 3, с. 78]. «Мы — люди не книжные...» — заявляет каган [I, 3, с. 83]. И в то же время иудеи, спорящие с Кириллом при кагане и

народе, делают основной упор на «книги» Писания, да и главные вопросы спора касаются этих книг.

Хазарский официоз во главе с каганом, с его государственным иудаизмом и раввинатом, опиравшимся на книги Закона, Пророков и толкований на них, никак не мог подчеркнуто свидетельствовать о своей не книжности. Изучив моравские Жития Кирилла и Мефодия, акад. В. И. Ламанский впервые убедительно показал, что «хазарская» миссия святых братьев на самом деле осуществлялась не к хазарам, а к русским [III, 8]. Эти выводы поддерживали другие ученые. Особое внимание на несоответствия хазарской обстановке, содержащиеся в Житиях Кирилла и Мефодия, обратил А. В. Карташев [II, 6, с. 75 – 92]. К доводам этих исследователей мы можем добавить еще одну деталь. После споров с проповедниками иудаизма и сторонниками мусульманства, в которых Константин Философ блестяще опровергает и тех, и других, люди той страны, где все это происходит, просят его показать «притчами и доводами, какая вера из всех наилучшая», говоря при этом: «Ведь каждый считает свой совет (веру. – *Авт.*) лучшим, чем другие: иудеи лучшим считают свой, сарацины – свой, а вы также – свой...» [I, 3, с. 84]. Потом мы обнаружим интересное соответствие этого текста тому, что написано в нашей «Повести временных лет»

по поводу выбора веры. А сейчас вслед за указанными учеными отметим, что Кирилл убедил «хазар» в истинности христианства. Тогда «первый из советников» кагана заявил «приятелям евреев»: «С Божией помощью гость этот ниспроверг всю гордыню сарацинов, а вашу отбросил на другой берег как нечто нечистое». Затем этот же «советник» подытожил: «Как дал Господь власть над всеми народами и совершенную мудрость христианскому цесарю, так дал ему и самую лучшую веру из всех, и без нее жить никто не может Жизнью Вечной. Богу же слава навеки». И все сказали: «Аминь». Кирилл, возгоревшись духом и умилившись до слез, призвал всех ко Крещению, в конце своего обращения напомнив о Страшном Суде [I, 3, с. 85]. В результате народным советом принимается такое решение: «Не враги мы самим себе и так повелеваем, что с этого дня понемногу, кто может, пусть крестится по своей воле, если пожелает. А тот из вас, кто на запад кланяется (намек на Римскую Церковь? — *Авт.*), или еврейские молитвы читает, или держится веры сарацинской, скоро смерть от нас примет». (Решение для подлинной Хазарии немыслимое!) Крестилось сразу двести человек. Каган отправил византийскому императору письмо, где говорилось: «Познали мы, что (христианство. — *Авт.*) вера истинная, и повелели, чтобы тот, кто хочет, крестился, на-

деясь, что и мы к тому же придем. Все мы — друзья и приятели твоего царства и готовы идти на службу твою, куда захочешь» [I, 3, с. 85]. Хазары и до того были верными союзниками Византии, служили в ее войсках, принимали участие в походах, так что решение «идти на службу» к византийскому императору для Хазарии того времени — не-
лепое.

От богатых даров кагана Константин Философ отказался и взамен попросил выдать ему «пленных греков». Таковых собрали «до двадцати человек» [там же, с. 85]. (Вот они — возвращенные пленники-христиане!) С ними философ и вернулся в Византию. Все это происходило, по данным историков, в конце 861 года (или начале 862-го). В 863 году уже началась знаменитая миссия Кирилла и Мефодия в Моравию. Достоверно, что в это время (да и ни в какое другое) массового крещения по повелению кагана, да еще с запретом исповедовать иудаизм под страхом смерти, в собственно Хазарии не было! Но также достоверно, что примерно в это именно время произошло первое массовое Крещение на Руси при Осколде и Дире... Так в какой же «Хазарии» были и кого крестили Кирилл и Мефодий? Ответ напрашивается: крестили русских. Ряд ученых неизбежно пришел к этому выводу из одного только сопоставления посольств «от руссов» и «из Хазарии», вызвавших миссию Кирилла и Ме-

фодия в «Хазарию». В итоге теперь историческая наука признает, что «определенное значение для христианизации Руси имела миссия Кирилла и Мефодия в Херсонес и их дальнейшая миссионерская деятельность в Причерноморье» [Ш, 14, с. 77, 62, 66]. Но большинство исследователей из-за упоминания Хазарии в Житиях Кирилла и Мефодия не решается отнести «христианизацию» к Русскому государству, к Киеву, полагая, что крестились какие-то русские, жившие в Крыму или Азово-Черноморской Руси.

Однако нужно вспомнить, что в те времена Хазарией византийцы называли все земли к северу от Черного моря (как некогда называли их Скифией), а о русских у них часто были представления как о тавроскифах, живших в Крыму, принадлежавшем (кроме греческих колоний) Хазарии. Нужно вспомнить, что в 861 году в Византии еще не знали о русском государстве (и русским это было известно). В таком случае на первый же вопрос «посольству руссов» в Константинополе в 860 – 861 годах, откуда оно прибыло, мог быть получен вполне оправданный ответ: оттуда, где Хазария, или: из земли, которая рядом с Хазарией (Хазария была отлично известна византийцам и потому служила точным ориентиром). Так посольство руссов в некоторых источниках могло получить название посольства из Хазарии. Кроме того, нужно учесть, что Русь долгое время плати-

ла хазарам дань, хотя и чисто символическую, ради сохранения мира. А Хазария, как известно, выдавала за подвластные ей все земли, которые так или иначе откупались от нее. До времени в Византии могли искренне полагать, что хорошо известный («пресловутый») народ «руссов» живет в Хазарии. Следует вспомнить далее, что в собственно Хазарии не могло быть пленных греков, так как, будучи постоянной и верной союзницей Византии, Хазария с ней не воевала! Нужно вспомнить также, что русские князья вплоть до XI века назывались на Руси каганами на манер хазарских. Тогда слова послания кагана византийскому императору, переданные через Кирилла, о дружбе и готовности идти к нему на службу, «куда он захочет», совпадают со словами «Окружного послания» Патриарха Фотия, в котором говорится, что русские поставили себя в число «подданных и друзей наших», и с тем историческим фактом, что после этого русским было разрешено поступать на воинскую службу в византийскую армию. Если, наконец, учесть (вслед за А. В. Карташевым) все те несоответствия собственно хазарской обстановке, которые встречаются в текстах Житий Кирилла и Мефодия, касающихся путешествия в «Хазарию», то сомнений не останется. Святые братья Кирилл и Мефодий в 861 – 862 годах осуществили при Осколде и Дире то самое первое массовое Крещение на Руси, о кото-

ром хорошо известно из византийских источников.

Где произошло Крещение русских? В Житии Кирилла есть краткое сообщение о том, что в бытность его в Херсонесе «хазарский полководец с войском... окружил христианский город и осадил его». Опять недоразумение: хазары, как уже говорилось, на византийские владения не нападали. «Узнав об этом, философ пошел к нему без колебаний и, беседуя с ним и поучая, укорил его и (полководец. — *Авт.*), обещавшись ему креститься, отошел...» [I, 3, с. 78]. Если поверить данному сообщению, то возникает вопрос: не было ли это нападение русских? Если это так, то ход событий можно представить следующим образом. Получив обещание русских креститься, Кирилл с Мефодием отправились в Киев, здесь спорили с иудейскими и мусульманскими проповедниками, проповедали христианство, крестили тех, кто пожелал, а затем отправились в собственно Хазарию (ибо нет пока оснований утверждать, что они вообще не побывали там с дипломатической миссией, имевшей, быть может, целью оповестить хазар, что русские совершенно примирились с Византией и Хазария теперь может не заботиться об их «усмирении», а она должна была это делать, исполняя союзнические обязательства в отношении Византии). Нападение русских на Херсонес при Кирилле и обещание «полковод-

ца» креститься очень напоминают события при князе Владимире, о чем мы скажем позже. Однако если и не связывать Крещения русских Кириллом и Мефодием с этим нападением, то все равно надо признать, судя по всем подробностям бесед «во дворце кагана» и советов старейшин и народа, что проповедь христианства и Крещение русских происходили в их столице — Киеве. Все это делает теперь вполне объяснимым, почему именно святых Кирилла и Мефодия — знатоков славянского языка, создавших уже славянскую письменность, Константинополь направляет в Русскую землю в ответ на просьбу посольства руссов «сделать их участниками Святого Крещения».

Следовательно, еще до знаменитой миссии в Великую Моравию (в 863 году) просветители славян проповедали на Руси и совершили здесь первое массовое Крещение. Очень возможно, что как раз это обстоятельство и послужило «камнем преткновения» для составителей Житий Кирилла и Мефодия, каковыми были мораване (или мораванин), желавшие подчеркнуть «первенство» Моравии среди тех земель, в которых проходила просветительская деятельность святых братьев. Ученые давно пришли к обоснованному выводу, что оба Жития — вовсе не бесхитростные документальные свидетельства о происшедшем, но произведения, возникшие в обстановке острой политической борьбы

(Жития написаны в конце 885 года). Отсюда и определенная их направленность в освещении фактов, тенденциозность [1, 3, с. 11]. С этим может быть связана и упорная замена названия «Русь» названием «Хазария».

Хотя «апостолы славян», как мы убеждаемся, впервые проповедали на Руси и крестили здесь часть русских, но, судя по всему, значительной церковной литературы на русском (славянском) языке они здесь не оставили. Труды по переводу всех книг Священного Писания и богослужебных книг на славянский язык были в основном предприняты святыми братьями в Великой Моравии. А в Болгарии учениками святых Кирилла и Мефодия было закончено создание нового вида письменности — «кириллицы» и осуществлен перевод всех церковных книг на новый вид письма. Отсюда, из Болгарии главным образом, церковнославянская литература пришла затем и на Русь.

Исключительный интерес для нас в связи с этим представляет то обстоятельство, что святые братья, особенно Константин, прозванный за свои чрезвычайные дарования и знания философом, были вдохновлены в своей миссионерской деятельности иконопочитанием и его выдающимися выразителями. В юности святой Кирилл был учеником Фотия — ученого, писателя, богослова, поэта и дипломата, ставшего затем Патриархом. Первой научной работой Фотия-мирянина была

«Лексика» [I, 3, с. 15] – трактат о языке. Вот откуда интерес к языкам и языковедению у святого Кирилла. Первым ответственным церковным деянием юного Константина (843) был чрезвычайно важный спор с опытным полемистом (низложенным к тому времени Патриархом) – иконоборцем Иоанном Грамматиком [I, 3, комментарий V]¹⁶. В этом споре святой Кирилл пламенно защищал православную истину иконопочитания и одержал блистательную победу. Отстаивал эту истину он и в дальнейшем: спорил с мусульманами, прекрасно развил православное учение об «образе» и на Руси в столкновении с проповедниками иудаизма и мусульманства. И послан был святой Кирилл к славянам ревностным иконопочитателем – Патриархом Фотием.

В Херсонесе Крымском одним из важнейших деяний святых Кирилла и Мефодия было обретение мощей священномученика Климента, Папы Римского. А это – духовная нить, связующая апостольство святого Кирилла с апостольством Андрея Первозванного. Деятельность равноапостольного Кирилла, его подвиг в борьбе за Святое Православие, просвещение славянских народов «чистой и неподдельной» Православной верой воистину сами по себе есть подлинное чудо Божие, явление особой благодати Духа Святого. Великие деяния и труды, оставившие неизгладимый след во всей последующей истории,

совершены были им в чрезвычайно короткий срок: он почил в Бозе в 869 году, сорока двух лет от роду.

Дивным Божиим чудом, вдохновением Духа Святого явилось в особенности создание Кириллом и Мефодием славянской письменности. Она составила основу особого языка, названного потом церковнославянским. Название верное. Этот язык с самого начала явился языком Христовой Церкви для славян. Церковнославянский язык содержит в себе то, что можно определить как «помазанность», освященность Духом Святым. Черноризец Храбр в своем кратком сочинении «О письменах», написанном вскоре после кончины святого Мефодия (885), замечает: «И потому еще славянские письмена более святы, ибо создал их святой муж...» [I, 3, с. 104] ¹⁷. Действительно, церковнославянский язык поражает своей духовностью, удивительной приспособленностью к передаче глубочайших Божественных истин. Этот язык представляет собой единую систему языковых символов (образов), которые позволяют передавать не только содержание текстов Священного Писания и богослужебных книг, но и глубинное духовно-таинственное (мистическое) их значение. Последнее почти полностью исчезает при передаче тех же текстов на «обыденном» (например, современном русском) языке. Иными словами, церковнославянский язык так же

символичен, как и каноническая древняя икона. Икона в отличие от мирской картины на аналогичную тему возводит сознание человека с помощью художественно-символических средств к восприятию догматической или духовно-таинственной глубины, скрытой в ее внешних образах. То же следует сказать и о церковнославянском языке. Он является прямым порождением и продолжением иконографической традиции Церкви. Церковнославянский язык никогда не был разговорным, он создан только для общения с Богом, служения Ему, поэтому он очищен, освящен и напоен Духом Святым.

Мы стоим перед одной из интереснейших загадок русской истории. Она начинается с того, что в «Повести временных лет» хотя и описывается коротко история создания славянской письменности, заимствованная из моравских Житий Кирилла и Мефодия [I, 1, с. 41 – 43], но ничего не говорится о проповеди святых братьев на Руси и связанном с этим первом массовом Крещении русских при Осколде в 861 (или 862) году. Это событие, как мы видели, отражено в официальных византийских источниках, знали о христианстве и храмах на Руси даже арабские писатели [III, 13, с. 13]. А наши летописи хранят по этому поводу глубокое молчание! Правда, не совсем. Случайные свидетельства не дошедших до нас русских летописей попали в позднейшие наши летописные сво-

ды. Но это редкие и случайные «попадания». Так, наша летопись не скрывает, что при князе Игоре в Киеве стояла «соборная церковь» во имя Илии Пророка [I, 1, с. 69] (а ее построил Осколд) и что в середине X века часть русских была христианами¹⁸. Не скрывает летопись и того, что на могиле Осколда в XI (или X) веке был воздвигнут храм Святителя Николая, о чем уже упоминалось. Одна из летописей называет Осколда «блаженным». В древнем пергаменном «Прологе» XV века святой Мефодий назван «преподобным отцем нашим Мефодием, епископом Моравским, учителем руським». Здесь, в частности, говорится: «Кирилл же умоли брата своего Мефедь итти с собою (в Хазарию) яко умеяше язык словеньск» (цит. по [II, 6, т. 1, с. 90]). Предельно откровенное определение «хазарской» миссии как русской, объясняющее, почему в Хазарию идут знающие «язык славянский»! Это свидетельство проникло в «Пролог» явно из каких-то очень древних письменных источников.

Значит, в X — XI веках на Руси знали о Крещении в 861 (862) году при Осколде! Знали, но решили замолчать. Почему?

Текст Жития Кирилла Философа в целом ряде мест поразительно совпадает с рассказом нашей «Повести временных лет» о духовной обстановке на Руси и событиях времен правления князя Владимира (т. е. имевших место

более чем на сто лет позднее 861 года). Рассмотрим эти совпадения.

Совпадают прежде всего ситуации сознательного выбора веры. Мы помним слова посольства «от руссов» в Константинополе «немного времени спустя после» набега 860 года, переданные подробно в Житии Кирилла Философа: «Евреи побуждают нас принять свою веру... сарацины побуждают принять свою...». В «Повести временных лет» под 986 годом описано в сущности как раз это обстоятельство: «Пришли болгары (волжские. — *Авт.*) магометанской веры, говоря... уверуй в наш закон»; «пришли хазарские евреи», пытавшиеся склонить русского князя (кагана) в иудейскую веру [I, 1, с. 99 — 101]. В нашей летописи описано еще и пришествие немцев — посланцев Папы Римского, о чем не сказано в Житии, но следы римского миссионерства на Руси отражены и в этом источнике, где собрание народа грозит «кланяющимся на Запад». Так что посольство от князя Владимира в Константинополь, описанное в нашей летописи, как результат всех этих искушений и желания узнать лучше «греческую веру» по логике вещей полностью соответствует посольству «от руссов» 860 (861) года, известному из византийских источников.

Правда, «Повесть временных лет» рассказывает о том, что еще до посольства от Владимира «прислали греки к Владимиру философа со следующими словами: «Слышали

мы (вероятно, еще от какого-то русского посольства. — *Авт.*), что приходили болгары и учили тебя принять свою веру... Слышали мы и то, что приходили к вам из Рима...» Далее сам Владимир говорит о том, что приходили и евреи проповедовать свою веру. Затем «философ» произносит пространное и настолько стройное, богословски глубокое, насыщенное данными Священной истории, духовно сильное поучение, что невольно возникает мысль о принадлежности этого поучения святому Кириллу Философу! Далее в летописи сказано, что тот, кто произносил все это перед князем Владимиром, закончил свое слово показом «занавеса» (т. е. иконы на полотне) с изображением Страшного Суда. Святой Кирилл, как мы помним, тоже закончил свою проповедь напоминанием о суде над живыми и мертвыми. Представители народа, с которыми общался Кирилл Философ, говорили, что «каждый (народ. — *Авт.*) считает свой совет лучшим». Это почти дословно соответствует совету старейшин князя Владимира: «... своего закона никто не бранит, но хвалит» [I, 1, с. 123].

Набегу неизвестного «полководца» на Херсонес при Константине (861 год), как уже отмечалось, соответствует описанный в нашей летописи набег на этот город князя Владимира, относимый к 988 году. «Полководец» склоняется к Крещению. То же самое происходит и с Владимиром...

Наконец, поучение греческих иерархов Владимира после его Крещения композиционно и по многим выражениям удивительно совпадает с I главой Жития святого Мефодия [I, 3, с. 93 – 95. Ср. I, 1, с. 127 – 129]. И в летописи, и в Житии текст поучения начинается с разъяснения догмата о Святой Троице, затем следует изложение догмата о Боговоплощении и заканчивается текст кратким описанием деяний всех Вселенских Соборов Церкви. Только в Житии Мефодия почему-то отсутствует упоминание о Седьмом Вселенском Соборе, а в русской летописи оно есть. Совпадение двух текстов не буквальное, не полное; не все имена, упомянутые в русской летописи, имеются в I главе Жития святого Мефодия. Кое-что выражено по-разному. Но совпадение логики и последовательности повествования основных тем несомненно! Известно, что сначала было создано Житие святого Кирилла, из которого многое было перенесено в Житие святого Мефодия, конечно, не без изменений. Возможно, в руках у нашего древнего летописца были тексты, восходившие к первоначальному Житию Кирилла. Кроме того, существуют обоснованные мнения, что I глава Жития святого Мефодия — это краткое изложение трактата (от сотворения мира и Адама до Вселенских Соборов включительно), принадлежавшего Кириллу (I, 3, с. 143). В таком случае не является ли поучение «философа» князю Вла-

димиру записью полного текста этого трактата?

В том, что все вышеуказанные «совпадения» не случайны, убеждают нас, наконец, следующие отрывки из некоторых русских летописных повествований. В одном из житийных текстов XV века новгородского происхождения Кирилл Философ прямо отождествлен с «философом» князя Владимира и сказано, что «древле приходи в Русь философ учити Владимира, емуже имя Кирилл». А в Софийской «Кормчей» XIII века начало Устава князя Владимира изложено так: «Се аз, князь Василий, нарицаемый Володимер, сын Святославль, внук Игорев, Блаженныя княгини Ольги: воспринял есть святое крещение от грецкого царя и от Фотия патриарха Царего-родьского» (цит. по [II, 6, с. 92]). Но Фотий жил и правил за сто лет до Владимира.

Перед нами очевидное перенесение событий 860 – 862 годов в годы 986 – 988. При этом оказывается, что наши русские летописи содержат в некоторых текстах гораздо более обширные сведения о проповеди святых Кирилла и Мефодия, чем византийские и моравско-болгарские источники. Вопрос в том, как такое перенесение могло произойти?

Известно, что летопись преподобного Нестора, подвергнувшего определенной правке составленные до него летописания, в свою очередь подверглась тенденциозной переделке

в XII – XIII веках. Может быть, как думают некоторые, наши «редакторы» хотели замолчать Крещение 861 (862) года при Осколде, дабы не компрометировать правящую династию, воцарившуюся с приходом варяга-язычника Олега, который убил Осколда-Николая и решительно восстановил на Руси язычество, а также умышленно присвоить все дело просвещения Руси христианством одному лишь князю Владимиру? Однако, во-первых, наша летопись отнюдь не скрывает злых и безнравственных деяний даже такого князя, как Владимир, когда он был язычником. Во-вторых, летопись подробно пишет о крещении Ольги до Владимира. В-третьих, мы решительно отказываемся приписать преподобному Нестору или русскому переписчику его труда столь вопиющую, сознательную недобросовестность, умышленный подлог в таком важнейшем для истории Руси деле!

Если вспомнить, что в 882 году Олег действительно реставрировал на Руси язычество как «государственную религию», что после него язычества держались Игорь, Святослав и долгое время – Владимир, то нетрудно представить себе, что к 986 – 988 годам могло произойти не что иное, как повторение ситуации 860 – 861 годов. Ослаблением православного христианства на Руси наверняка вновь воспользовались мусульманские, иудейские и римские проповедники, предлагавшие

каждый свою веру князю Владимиру. Ситуация выбора веры возникла еще раз. Это могло вызвать и новые посольства в Византию, и ответные миссии из Константинополя. Все указанное неизбежно нашло отражение и в каких-то устных преданиях, и в письменных документах. В государственных документах сведения о втором Крещении на Руси как бы наслаивались на записи о Крещении при Осколде в 861 (862) году, перемешивались с ними. В таком случае преподобный Нестор, писавший «Повесть временных лет» в начале XII века, встретился с величайшей трудностью: в государственных документах он обнаружил схожие, наложенные одно на другое свидетельства о двух Крещениях на Руси, которые создавали впечатление явной ошибки и путаницы. В его время такая путаница могла породить немалый соблазн в уже крещенном и оцерковленном русском обществе. С полной искренностью составитель (или позднейший редактор) «Повести временных лет» мог допустить, что «все» происходило только при князе Владимире. Чтобы выйти из положения, он перенес все свидетельства о выборе веры и Крещении 861 (862) года к годам 986—988, исключив из текста имена Патриарха Фотия, Кирилла и Мефодия и Осколда как «ошибочно» попавшие в повествование. Но эти имена все же попали в некоторые поздние

документы из самых первых русских записей, не дошедших до нас.

В итоге получилось нечто весьма знаменательное: Русская земля как бы не пожелала разрывать историю своего Крещения, решила вычеркнуть из памяти своей факт отвержения христианства при князе Олеге и его ближайших преемниках. С духовной точки зрения, это отнюдь не случайно! Олег – варяг. А если говорить о Руси, Русской земле, то с довольно давних времен, а позднее в лице Осколда, Ольги и Владимира на ставящиеся самой историей или точнее – Божиим Промыслом огласительные вопросы: «Сочетаваешился Христу?» она неизменно отвечает: «Сочетаваюсь!» Это – осознанный выбор веры. Он был продолжительным. И в церковном чине Таинства Крещения задается не один, а три вопроса «Сочетаваешился...» и еще три – «Сочетался ли еси...» Это испытание и проверка свободной разумной воли. Вся предыстория Крещения русского народа есть прохождение этого огласительного испытания и проверки. При князе Владимире оно завершится последним и окончательным ответом: «Сочетался!»

— Свѣтлое Крещеніе —

Событія 861 (862) года иногда называют первым Крещеніем Руси. Поспешно и не совсем верно. Как мы узнали из Житія святого Кирилла, тогда крестилось немного людей, принятіе христіанства было предоставлено свободной волѣ желающих. В 861 (862) году христіанство не стало господствующей государственной религіей, а значит, устои язычества сохранялись. Именно поэтому варягу Олегу, захватившему власть в Кіеве в 882 году, и удалось оттеснить (хотя полностью и не уничтожить) христіанство и восстановить пошатнувшееся язычество. Олег был язычником и для утверждения своей власти, конечно, должен был опереться на русских-язычников, так как русские-христіане не могли поддерживать убійцу единовѣрного им князя Осколда-Николая. Но это не единственная при-

чина восстановления язычества на Руси. Христианство связывало Русь дружбой с Византией, а Византия всегда была в глазах «варягов-находников» возделенным объектом нападений с целью обогащения. Князь Олег (882 – 912) превращает Русь в огромное сильное государство, объединяя под властью Киева почти все русские земли вплоть до Новгорода. Игорь (912 – 942) и Святослав (945 – 972) еще более укрепляют государство и расширяют его территорию. Возникает соблазн мирского могущества, при котором духовное подчинение Православной Византии с принятием от нее веры представляется унижительным и излишним. Силе Христовой пытаются противопоставить себя сила человеческая, граду Божию – град земной, смирению – гордость, Кресту – меч, кажущийся если не всемогущим, то все-таки более надежным орудием... На предложение крестившейся княгини Ольги последовать ее примеру сын Святослав отвечает: «Как мне одному принять иную веру? А дружина моя станет насмехаться» [I, 1, с. 79]. Показательный во многих отношениях ответ. Искушение военно-государственной мощью было очень велико! Но есть еще одна весьма важная и интересная смысловая грань. Походы и набеги на христианскую империю при князьях Олеге, Игоре, Святославе следуют один за другим, но затем заключаются договоры о дружбе и любви, определяющие (вплоть до мело-

Русская земля в IX – XI вв.

чей!) взаимоотношения двух держав. Мечом своим Русь постоянно «задевает» соседнюю Византию, испытывает еще и еще раз не только военно-материальную, но и духовную силу православной империи. Происходит как бы некая удивительная игра, напоминающая лю-

бовное состязание, когда возлюбленную нарочито тревожат и сердят, стараются показать своё превосходство, но с одной лишь целью — уневестить себе! За этим скрывалась некая устремленность Руси к Византии, искреннее восхищение ею, и это достаточно часто выходило на поверхность, обнаруживало себя в истории.

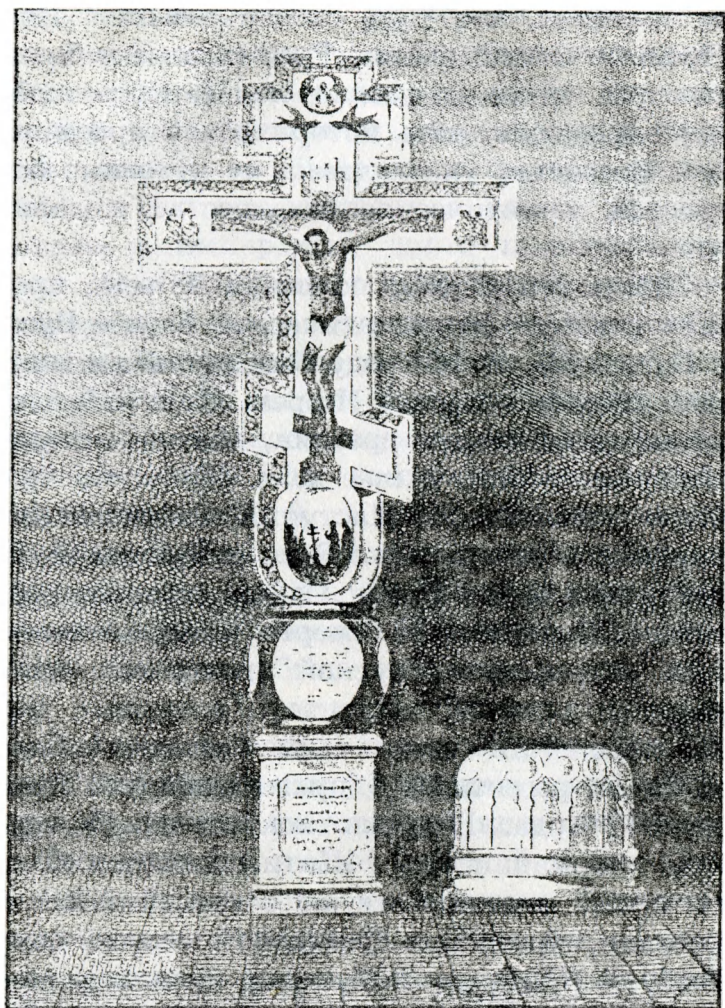
Иным было отношение Византии к Руси. В глазах империи Русь являлась не первым и не единственным «варварским» народом, плененным ее красотой, богатством и духовными сокровищами. Гордая Византия с нескрываемым раздражением смотрела на новый «полудикий» народ, дерзнувший причинить ей большие беды. Отбиться, откупиться от него, а по возможности и превратить в послушного подданного и слугу — вот основная линия отношения империи к молодому государству руссов.

В рассматриваемое время Византия, стремясь обезопасить себя от русских с помощью откупов, различных дипломатических, часто очень коварных, средств, не оставляла и попыток подчинить себе Русское государство, насадив в нем христианство. Последнее обстоятельство особенно существенно, и его никак нельзя воспринимать однозначно. Руси уже коснулся «греческий огонь» Православной веры, в Русской земле уже определялось тяготение к Христу, а временами и решительные порывы к Нему, на что с

радостью отзывалась Греческая Церковь в лице своих лучших и поистине святых представителей. Нельзя сказать, чтобы определенной меры духовной искренности в данном вопросе не было и у императорской власти. Но государственная власть преследовала и имперские, чисто политические цели. С точки зрения этой власти, церковно-каноническое подчинение какого-либо народа Константинопольскому Патриарху автоматически должно было превращать сей народ в послушного вассала империи. А этому еще в 865 году воспротивилась крещеная Болгария [II, 3, с. 198 – 199], не хотела этого и Русская земля. Готовая принять Православие, исповедуемое и в дивной красоте являемое Греческой Церковью, Русь вовсе не намерена была склонить голову под иго имперского диктата. Если для князя Олега христианство было неприемлемо и само по себе, и как дружеская связь с Византией, то для благоверной княгини Ольги и последующих князей опасной и нежелательной была лишь юрисдикция Константинопольского Патриарха. Этот (не только канонический) вопрос и стал одним из главных в сложных духовных и политических отношениях двух государств. Русь пыталась и отстоять свою независимость, и установить теснейший союз с Византией, но такой, в котором она заняла бы главенствующее положение. Не знала тогда превозносившая-

ся империя, что Русь своего добьется! Ибо Промысл Божий именно Руси (и, может быть, как раз за сокровенную искренность любви) определил стать исторической преемницей Византии, унаследовать ее духовные богатства, политическое могущество и величие.

Почти вся первая половина X века прошла в военно-дипломатической борьбе Руси с Византией. В 944 году был заключен мирный договор с князем Игорем. Но в 945 году князь погиб от рук древлян, убивших его за попытку собрать с них дань бóльшую, чем было установлено. Наступил десятилетний перерыв в отношениях Руси с Византией. В это время жена Игоря Ольга, страшно отомстив древлянам за смерть мужа, занималась устройством Русской земли, как повествуется в нашей летописи [I, 1, с. 59 – 76]. По малолетству своего сына Святослава Ольга стала регентшей – правительницей Руси до 957 года. Вопреки искусственной версии «норманнистов», Жития княгини Ольги прямо свидетельствуют о том, что она – русская, уроженка Псковской земли, села Выбути (Лыбуты, Лабутино), дочь перевозчика (паромщика) через реку Великую. Во время объезда земель русских князь Игорь встретил ее и полюбил. Через некоторое время, когда суженой исполнилось 16 или 18 лет, князь прислал сватов. Игорь не ошибся в выборе! Ольга оказалась не только лю-

Шапка святой равноапостольной княгини Ольги и привезенный
 ею из Константинополя крест, вырезанный из дерева
 Животворящего Креста Господня

блещущей верной женой, но и замечательной правительницей, достойной продолжательницей дела русских князей, женщиной сильной, глубокой, умной, заслужившей признание и любовь русского народа, давшего ей историческое прозвище «мудрой».

Летопись, опустив события с 948 по 954 год включительно, сообщает, что в 955 году «отправилась Ольга в Греческую землю и пришла к Царьграду» [I, 1, с. 76]. По представлению акад. Б. А. Рыбакова, ей в то время должно было быть от 28 до 32 лет от роду [II, 13, с. 369]¹⁹. Исследователи высказывают разные предположения относительно ее путешествия в Царьград. А. Н. Сахаров справедливо обратил внимание на предшествовавший длительный перерыв в отношениях с Византией, а также на то, что в 955 году империя оказалась в трудном международном положении и единственным союзником и помощником ее в это сложное время могла быть Русь. Требовалось подтвердить и, может быть, расширить договор 945 года. «В этих условиях, — пишет ученый, — приглашение, направленное Ольге Константином VII Багрянородным, было бы вполне оправданным дипломатическим шагом империи в отношении своего северного соседа» [II, 14, с. 273].

Мы должны добавить следующее. Хотя Византия, как верно отмечают ученые, никогда не была последовательной, настойчивой и це-

леустремленной в своих попытках приобщить к христианству другие народы, все же она не могла совсем забыть о судьбе Русской епархии, возникшей в 60-х годах IX века и относившейся к юрисдикции Константинопольского Патриарха. Это противоречило бы и духовным, и политическим интересам империи. Действительно, империя об этом не забывала. Уже при князе Олеге, в 912 году, в Константинополе после заключения с русскими послами мирного договора император «приставил к ним своих мужей показать им церковную красоту, золотые палаты и хранящиеся в них богатства (золото, паволоки, драгоценные камни, страсти Господни – венец, гвозди, багряницу, мощи святых), уча их вере своей и показывая истинную веру» [I, 1, с. 53]. В этом свидетельстве явно просматривается реакция Византии на утверждение язычества князем Олегом. Русских (притом доверенных послов князя, т. е. представителей правящей знати) стараются привлечь к христианству. И как еще раз не обратить внимание на то, что проповедь Христовой веры русским осуществляется средствами, тесно связанными с православным иконопочитанием!

В 945 году при заключении очередного договора с Византией, накануне гибели князя Игоря, посольство русских в Царьграде состоит из христиан и язычников. Христиан приводят к присяге «в предлежании честно-

го креста». По возвращении послов в Киев население города присягает на верность договору так: язычники клянутся у идола Перуна, а христиане — «в церкви святого Илии, что стоит над Ручьем (на Подоле. — *Авт.*) в конце Пасынчей беседы... Это была соборная церковь» [I, 1, с. 79]. В данном летописном сообщении справедливо видят свидетельство явного успеха христианства на Руси, его дальнейшее распространение, приостановленное в 882 году.

В годы регентства княгини Ольги языческая часть Руси во главе с молодым Святославом относилась к христианству терпимо: желающему креститься не запрещали, только «насмехались над ним» [I, 1, с. 77].

Следовательно, с конца IX века и в первой половине X века в Киеве и, надо думать, вообще на Руси, шел процесс распространения христианства, действовали храмы, а значит, совершалось богослужение. Но ни в одном документе ни словом не упоминается о епископах на Руси и надлежащем епархиальном устройстве церковной жизни. Судя по всему, Русская Церковь в условиях господствующего язычества жила и проповедовала, как могла, самостоятельно. Пока у власти стояли князья-язычники, о Крещении всей Руси, устройстве Русской Церкви и регулярных связях ее с Константинополем не могло быть и речи.

Христианизация всей Русской земли и, по

возможности, полное подчинение Русской Церкви Вселенскому Патриарху – вот задача, которая настоятельно требовала решения имперской политики. Особую актуальность эта задача, естественно, приобрела в связи с желанием Константина Багрянородного сделать Русь своей союзницей в трудное для империи время. Теперь понятно, почему Византия должна была пригласить к себе не просто посольство от Руси, а главу государства – княгиню Ольгу.

Что же касается самой Ольги, то, действительно, никак нельзя предположить, чтобы мудрая и гордая правительница без приглашения отправилась в Константинополь к императорскому двору, о надменности которого была достаточно наслышана. Даже искреннее желание принять Святое Крещение не смогло бы заставить ее пойти на такой шаг (она могла креститься и у себя на родине). Не побуждали Ольгу к самовольной поездке в империю и какие-либо критические государственные обстоятельства. Княгиня завершила внутреннее устройство земель, Русь была крепка и могущественна. Все заставляет нас согласиться с мнением А. Н. Сахарова: в Константинополь Ольга была приглашена.

Что же могло заинтересовать русскую княгиню в таком приглашении? Какие цели она преследовала? Нельзя не отметить прежде всего обстоятельства, указанного историком С. М. Соловьевым. «Везде в Европе, – пишет

он, — как на западе, так и на востоке, варвары, несмотря на то, что опустошали области империи и брали дань с повелителей обоих Римов, питали всегда благоговейное уважение к империи, к блестящим формам ее жизни, которые так поражали воображение... Не одна надежда корысти могла привлекать нашу Русь в Константинополь, но также и любопытство посмотреть чудеса образованного мира. Сколько дивных рассказов приносили к своим очагам бывальцы в Византии! И как у других разгоралось желание побывать там! После этого странно было бы, чтобы Ольга, которая считалась мудрейшею из людей, не захотела побывать в Византии» [Ш, 15, с. 158].

Мудрейшею Ольга почиталась недаром! С естественным желанием побывать в Византии она соединила и серьезные государственные интересы. В составе ее посольства оказалось много купцов, значит, преследовались торговые цели. Но было нечто и еще более важное. Византия, хотя и заигрывала временами с Русью, считала русских «своими врагами» (как об этом прямо говорится в одном из древних источников), стоящими, в представлении императорского двора, на самой низкой ступени дипломатической иерархии государств и народов. Признание Руси, повышение ее «статуса» в иерархии союзников Византии, а следовательно, повышение престижа в глазах остального мира — вот что

было особенно важно для «мудрой Ольги». Но достичь этого можно было только принятием христианства, ибо в те времена доверие между государствами Европы устанавливалось на основе религиозной общности. Княгиня Ольга знала это; дипломатическая выгода, которую сулило Руси принятие христианства, была для Ольги несомненной.

События, происшедшие с Ольгой в Константинополе, наша летопись передает так: «...Царствовал тогда цесарь Константин, сын Льва, и пришла к нему Ольга, и увидел царь, что она очень красива лицом и разумна, подивился царь ее разуму, беседуя с нею, и сказал ей: «Достойна ты царствовать с нами в столице нашей». Она же, уразумев смысл этого обращения, ответила цесарю: «Я язычница; если хочешь крестить меня, то крести сам, иначе не крещусь». И крестил ее царь с Патриархом. Просветившись же, она радовалась душой и телом; и наставил ее Патриарх в вере и сказал ей: «Благословенна ты в женах русских, так как возлюбила свет и оставила тьму. Благословят тебя русские потомки в грядущих поколениях твоих внуков». И дал ей заповеди о церковном уставе, и о молитве, и о посте, и о милостыне, и о соблюдении тела в чистоте. Она же, наклонив голову, стояла, внимая учению, как губка напояемая; и поклонилась Патриарху со словами: «Молитвами твоими, владыко, да буду сохранена от сетей диавольских». И

было наречено ей в крещении имя Елена, как и древней царице – матери Константина Великого. И благословил ее Патриарх и отпустил. После крещения призвал ее царь и сказал ей: «Хочу взять тебя в жены себе». Она же ответила: «Как ты хочешь взять меня, когда сам крестил и назвал дочерью? А у христиан не разрешается это – ты сам знаешь». И сказал ей царь: «Перехитрила ты меня, Ольга». И дал ей многие дары... и отпустил ее, назвав дочерью».

После этого Ольга-Елена еще раз посетила Патриарха, поведав свою скорбь: «Люди мои и сын мой язычники...» Патриарх ободрил, утешил ее и благословил. С тем княгиня и вернулась в Киев. Вскоре туда прибыло посольство Константина, которое напомнило Ольге об ее обещании прислать «много даров», «челядь, воск, меха и воинов в помощь» (вот еще одно подтверждение тому, что Византия пригласила Ольгу в надежде на военную помощь). И вдруг от Ольги приходит неожиданный ответ императору через послов: «“Если ты так же постоишь у меня в Почайне, как я в Суду (гавань в Константинополе. – *Авт.*), то тогда дам тебе”». И отпустила послов с этими словами» [I, 1, с. 75 – 76].

Итак, если исходить из текста нашей летописи, то можно видеть, что княгиня Ольга достигла чрезвычайно важных результатов. Она была с почестями крещена в столице Ви-

зантии (в храме Святой Софии²⁰ – главном соборном храме Вселенской Церкви того времени). При этом она получила как бы благословение на апостольскую миссию в своей земле, что можно заключить и из ее беседы с Патриархом о том, что «люди» Руси и ее сын, наследный князь, – язычники, и из того, что в крещении она получила имя равноапостольной царицы Елены [1, с. 75]²¹. По возвращении домой Ольга деятельно начала осуществлять эту апостольскую миссию, о чем мы скажем потом особо. Теперь лишь подчеркнем, что благословение на апостольство дается ей без обещания с ее стороны принять юрисдикцию Константинопольского Патриарха. Кроме того, глава Русского государства получает от императора титул «дочери». Как показали современные исследования, это именно титул [П, 14, с. 278 – 279], ставящий Русь в самый высокий ранг дипломатической иерархии государств (после самой Византии, разумеется, так как, с точки зрения Византии, быть с ней равным вообще никто не мог). Титул совпадает с христианским положением Ольги-Елены как крестной дочери императора. И вот в этом пункте русская княгиня действительно в чем-то «переключала», перехитрила императора! Как полагают исследователи, рассказ летописи о сватовстве Константина Багрянородного к Ольге – выдумка; сватовства не могло быть по многим причинам, в частности

по той, что император имел жену, с которой Ольга общалась во дворце и разделяла почетную трапезу. Но что же тогда может скрываться за рассказом о «сватовстве»?

Дипломатический успех стоил Ольге немалых усилий, стойкости, терпения... Зато, воротясь домой, она ошеломляюще ясно дала понять Византии, что империя имеет дело с могучим независимым государством, международный престиж которого теперь сама же империя и возвысила на виду у всего света!

Об Ольге и ее крещении в столице империи заговорили в разных странах. Отголоски этого международного резонанса сохранились в некоторых дошедших до нас источниках. Известные византийские историки XI – XII веков Иоанн Скилица и Зонара согласно говорят о крещении Ольги в Константинополе. Немецкая хроника, называемая «Продолжателем Регинона», сообщает под 959 годом о приходе к королю Оттону I послов «Елены, царицы ругов, которая крестилась в Константинополе». То же известие повторяют другие европейские хроники. Вслед за «Продолжателем Регинона» они называют Елену «королевой ругов». Но Титмар Мерзебургский, имевший более точные сведения о славянах, говорит в этой связи о «русских» и «Руси». Корвейская летопись под 959 годом также пишет о «русской королеве» [II, 14, с. 260 – 261; II, 6, с. 102 – 103]²².

О пребывании Ольги в Константинополе оставил очень ценные сведения и император Константин Багрянородный. В своем трактате «О придворных церемониях» он подробно процитировал выписку из дворцового устава, куда вносились все сведения о ритуалах приема иностранных послов и других знатных гостей императора. Константин подтверждает данные нашей летописи о том, что Ольга была у него дважды. Первый прием состоялся 9 сентября, второй — 18 октября. На основании его книги учеными был определен год пребывания княгини Ольги в Константинополе [II, 14, с. 276], и оказывается, что это был 957, а не 955 год, который указывают наша летопись и другие русские источники. По-видимому, здесь имеет место какая-то ошибка.

В подробных описаниях приема княгини Ольги Константин ни разу не упомянул о ее крещении в столице. Это дало повод некоторым историкам, в частности митрополиту Макарию (Булгакову) [II, 8, с. 247, 250], а также акад. Б. А. Рыбакову [II, 12, с. 370] полагать, что Ольга крестилась в Киеве и в Византию приехала уже христианкой. Митрополит Макарий сделал предположение о ее вторичном крещении в империи ради «престижности». Известны случаи, когда варяги-авантюристы по несколько раз принимали крещение, чтобы получить богатые подарки и почести. Но допустить, что к подобному

трюку могла прибегнуть княгиня Ольга, невозможно. Кроме того, как уже отмечалось, о ее крещении в Константинополе свидетельствуют достаточно авторитетные хронисты. Поэтому подавляющее большинство ученых (и среди них С. М. Соловьев, А. А. Шахматов, Д. С. Лихачев и др.) убедительно подтверждают факт крещения Ольги в Царьграде [II, 14, с. 269]²³.

В трактате «О придворных церемониях» русская княгиня везде названа только языческим именем Эльга. Но вряд ли это может служить доводом в пользу предположений о том, что она крестилась не в Константинополе. Во время приемов она могла быть еще не крещенной, и автору трактата важно было показать, как принималась язычница — глава языческого государства. Нужно учитывать характер и цель трактата «О придворных церемониях». Константин приводил примеры того, как должно принимать гостей разных «рангов». О приемах русской княгини сообщается в ряду других церемоний, следовательно, это вовсе не описание истории ее пребывания в Византии. Константин не только «мог не упомянуть» о крещении Ольги, но даже нарочито не упоминал ни о чем ином, кроме «придворных церемоний». Этим церемониям придавалось чрезвычайное значение, важны были мельчайшие детали, так как ими определялся ранг иностранных государств и их послов, характер отношений их с

империей и т. п. Все это было, по меткому выражению Г. Островского, «своеобразной византийской политической религией» [II, 14, с. 276]. Константин подробно описывает, когда, сколько, на каком блюде было поднесено золотых монет самой Ольге и каждому члену ее посольства. Как теперь доказано, это были не подарки, а обусловленная договорами с Русью выплата посольского содержания. Среди свиты русской княгини Константин упоминает некоего «пресвитера Григория». Сторонники точки зрения митрополита Макария хотят видеть в нем духовника уже крещенной в Киеве Ольги. Но оказывается, что посольское жалованье этого пресвитера меньше всех. Если бы он был священником из Руси — духовником великой княгини, то такой жест византийского двора явился бы просто оскорблением и ему, и княгине, и русскому христианству. Поэтому правы те, кто считает этого пресвитера византийцем, находившимся в посольстве Ольги в качестве «гида» по святым местам столицы и катехизатора. Всесторонний анализ описаний Константина Багрянородного позволил убедительно доказать, что для высокой русской гостьи были не только соблюдены дипломатические стереотипы приемов, но сделаны и особые отступления от них, подчеркнувшие высокую честь, оказанную русской княгине. Так, вопреки обычным правилам двора, Ольга принималась не вместе с посла-

ми из других государств, а отдельно от них, разделяла трапезу с императорской семьей и т. д. В то же время императору удалось отразить в церемониалах приема и то «расстояние», которое отделяло русскую княгиню от повелителя Византии. Ольга больше месяца жила на корабле в гавани Константинополя, прежде чем состоялся первый прием во дворце, 9 сентября: шли долгие утомительные переговоры о том, как, с какими церемониями должна быть принята русская княгиня. При этом все говорит о том, что большое значение церемониалу придавала прежде всего сама Ольга, получившая, конечно, еще в Киеве от бывалых русских послов подробную консультацию о значении деталей дипломатической придворной символики. «Политический поединок», по выражению акад. Б. А. Рыбакова, начался между Ольгой и Константином Багрянородным еще до личной встречи, в гавани Суда. Ольга добивалась признания высокой престижности Русского государства и своей лично как правительницы его.

В свете этого, по нашему мнению, становятся понятными первые же слова императора, обращенные к ней при первой личной встрече: «Достойна ты царствовать в столице нашей!» Высокопарный комплимент, в котором, однако, заключено действительное признание императором мудрос-

ти, упорства, терпения и благородства русской княгини!.. Версия летописца о том, что это было завуалированное брачное предложение, на первый взгляд и вправду отзывается чем-то былинно-сказочным. Но «сказка – ложь, да в ней – намек!» Намек на то, что тут сразу началась какая-то хитрая игра. Комплимент Константина, на наш взгляд, может быть расшифрован так: «Я думал, что имею дело с грубой варваркой, а ты доказала, что воистину достойна высших царских почестей, достойна была бы быть и царицей». Ольга подхватывает игру. Ее ответ может означать: «Чтобы стать царицей, нужно быть христианкой, а я язычница». Константину того и нужно! «Тогда почему бы тебе не креститься?» – вот естественная логика дальнейшего разговора с его стороны. Ольга хорошо понимает, что император очень заинтересован в ее крещении, и пользуясь этим, внезапно предлагает: «Если хочешь крестить меня, то крести меня сам, – иначе не крещусь». «Ультиматум», от которого императору не увернуться!.. Вынужденный крестить Ольгу и назвать ее крестной дочерью, император тем самым вынужден наименовать правительницу Руси «дочерью» и в титулатурном смысле!..

По летописи, после крещения император прямо предложил Ольге стать его женой. Если признать это полной выдумкой,

то за ней может быть сокрыто следующее: «Теперь ты крещенная нами христианка и потому должна во всем слушаться нас». Вот смысл того, что должен был сказать Константин, если учесть его имперские притязания на подчинение Руси. «Ты сам назвал меня дочерью, а у христиан отношения должны быть братскими и духовными, зачем же ты добиваешься господства надо мной?» Примерно так можно реконструировать ответ Ольги. Умный и остроумный Константин увидел свое поражение и сумел искренне восхититься мудростью «противника»: «Перехитрила ты меня, Ольга!»

Следуя, таким образом, за подавляющим большинством ученых, решительно отвергающих «любовный» момент в переговорах Константина с Ольгой как «побасенку», мы предложили реконструкцию смыслового содержания переговоров, которая с какой-то рационально-дипломатической точки зрения представляется наиболее логичной в контексте истории и данных летописи. Но полагаем нужным оговорить, что полностью исключать сообщение летописи о сватовстве императора к нашей княгине все-таки нельзя. Чего только не бывает на этом свете! И чего только не бывало в подобном плане в истории Византии! Там были случаи, когда императоры женились на женщинах низкого про-

исхождения. Случалось, что вторично женились и при здравствующей жене, зато чая последнюю в монастырь²⁴. Женился же отец Константина Великого на дочери начальника станции Византийской почтовой службы – Елене, будущей равноапостольной царице! Ольга была дочерью паромщика и получила при крещении имя той самой Елены... Промыслительное ли это совпадение, или, выбрав для Ольги такое имя, Константин Багрянородный, зная о происхождении русской княгини, хотел тем самым намекнуть, что и он готов взять в жены дочь начальника переправы так же, как отец Константина Великого взял дочку начальника почтовой станции? Этакий символизм был бы в духе времени! Очень даже возможно, что или из какого-то политического коварства, или действительно охваченный внезапной страстью, Константин VII сделал Ольге опрометчивое «предложение».

Но в любом случае, как бы там ни было, император потерпел поражение.

Единственная победа византийской церковно-государственной дипломатии в «поединке» с Ольгой состояла в том, что русскую княгиню удалось привести к крещению и вдохнуть в нее ревность апостольского служения своей земле. Но такой «победы» над собой больше всех желала сама мудрая Ольга! Недаром рассказ нашего

летописца явно построен на сравнении отношений Ольги к Патриарху и к императору: первого она смиренно слушает, «как губка напояемая», советуется с ним, со вторым — борется, хитрит и побеждает. Здесь, как в фокусе, заключена вся суть «игры» Руси с Византией.

Что же побудило Ольгу креститься, как обратилась ее душа ко Христу? С христианством Ольга, конечно, была знакома с детства. Врожденная мудрость, естественно, заставляла ее давно интересоваться этой верой, узнавать ее, наблюдать христиан. Наша летопись именно здесь видит основную причину обращения: «Эта же блаженная Ольга с малых лет искала мудрости, что есть самое лучшее в свете этом; и нашла многоценный жемчуг — Христа» [I, 1, с. 77]. Нет сомнений в том, что по сути — так и есть! Но что могло послужить непосредственным толчком к раскрытию сердца и восприятию призывающей Божией благодати? На этот вопрос дает ответ сама княгиня Ольга. В упомянутом уже разговоре с сыном Святославом она свидетельствует о себе: «Я познала Бога, сын мой, и радуюсь; если и ты познаешь — тоже станешь радоваться». Значит, до познания Бога в душе Ольги не было радости!.. Трагическая гибель мужа, кровавая месть древлянам должны были еще более омрачить ее сердце... Остальное было делом Божией милос-

ти. Достаточно было лучу Божественной благодати подобно молнии озарить душу этой глубокой и ищущей натуры, как знакомые уму истины Христовой веры раскрылись перед ее духовным взором во всей своей внутренней правде, силе и красоте! Промыслом ли Божиим случилось так, что это озарение совпало с приглашением в Константинополь, или такое приглашение явилось следствием продуманных дипломатических маневров самой Ольги — трудно сказать. Но одно ясно: мудрая княгиня решила принять крещение в Константинополе, в торжественной обстановке от самого Патриарха, чтобы добыть своей родине широкое признание в мире могущественных христианских государств и обеспечить своей собственной апостольской миссии на Руси духовную поддержку и благословение Вселенского Патриарха, и тем самым сделать эту миссию особенно авторитетной в глазах русских людей! Совершенно очевидно, что такой замысел, если он был преднамеренным, и его блестящее осуществление не могли состояться без особого Божия содействия и вразумления.

Вернувшись из Константинополя в Киев, Ольга-Елена начала христианскую проповедь.

Многое зависело от того, обратится ли ко Христу ее сын Святослав, который должен был вот-вот принять бразды правления государством. Понятно, почему с него, согласно

летописи, и начала равноапостольная княгиня свою проповедь. Мы помним, что он ответил отказом принять крещение, сославшись на возможные насмешки дружины. Отчасти это так, но мать справедливо заметила сыну: «Если ты крестишься, то и все сделают то же» (вот явная и первая в истории попытка устроить всеобщее Крещение Руси!). Святослав не мог возразить по существу и потому, как сказано в летописи, «гневался на мать». Не только боязнь насмешек удерживала его, но и собственное «желание жить по языческим обычаям» [I, 1, с. 79]. Войны, пиры, забавы, далекие походы, жизнь по похотям сердца и плоти — вот что, как мы знаем из летописей, владело душой Святослава. Во всем этом отчаянно храбрый, умный, широкий душой Святослав хотел найти полноту жизни. Но мать знала, что подлинной радости это не принесет его душе, глубоко скорбела о нем и о Русской земле и говаривала: «Да будет воля Божия; если захочет Бог помиловать род мой и землю Русскую, то вложит им в сердце то же желание обратиться к Богу, что даровал и мне. И говоря так, молилась она за сына и за людей всякую ночь и день» [I, 1, с. 79]. Впрочем, княгиня Ольга не только молилась, но и проповедовала, сокрушала идолов в своих вотчинах, строила храмы. Согласно тексту XIV века, в Киеве при Ольге была освящена церковь во имя Святой Софии [V, 4, с. 580; II, 6, с. 104]. Интересно отме-

тить, что это уже третья нить, по которой на Русь приходит почитание Софии Премудрости Божией. Первая протянулась, как мы помним, от Крымского Сурожа (Судака), где в начале IX века был храм Софии. Вторая нить шла из Фесалоник — родины равноапостольных Кирилла и Мефодия, где, оказывается, тоже стоял Софийский храм, весьма похожий, только меньших размеров, на Софию Константинопольскую [IV, 8, с. 92 — 93], от которой теперь непосредственно протягивает Ольга еще одну нить... По видению, бывшему ей на месте будущего Пскова, Ольга организует там строительство храма во имя Святой Троицы. Из Царьграда привезла она многие святыни, в частности восьмиконечный крест, сделанный целиком из древа Животворящего Креста Господня. Христианские святыни благодатью, от них исходящей, содействовали просвещению Русской земли.

Но родной сын, любовь и боль княгини Ольги, так и остался не просвещенным истиной. Замечательный полководец, Святослав погибнет не в славном походе, а в коварной засаде печенегов в 972 году, и из черепа его сделают чашу, из которой печенежский князь станет пить вино... Ольгу Бог избавил от переживаний этого ужаса. Она скончалась раньше, в 969 году, кончиной блаженной и мирной. Перед смертью Ольга сделала завещание, в котором запретила устраивать по себе языческую тризну. Священник, бывший при

ней, совершил погребение княгини по-христиански. «...И плакали над ней плачем великим сын ее и внуки ее, и все люди... Была она предвозвестницей христианской земле, как денница перед солнцем, как заря перед светом... омылась в святой купели и сбросила с себя одежды первого человека Адама, и облеклась в нового Адама, то есть в Христа. Мы же взываем к ней: «Радуйся, русское познание Бога, начало нашего с Ним примирения!» Она первая из русских вошла в Царство Небесное, ее восхваляют сыны русские — свою начинательницу, ибо и по смерти молится она Богу за Русь» [I, 1, с. 83]. Такими вдохновенными словами заканчивает «Повесть временных лет» рассказ о земной жизни великой княгини.

Молитвы и труды святой равноапостольной Ольги принесли богатые плоды: христианство на Руси стало быстро распространяться и укрепляться. Но тем сильнее противодействовало ему язычество, утвердившееся как господствующая (государственная) религия. В середине X века язычество было еще настолько прочно, что язычники не считали нужным искоренять христианство, а только «насмехались» над теми, кто добровольно и свободно его принимал. Во второй половине столетия распространение веры Христовой делает столкновение с язычеством неизбежным.

Между тем в правящей языческой вер-

хушке общества происходит следующее. Князь Святослав незадолго до гибели поставил на правление своих сыновей: Ярополк — в Киеве, Олега — в земле древлян, Владимира — в Новгороде Великом (по просьбе самих новгородцев). Ярополк был женат на гречанке — бывшей монахини, которую Святослав захватил в Византии во время набега и привез в жены сыну. Под влиянием сначала бабки своей Ольги, а затем и жены Ярополк начал склоняться к христианству. Но крещения он, по-видимому, не принял. Однажды брат его Олег убил в своем лесу сына варяга — дружинника Ярополка за то, что тот осмелился охотиться там. Отец убитого настаивал на мести. Ярополк пошел против Олега с дружиной. Отступая, Олег погиб в свалке на мосту, что сильно опечалило Ярополка, не хотевшего смерти брата. Узнав о происшедшем, их брат Владимир бежал из Новгорода к варягам, чтобы набрать сильную дружину. Ярополк был вынужден взять власть над Новгородом, поставив себя тем самым в положение узурпатора. Но вскоре вернулся Владимир с воинами-варягами. Набрав в свое войско еще новгородцев, кривичей, чуди, он двинулся на брата. Восстанавливая свои княжеские права и оправдывая себя местью за смерть Олега, Владимир захватил Киев. Коварно преданный своими ближайшими советниками, Ярополк попал в руки Владимира и был убит его варягами.

Владимир взял себе жену Ярополка — гречанку. От нее, между прочим, родился потом Святополк Окаянный — убийца святых братьев Бориса и Глеба. С 980 года Владимир начал единолично править в Киеве всей Русской землей.

Как видим, история повторилась: нападение на Киев из Новгорода с варягами, убийство киевского князя, установление новой власти силой варяжских мечей, как при Олеге в 882 году. Повторилось и другое: Владимир, подобно Олегу, решает укрепить положение язычества в своем государстве. В Киеве близ княжеского двора возникает знаменитый пантеон идолов, Владимир по случаю своих побед демонстративно приносит жертвы кумирам. Такие деяния Владимира, как о том говорит Иоакимовская летопись [II, 16, с. 38], были продиктованы отчасти тем, что убитый им Ярополк тяготел к христианству. Но это была далеко не единственная и не главная причина утверждения язычества. Не случайно летописец в контексте рассказа об идолопоклонстве Владимира повествует об его образе жизни. «Побежденный вожделением» Владимир имел до крещения одновременно четырех жен и до пятисот наложниц (в чем летопись уподобляет его Соломону) [I, 1, с. 95]. Страстный, сильный, любящий войны и походы, безудержный в пирах и забавах, Владимир был сыном своего отца Свя-

тослава — язычником не столько по убеждению, сколько по образу жизни. Христианство должно было отталкивать Владимира не чем иным, как своими нравственными правилами. Язычество же являлось в таком случае закрепленным традицией предков оправданием жизни по *похоти плоти, похоти очей и гордости житейской* (1 Ин. 2, 16). Кроме того, Владимир, как и его предшественники, мечу доверял более, чем Кресту. Наконец, христианство могло отталкивать его, как и варяга-Олега, угрозой подчинения Византии. Владимир тогда еще не мог, подобно Ольге, оценить значение христианства и отделить в своем сознании веру от политики византийских императоров, которые, действительно, не прочь были использовать христианство в качестве духовного орудия подчинения себе других народов. Он сумеет сделать это позже. А пока Владимир, как и Олег, был движим одним желанием — во что бы то ни стало укрепить язычество наперекор и в противовес растущему и усиливающемуся христианству. Князь опирался на большинство населения своего государства, которое придерживалось язычества в основной массе по инерции, по привычке, неосознанно. Это была неорганизованная, слепая стихия, поскольку, как мы видели, на Руси (к счастью для нее) не существовало касты жрецов — идеологов, устроителей и вдохновителей языческой ре-

лигии. Поэтому в условиях духовного кризиса русского общества 80-х годов X столетия решающее значение приобретал религиозный выбор князя — главы государства. На него смотрели как на вождя не только в военном, но и в религиозном деле. Владимир сам «приносил жертвы идолам», исполняя тем самым, говоря современным языком, функции верховного жреца.

Между тем в русском государстве быстро нарастал духовный кризис. Началась подлинная духовная война — открытый поединок язычества с христианством. Как свидетельствует одно из Житий князя Владимира, в то время «христиане... страха ради стали скрываться; одни спасались бегством, другие втайне веровали, а иные снова обращались к прежнему (языческому. — *Авт.*) нечестию. И если где была церковь христианская — разорялась рукой идолослужителей» [I, 4, 15 июля].

Решающая «схватка» произошла в 983 году, когда разъяренная толпа язычников зверски убила святых Феодора-варяга и сына его Иоанна, воспротивившихся человеческим жертвоприношениям и заявивших об истинности Бога христианского. Но любая расправа над христианами всегда только поражение противной стороны по той единственной и важнейшей причине, что страдания христиан связывают со Христом, пострадавшим ради человеческого спасения, и потому при-

влекают к месту, к земле, где пролилась кровь христиан, чрезвычайные Божественные силы.

Мученическая смерть за Христа святых Феодора и Иоанна привлекла обильную благодать Божию на Русскую землю. И произошло чудо: вождь язычества, гонитель христианства начал обращаться ко Христу! Доказательством служит тот неоспоримый факт, что после окончательного прихода к вере Христовой и крещения князь Владимир поставил благолепную первую каменную Десятинную церковь во имя Божией Матери не где-нибудь, а на месте того дома, где были убиты Феодор и Иоанн [I, 1, с. 97]. Археологические раскопки, произведенные в 1908 году в алтарной части Десятинной церкви, обнаружили остатки деревянного сруба этого дома [II, 4, с. 61]. Следовательно, тогда, в 983 году, пережил князь Владимир первое и сильное потрясение, обратившее его духовный взор к христианству.

Помогли и молитвы святой равноапостольной Ольги, молившейся и молящейся за Русь. Князь Владимир был не только сыном своего отца, но и внуком своей бабки — Ольги! Многое унаследовал он и от нее. С языческой необузданностью страстей в нем сочетались и определенная душевная глубина, мудрость, сердечная доброта. Вот видимые причины того, почему его сердце оказалось способным воспринять Божие посещение.

С 983 по 986 год на Русской земле в религиозно-духовном отношении наступает некое затишье. Летопись не отмечает заметных движений ни со стороны язычества, ни со стороны христианства. Князь Владимир в это время успешно воюет с радимичами, волжскими болгарами, заключая с последними мир. Но летопись уже не говорит о его жертвоприношениях идолам. О том, что происходило в душе Владимира, можно только догадываться на основании дальнейших событий и некоторых побочных данных.

Церковный писатель второй половины XI века Иаков Мних (монах) пишет, что, «взыскав спасения», Владимир вспоминал о том, как уверовала и крестилась бабка его, святая княгиня Ольга, ибо много слышал об этом. «То слышав [Владимир. — Авт.], разгорался Духом Святым в сердце, желая святого крещения» [I, 2, с. 256]. Вряд ли он прислушивался к рассказам об Ольге до 983 года. Тогда никто не рискнул бы приступить к нему с проповедью о Христе. Но теперь, после того, как, «взыскав спасения», Владимир сам начал интересоваться историей обращения своей великой бабки, он стал способен воспринимать слова истины, исходящие от его ближайших родственников-христиан. А таковыми были мать Владимира — Малуша, которая, по справедливому суждению А. А. Шахматова, приняла крещение вместе с Ольгой в Константинополе, а также одна из

жен. В древней исландской саге о норвежском короле Олафе Трюггвасоне (†1000) определенно говорится о том, что во время его пребывания в Гардарике (Руси) он был свидетелем того, что мать и жена нашего князя Владимира уговаривали его креститься, и что Владимир внял их увещаниям²⁵. Наконец, нельзя пройти мимо интересного свидетельства преподобного Нестора в его «Чтении о житии... Бориса и Глеба», где сказано, что князю Владимиру было «видение Божие», побудившее его к обращению. Но как это чаще всего бывает с обращающимися ко Христу в зрелом возрасте, от начала обращения до окончательного принятия веры и крещения должно было пройти какое-то время в размышлениях, сопоставлениях, уяснении и восприятии христианских истин.

За религиозной жизнью на Руси пристально следили те, кто так или иначе был связан с Русью и потому заинтересован в духовном ее развитии: православные греки на юге, Римская Церковь на западе, мусульмане Волжской Болгарии, иудаисты Хазарии на востоке. Правда, Хазария была совершенно разгромлена Святославом в 965 – 968 годах. Могучий каганат, союзник и опора Византийской империи, рухнул под натиском киевского князя, навсегда перестав существовать как государство! Часть земель его, в том числе некоторые земли по Дону и Северному Кавказу, Таманский полуостров (знакомая

нам Таматарха, ставшая русской Тмутараканью), отошли к владениям Руси. Став подданными Руси, иудейские проповедники и книжники теперь, естественно, были особо заинтересованы в приобщении к иудаизму русской княжеской власти. Но обращением этой власти к своей вере были не менее озабочены и все вышеназванные стороны. Напряженное затишье в духовной жизни русского общества после грозового разряда 983 года, означавшее неясность дальнейших религиозных судеб Руси, вселило во всех ее соседей определенные надежды.

В 986 году, по данным летописи, «пришли болгары магометанской веры... потом пришли иноземцы из Рима... пришли хазарские евреи... затем прислали греки к Владимиру...» [I, 1, с. 99 – 101]. И все проповедали свое. Князь Владимир внимательно выслушивал всех, задавал вопросы...²⁶ Повторялась история 860 – 861 годов, когда, по словам русского посольства в Константинополе, «евреи побуждали [русских. – *Авт.*] принять их веру и обычаи, а с другой стороны, сарацины (т. е. мусульмане) принуждали принять свою веру...» и т. д.

Мы уже знаем, как это повторение отразилось на нашем летописании: в нем наслоились и смешались данные, относившиеся к периодам правления Осколда и Владимира. Летопись все отнесла ко времени Владимира в значительной мере потому, что истори-

ческая и духовная логика событий в обоих случаях была в общем одна и та же: Русь совершала выбор веры, во втором случае — окончательный, и мы вправе рассматривать данные о нем в начальной летописи как отражение исторического процесса. Пусть вопросы и ответы князя Владимира отчасти заимствованы из вопросов и ответов Осколда и Дира, отчасти сочинены летописцами «для связи» повествования, но они непременно должны отражать определенную духовную реальность — запросы русского общества того времени и возможный ход рассуждений самого Владимира. Мотивы, по которым князь Владимир отвергает иудаизм, мусульманство и христианство римского исповедания, на первый взгляд, могут показаться неосновательными. Но следует помнить, что князь Владимир во время своих бесед с проповедниками разных религий уже предпочитал греческое Православие, а потому использовал любой «предлог» для отвержения иных вер. Эти «предлоги» отражают в какой-то мере реальности духовного склада Руси того времени.

В мусульманстве Владимиру, согласно летописи, как будто нравилась возможность многоженства и в этой жизни, и в будущей. Магометане не случайно упирали именно на этот пункт своего вероучения: они явно пытались приспособиться к нравам Владимира-язычника, о которых, конечно, хорошо зна-

ли, но они не знали другого: от язычества Владимир в глубине души уже отвратился. К тому же «предаваться всякому блуду» он мог и не переходя в иную веру... Проповедники ислама просчитались. Но не только в этом. Они не открыли Владимиру ничего нового о Боге, Его отношении к миру и человеку, о смысле бытия. Заповеди ислама об обрезании, воздержании от свинины и вина были использованы Владимиром как предлог, чтобы отвергнуть эту веру. И он сказал полушутливые слова: «Руси есть веселие питие, не можем без того быть».

Остроумен отказ Владимира от иудаизма. Проповедники этой религии, судя по всему, главный акцент сделали на «презренности» христианства по сравнению со своей верой: «Христиане же веруют в Того, Кого мы распяли...». Владимир спрашивает сначала о «законе» иудеев, а затем задает неожиданный вопрос: «А где земля ваша?» Вопрос коварный и продуманный: Хазария недавно разгромлена, а Палестина не принадлежит иудеям. Вынудив проповедников ответить, что «разгневался Бог на отцов наших и рассеял нас по различным странам за грехи наши...», Владимир резонно замечает: «Как же вы иных учите, а сами отвергнуты Богом и рассеяны?.. Или и нам того же хотите?»

Очень интересно летописное свидетельство о беседе Владимира с «иноземцами из Рима», «посланными Папой». Сперва они строят

свою проповедь на противопоставлении истинного Бога, сотворившего небо и землю, звезды и месяц, и «всякое дыхание», языческим истуканам, которые «суть дерево», подчеркивая, что христианство — свет, а язычество — тьма. Владимир спрашивает: «В чем заповедь ваша?» (т. е. что́ требуется от человека, чтобы быть угодным Богу истинному, чтобы спастись?). И получает знаменательный ответ: «Пост по силе, если кто пьет или ест, то все это во славу Божию, — как сказал учитель наш Павел». Ни слова о необходимости духовного преобразования, перерождения человека во Христе и во образ Христов, об отвержении себя с необходимостью, «взяв крест», следовать за Христом! Трудно сказать, чего больше в этой проповеди «иноземцев из Рима», смысл которой вполне отчетливо отражен в кратких словах летописи, — попытки приспособиться к распущенным нравам Владимира-язычника или свойственной вообще западному христианству обмирщенности... Во всяком случае суть ответа римских посланцев — в призыве переменить веру без особой перемены образа жизни. А вот это как раз и должно было оттолкнуть Владимира, уже хорошо знавшего, какую перемену жизни совершила после крещения княгиня Ольга и каков образ жизни других русских христиан, принявших веру от Константинопольской Церкви! «Идите, откуда пришли, — говорит он посланцам Римского Папы, — ибо

и отцы наши не приняли этого». Прекрасная осведомленность и о подлинной сущности христианства, и о неудачах Римской Церкви на Руси в предшествовавшие времена!

Летопись отражает лишь общий характер проповеди «посланных от Папы из Рима» и конечный результат их неудавшейся миссии. Но мы видели, что миссионеры с Запада пытались действовать на Руси еще при княгине Ольге (см. наше примеч. 22), правда, совсем неудачно. Затем, по данным Никоновской летописи, в 979 году «из Рима от Папы» к князю Ярополку приходили еще какие-то послы. Возможно, это было связано с расположением Ярополка к христианству. Но в 980 году князь был убит. По той же Никоновской летописи, в 988 году прибывшие в Херсонес к Владимиру послы из Рима принесли мощи святых, что наверняка являлось реакцией Рима на обращение Владимира ко Христу (если, конечно, сведения этой летописи точны). Есть еще некоторые краткие упоминания о фактах посольств от Владимира к Папе в 994 году, от Папы к Владимиру в 1000 году и вновь из Руси — в Рим в 1001 году. Конечно, во всех таких переговорах Рим не мог не стараться подчинить своему влиянию русское христианство. Общий результат этих переговоров известен и вполне ясно выражен в словах князя Владимира, переданных «Повестью временных лет». Тем не менее в западном Житии святого Рому-

альда (†1027), написанном в XI веке, имеется рассказ о том, как некий монах Бруно-Бонифаций проповедал у славян, в том числе у «короля руссов», и ему удалось обратиться в христианство и «короля», и его (русский?!) народ. Брат этого «русского короля» убил Бруно-Бонифация, но народ прославил его как святого, и «ныне Русская Церковь хвалится, что имеет его как блаженнейшего мужа». Ни в X – XI веках, ни раньше, ни позже в Русской Церкви святой Бруно не известен. Но вот в западной хронике XII века говорится о некоем «святом Бруне», который при Отгоне III (980 – 1002) проповедовал христианство в Венгрии и в «Руссии», а затем пошел к печенегам, но они убили его. Тело его будто бы было выкуплено русскими, построившими в его честь монастырь, где мощи Бруна сияли чудесами (такого монастыря на Руси никогда не было!). Потом будто бы некий греческий епископ обратил оставшихся еще русских-язычников в христианство и убедил их принять обычаи Греческой Церкви «относительно рощения бороды и прочего». Отчасти разъясняет дело лично знакомый с Бруно западный писатель Титмар Мерзебургский, который свидетельствует, что Бруно начал проповедовать, только когда стал епископом, после 1002 года, при этом Титмар Мерзебургский ничего не говорит о проповеди Бруно на Руси. Но в полной мере опровергает легенды Римской Церкви

сам Бруно в письме к королю Генриху II (около 1007 года). Он пишет, что побывал с проповедью в Померании, Венгрии, Пруссии и у печенегов. Чтобы попасть к последним, Бруно, по его словам, проезжал через Киев, был принят князем Владимиром (уже христианином!), который не советовал ему идти к печенегам. Бруно все же пошел, но скоро вынужден был от них уйти и снова прибыл в Киев, где прожил в течение месяца. Известно, что по дороге на родину Бруно был убит в Пруссии язычниками (II, 6, с. 132 – 133]. Авторитетный историк Римской Церкви кардинал Цезарь Бароний (†1607) в своих знаменитых «Анналах» под 997 годом говорит о Бонифации (по-славянски – Вонифатий) и со ссылкой на Петра Дамиани, между прочим, пишет: «Были уже русские народы верою просвещены. Но из-за войн едва в памяти их Христос пребывал, пока сей Вонифатий проповедью своею обновил и оживил веру святую в сердцах их» [I, 7, с. 1063 (об.)]. Затем в записи под 1008 годом этот историк сообщает: «Бруно, честного рода и родственник Дитмара (Титмара Мерзебургского. – *Авт.*), который о нем пишет... прирав от папы благословение на проповедь Евангелия неверным, будучи посвящен во епископа, пошел в Пруссию через Польшу, в которой от Болеслава князя был почтен и обогащен многими деньгами, которые раздавал нищим и церквям. Не смогший же жестоких

оних сердец (т. е. пруссов. — *Авт.*) к Евангелию и познанию истинного Бога умягчить, шествуя дальше к россам, был схвачен неверными, которые ноги и руки и голову ему отсекли и убили с ним восемнадцать других его помощников. Тела их Болеслав дорого купив, дому своему соделал радость. Едва ли не в том же году русский проповедник Бонифаций сподобился мученического венца. Он был ученик Ромуальда, родственник кесарей Оттонов, о котором я упоминал выше... Об обращении россов Дитмар (Титмар) прибавляет, что российский царь Владимир, взяв (в жены) Елену, дочь кесаря Константинопольского, которая была обручена Оттону III, обратился к вере христианской с людьми своими» [I, 7, с. 1079 (об.) — 1080].

Из этого описания следует, что Бонифаций и Бруно — два разных человека. Бонифацию приписывается лишь некое «оживление» веры на Руси (что тоже не подтверждается историей), а Бруно совсем не отводится роли в русских церковных делах. По свидетельству Цезаря Барония, он был убит не русскими и даже не печенегами, а скорее всего — пруссами, и не русские, а Болеслав Польский выкупил его останки. Но самое для нас важное состоит в том, что оба текста Ц. Барония, несмотря на отдельные неточности, воссоздают в общем верную картину исторических событий, указывая, что, во-первых, русские были уже крещены до появления у

них Бонифация и, во-вторых, обращение Руси в христианство произошло в результате женьитьбы князя Владимира на византийской принцессе.

Таким образом, агиографы Бруно, *ad maiorem gloriam* своего святого, решились соединить сведения о его пребывании на Руси с фактом ее Крещения, происшедшего ранее не только без «помощи» Бруно, но и без всякого участия Римской Церкви, о чем согласно и достаточно определенно говорят авторитетные источники.

«Затем прислали греки к Владимиру философа», — сообщает «Повесть временных лет» и передает обширную проповедь этого философа. Нет никаких оснований сомневаться в том, что князю Владимиру в указанное время проповедали греческие миссионеры. Однако, как мы уже отмечали, эти проповеди наша летопись смешивает с источниками довладимирского времени — 861 (862) год. Так, поучение Владимиру после его крещения удивительно похоже на вводную часть (главу I) Жития Мефодия. А эта часть, в свою очередь, согласно общему мнению ученых, является изложением отдельного сочинения, внесенным в Житие Мефодия. Некоторые полагают, что автор сочинения — Константин (Кирилл) Философ²⁷. Мы уже указывали, что отдельные русские источники «переносят» Кирилла Философа в эпоху Владимира²⁸. В таком случае напрашивается предположение: не является

ли проповедь «философа» князю Владимиру, как она передана в «Повести временных лет», утраченным историко-богословским огласительным сочинением святого равноапостольного Кирилла Философа? Для доказательства этого требуется специальное текстологическое и историческое исследование. Мы же ограничимся следующими соображениями. Святой Константин (Кирилл) мог в связи с миссионерской деятельностью написать катехизическое сочинение для славян²⁹. Возможно, он оставил его на Руси еще в 861 году. Но, возможно, оно пришло к нам позднее из Болгарии. В таком случае князь Владимир мог ознакомиться с этим сочинением до своего крещения — ему его могли читать. Сведения об этом чтении и самый текст трактата Кирилла Философа впоследствии оказались в распоряжении летописцев конца XI — начала XII века вместе со сведениями о проповеди греков, приходивших из Византии к Владимиру около 986 года. Летописец мог воспринять текст сочинения Кирилла как запись содержания устной проповеди Владимиру. В таком случае он должен был сделать то, что мы и видим в «Повести временных лет», а именно — убрать имя Кирилла, как «ошибочно» попавшее в заглавие сочинения, и оставить прозвище «философ» (в отличие от некоторых позднейших книжников летописец XI — XII веков знал, что Кирилл Философ жил за сто лет до Владимира).

Таким образом, в нашей «Повести временных лет» под видом проповеди «философа» князю Владимиру может скрываться не сохранившийся нигде больше богословский огласительный трактат равноапостольного Кирилла.

Впрочем, замечательно здесь не только предполагаемое нами авторство Кирилла, но и содержание текста. Оно ясно показывает, какую веру принимала (и приняла!) Русь в те далекие времена. Сочинение настолько стройно, последовательно, глубоко и в то же время просто раскрывает основные события Священной истории и некоторые вероучительные истины, что сохраняет свое богословское значение и по сей день.

«Беседа» Владимира с «философом» [I, 1, с. 103 – 121]³⁰ сводится к самому важному и главному – к вопросу о Боговоплощении: «Зачем же сошел Бог на землю и принял... страдание?» Ответил же философ: «Если хочешь послушать, то скажу тебе по порядку с самого начала...». Владимир же сказал: «Рад послушать». И начал философ говорить так: «Вначале, в первый день, сотворил Бог небо и землю...» Следует свободное изложение первой главы книги Бытия, в которое очень органично включается и то, чего нет в Священном Писании. «В четвертый день», когда Бог «сотворил солнце, луну, звезды и украсил небо... увидел все это первый из ангелов – старейшина чина ангельского и подумал:

«Сойду на землю и овладею ею, и буду подобен Богу, и поставлю престол свой на облаках северных». И тотчас был свергнут с небес, и за ним пали те, кто находился под его началом... Было имя врагу – Сатанаил, а на его место Бог поставил старейшину Михаила, Сатана же (окончание имени «ил» или «эл», означающее «Бог», «Божий», отпадает от имени архангела вместе с его отпадением от Бога. – *Авт.*), обманувшись в замысле своем и лишившись первоначальной славы своей, назвался противником Богу». Эта вставка в повествование позволяет точнее понять историю грехопадения: «Диавол же, увидев, как почтил Бог человека, стал ему [человеку. – *Авт.*] завидовать, преобразился в змия, пришел к Еве» и начал искушать ее, как о том сказано и в Священном Писании. Грехопадение Адама и Евы и изгнание их из Рая названы в трактате «первым нашим падением и горькой расплатой», «отпадением от ангельского жития» (следует понимать – «подобного ангельскому» по святости и чистоте. – *Авт.*). Далее повествуется о братоубийстве Каина, о том, как «диавол радовался» падению человека, и о том, что человек стал подвластен искушениям его. Затем сообщается, что Каин взял одну из дочерей Адама и Евы, а Сиф – другую, и так началось умножение человеческого рода. После этого следует быстрый переход к временам Ноя: «И не познали (люди. – *Авт.*) Сотворившего их,

исполнились блуда и всякой нечистоты, и убийства, и зависти, и жили люди, как скоты. Только Ной один был праведен в роде этом». Далее подробно описано строительство Ноем, по Божью повелению, ковчега и упомянута проповедь Ноя людям, возвещавшая о грядущем потопе. Но люди «посмеялись над ним». Затем автор переходит к строительству Вавилонского столпа и подробно описывает его духовно-исторические последствия. Относительно подробно описаны важнейшие события жизни праведного Авраама. Бегло, но точно сказано о рождении Исаака от Агари, Исаака от Сарры, Иакова и его двенадцати сыновей — родоначальников «колен» Израиля. Затем, минуя историю Иосифа, автор говорит о вселении Иакова в Египет, о рождении Моисея и останавливается на истории изведения им, по Божью велению, евреев из египетского рабства. Вкратце упомянув о прообразовательных событиях в путешествии Израиля по пустыне (обращении горькой воды Мерры в сладкую, даровании манны), о получении Моисеем «закона на горе Синайской» и о том, как в это время израильтяне «отлили (из золота. — *Авт.*) голову тельца и поклонялись ей, как богу», повествователь сообщает о вступлении в «землю обетованную». Очень кратко сказано об эпохе Судей и подробней — о поставлении царя Саула и избрании затем на царство Давида, подчеркнуто, что «Давиду этому

обещал Бог, что родится Бог от племени его». Далее автор трактата переходит к рассказу об отступлении Израиля от Бога в идолопоклонство и о начале проповеди пророков Божиих, которых стали убивать иудеи. «Разгневался Бог на Израиля и сказал: «Отвергну от Себя, призову иных людей, которые будут послушны Мне. Если и согрешат, не помяну беззакония их». И стал посылать пророков, говоря им: «Пророчествуйте об отвержении евреев и о призвании новых народов». Далее приведены многие выдержки из пророческих книг об отвержении Израиля и призвании новых народов, после чего логично и естественно сделан переход к пророчествам о явлении Бога «во плоти», искуплении Его страданиями греха Адама, т. е. о Мессии, об обстоятельствах Его земной жизни, крестных страданиях, Воскресении из мертвых.

Это место особенно подтверждает авторство равноапостольного Кирилла. Проповедь о Христе в связи с отвержением евреев и избрании новых народов — его излюбленная тема, естественно вытекавшая из споров с представителями иудаизма. Не дословно, но по содержанию и смыслу это место точно соответствует описанию полемики Кирилла с иудеями в «Хазарии» [I, 3, с. 81 — 82].

После упоминания о сошествии Господа Христа во ад и «освобождении узников», там пребывавших, в повествование вставлен «воп-

рос» князя Владимира: «Когда же это сбылось? И сбылось ли все это? Или еще только теперь сбудется?». Искусственность вставки обнаруживается сравнением с началом «беседы» философа с князем, где речь идет о Воплощении и страдании Спасителя как о факте, известном обоим собеседникам. Как бы в ответ на этот вопрос следует краткое повествование о выведении евреев «в плен в Ассирию» на семьдесят лет, о возвращении оттуда и начале царствования Ирода. Затем подробней излагаются Благовещение, Рождество «Слова Божия» — Иисуса Христа, бегство в Египет, возвращение в Назарет, начало проповеди Спасителя, избрание двенадцати учеников, крещение в Иордане от Иоанна ради открытия «обновления новым людям». Затем кратко, но точно изложена Евангельская история до Сошествия Святого Духа на Апостолов в день Пятидесятницы. «Когда приняли обетование Святого Духа, то разошлись по вселенной, уча и крестя водою» — так заканчивается эта часть сочинения.

Потом вставляется еще один, последний, «вопрос» князя Владимира, в котором, собственно, содержатся три вопроса: «Зачем родился Он от жены, был распят на древе и крестился водою?» Эти вопросы чрезвычайно ценны для нас: в них отражается то, что более всего интересовало русских людей того времени в Священной истории и учении христианства.

Трактат отвечает на первый вопрос так: «... через жену была первоначальная победа дьявола, так как через жену... был изгнан Адам из Рая; через жену же воплотившись, Бог повелел верным войти в Рай». На второй вопрос дан ответ: «А на древе был распят потому, что от древа вкусил Адам и из-за него был изгнан из Рая... и древом жизни спасутся праведные». В связи с третьим вопросом говорится, что «обновление водою» совершилось, с одной стороны, потому, что водою Бог «потопил людей» при Ное. «Потому-то и сказал Бог: «Водою погубил я людей за грехи их, теперь вновь водою очищу от грехов людей — водою обновления». Ибо первой была сотворена вода; сказано ведь: «Дух Божий ношашеся верху воды», потому и ныне крестятся водою и Духом». Короткое, но исчерпывающее разъяснение онтологической природы «воды» как первичного состояния материи мира (и первого космоса, и обновленного — нового неба и новой «земли» — Царства Небесного!)³¹. Автор использует эту тему, чтобы вновь вернуться к вопросу об отвержении евреев и избрании новых народов. В этой связи он толкует «руно Гедонеа» (Суд. 6, 36 — 40) следующим образом: «Это прообразовало, что все иные страны были прежде без росы, а иудеи — руно, после же на других странах стала роса, которая есть святое крещение, а иудеи остались без росы»³².

«Когда апостолы учили во всем мире веровать Богу, учение их и мы, греки, приняли, вселенная верует учению их» — так в сущности заканчивается проповедь-оглашение. Но в летописи за этой «концовкой» следует еще такой текст: «Установил же Бог и день единый, в который, сойдя с небес, будет судить живых и мертвых и воздаст каждому по делам его: праведникам — Царство Небесное, красоту неизреченную, веселие без конца и бессмертие вечное; грешникам же мучение огненное, червь неусыпающий и мука без конца. Таковы будут мучения тем, кто не верит Богу нашему Иисусу Христу: будут мучиться в огне те, кто не крестится. И сказав это, философ показал Владимиру занавес, на котором было написано (изображено. — *Авт.*) судилище Господне, направо указал ему на праведных, в веселии идущих в Рай, а налево — грешников, идущих на мучение. Владимир же, вздохнув, сказал: «Хорошо тем, кто справа, горе же тем, кто слева». Философ же сказал: «Если хочешь с праведниками справа стать, то крестись». Владимиру же запала на сердце мысль эта, и сказал он: «Подожду еще немного», желая разузнать о всех верах».

Перед нами удивительное повествование, поражающее своей стройностью, лаконичной четкостью, глубиной просвещенности (если не сказать Богопросвещенности) автора! Последняя часть от слов «Таковы будут мучения тем, кто не верит...» и далее явно «при-

стегнута» к предыдущему тексту и своими повторами и некоторым несовершенством стиля выдает руку другого автора, имевшего целью перейти к «показу» иконы Страшного Суда с пояснением. Из этого можно заключить, что икону на полотне («занавес») действительно Владимиру показывал кто-то из греческих проповедников. Но само напоминание о Страшном Суде в связи с призывом креститься может принадлежать и Константину (Кириллу), ибо именно так он закончил свою проповедь в «Хазарии» (на Руси) в 861 году. Впрочем, возможно, что все вплоть до «занавеса» относится не к Владимиру, а к Осколду. Но поскольку данное повествование взято летописцем из государственных документов эпохи князя Владимира, то, как уже было сказано, это означает, что Владимир лично знакомился с ним и оно произвело на него определенное впечатление.

Таковой была история катехизации князя и Руси.

Далее в нашей летописи помещено интереснейшее свидетельство о «посольствах» князя Владимира к мусульманам Волжской Болгарии, к «немцам» и «в греческую землю». Цель их сперва выражена летописцем так: «разузнать о верах». Однако собственно о верах (вероучениях) было уже узнано достаточно и отклонены все, кроме греческого Православия. Более точно цель посольств определяется в рассказе о совете князя Вла-

димира с «боярами и старцами», которые посоветовали ему «разузнуть, какая у них служба и кто как служит Богу». Можно согласиться с теми исследователями, которые полагают, что рассказ о посольствах — нечто иносказательное, что таких посольств не было, вовсе (хотя нет веских оснований и отрицать, что они были). Имеется также мнение, что князю Владимиру, уже склонившемуся к греческой вере, такие посольства были не нужны, а предприняты они были только для того, чтобы и княжеские дружинники, «бояре и старцы», также убедились в превосходстве Православия.

Вопрос, однако, сложнее и глубже, чем кажется. Умственное восприятие основ верования той или иной религии дает, конечно, очень многое, но далеко не все! В полной мере почувствовать дух религии или, во всяком случае, определить, сродни ли он душе того, кто хочет ее узнать, можно только при непосредственном созерцании отправлений религиозного культа. Конкретные формы богослужения и молитвы, иногда с неким пренебрежением называемые внешней стороной веры, на самом деле как раз выражают ее главнейшее — сокровенное, духовное начало, которое в догматико-философских положениях или мифологии религии выражено не вполне ясно, часто очень неопределенно, а в иных религиях и умышленно замаскировано. Зато образ (или образы), употреб-

ляемые в религиозном культе, всегда непосредственно обнаруживают «лик» самой религии, и притом гораздо ясней, чем их подчас надуманные истолкования. Древность знала это лучше, чем современность. Поэтому не только окружению Владимира, но и ему самому было нужно знать, какая у кого служба и кто как служит Богу (что, конечно, не исключает желания князя дать возможность своим дружинникам и старейшинам убедиться в том, в чем сам он был почти убежден).

Не столь важно, были ли в самом деле специальные религиозные «посольства» князя Владимира или просто он созвал знающих людей, бывавших в разных странах, и повелел им рассказать о своих впечатлениях. Важно другое. На высшем государственном совете Руси дружина, бояре и старцы во главе с князем Владимиром перед окончательным выбором веры (а значит, всего будущего духовного пути земли Русской) в качестве решающего рассматривали вопрос об сбережении богослужения ислама, западного христианства и Православия.

Ответы очевидцев, побывавших и в Волжской Болгарии, и у «немцев», и в Византии, оказались в высшей степени интересными и многозначительными. В Константинополе они созерцали праздничное патриаршее богослужение (можно думать — в Святой Софии) при полном свете паникадил, с пением

соборных хоров. «Поставили их на лучшем месте, показав им церковную красоту, пение и службу архиерейскую, предстояние диаконов и рассказав им о служении Богу своему», т. е. пояснив общий смысл богослужебной символики. В Болгарии они видели, как мусульмане молятся в мечети: «стоят там без пояса, сделав поклон, [человек] сядет и глядит туда и сюда, как безумный, и нет в них веселья, только печаль и смрад великий. Не добр закон их». У немцев «видели в храмах различную службу, но красоты не видели никакой». В Византии же в соборном столпичном храме «не знали, на небе или на земле мы; ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как рассказать об этом, — знаем только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького, так и мы не можем уже здесь пребывать в язычестве». Сказали же бояре: «Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, а она была мудрейшей из всех людей». И спросил Владимир: «Где примем крещение?» Они же сказали: «Где тебе любо» [I, 1, с. 123 – 125].

Так было принято историческое государственное решение о Крещении Руси.

Православная Церковь как образ Царства Божия, Царства Небесного, в видимых обра-

зах своего богослужения являющая невидимую и неизреченную красоту и радость Горнего мира, новой жизни, вечного пребывания Бога с человеком, открыла Руси светлый лик Христовой истины! Это был воистину свет, способный обратить человека всем сердцем к Богу как к любящему Отцу — Даятелю вечных благ, озарить душу сиянием и теплотою Духа Святого, обновить жизнь и направить ее ко Христу, в Котором только и возможно приобщение этой неизреченной радости и нетленной красоте. Через образы православного богослужения Русь увидела Христа во славе и духовном веселии пребывания с людьми! Этим пленилась Русь, так восприняла она дух и смысл Христовой веры, в таком, православном, облики эта вера оказалась удивительно близкой русской душе, русскому народу. Отсюда берут начало «врожденная» приверженность Руси к Православию и органическое неприятие всего, что чуждо ему.

Летописное свидетельство о «разузнавании», кто как служит Богу, и об историческом решении государственного совета помещено под 987 годом. Но это не значит, что все события происходили в течение одного года. Можно думать, дело «разузнавания» началось еще в 986 году, после беседы Владимира с греческими проповедниками, когда, по замечанию летописца, князь Владимир выразил желание «подождать» с крещением, чтобы еще «разузнать о верах». А в 987

году было принято окончательное решение.

Дальнейшие события, как свидетельствуют наша летопись и другие русские и зарубежные источники, развивались следующим образом.

Случилось так, что как раз в 986 году (или в 987-м — точный срок установить не удастся) [II, 3, т. II, с. 235] соправители-императоры Византии Василий II и Константин обратились к князю Владимиру за военной помощью. Их положение было тогда очень тяжелым. В августе 986 года войско Византии было разгромлено болгарами. В начале 987 года мятежный полководец Варда Склир с арабами вошел в пределы империи. На борьбу с ним был послан другой военачальник — Варда Фока, но он, в свою очередь, поднял мятеж, провозгласил себя императором и овладел Малой Азией. В 987 году Варда Фока ссадил Авидос и Хрисополь, намереваясь создать блокаду Константинополя. В этом же году «или весной 988 г.» (точная дата не известна [II, 3, т. II, с. 219, 236]) из Руси прибыл шеститысячный отряд войска, который принял участие в войне с Фокой и в решающем разгроме мятежников 13 апреля 989 года. При заключении договора о военной помощи в 986 (987) году русские выдвинули требование — выдать сестру императоров Анну замуж за князя Владимира. Византийцы вынуждены были согласиться (хотя это было и неслыханно!), но только при условии,

что Владимир станет христианином. Князь принял условие. В авторитетной арабской хронике Яхьи Антиохийского об этом сказано так: «И побудила его (императора. — *Авт.*) нужда послать к царю руссов — а они враги его, — чтобы просить их помочь ему в настоящем его положении. И заключили они между собою договор о свойстве, и женился царь руссов на сестре царя Василия после того, как он поставил ему условие, чтобы он крестился и весь народ его страны, а они народ великий». Затем хроника сообщает о победе войск греков и русских над мятежным Фокой [III, 16, с. 39]. Арабский писатель Эль Макин подтверждает эти данные [II, 9, с. 12]. Византийская хроника Скилицы в промежутке между 987 — 989 годами сообщает, что император «успел призвать (русских) на помощь и сделать их князя своим зятем, женив его на сестре своей Анне». То же свидетельствуют и другие византийские авторы [II, 6, с. 115; III, 16, с. 39].

Во всех арабских и византийских источниках крещение и женитьба князя Владимира представлены как успех византийской дипломатии. Наша летопись вносит, как мы увидим, существенную поправку в картину событий. Но пока нам важно отметить, что основные исторические источники арабского и византийского происхождения передают внешний ход событий следующим образом.

В 987 или начале 988 года русское войско прибыло в Константинополь. Какое-то время спустя состоялись крещение Владимира и женитьба его на Анне, и оба последних события произошли до разгрома мятежа Фоки 13 апреля 989 года. Такая последовательность фактов вполне соответствует данным «Повести временных лет», в которой крещение Владимира, венчание его с царевной и крещение киевлян отнесены к 988 году.

Остановимся на ряде вопросов, чтобы разобраться в разноголосице по поводу этой даты. Наша летопись под 988 годом сообщает без объяснения причин о том, что «пошел Владимир с войском на Корсунь (Херсонес), город греческий» и после осады овладел им благодаря помощи некоего Анастаса Корсунянина, давшего Владимиру совет, как перекрыть водопровод, снабжавший водой осажденных. После взятия Херсонеса Владимир Послал требование соправителям Византии Василию и Константину выдать за него сестру их Анну и, когда она прибыла, крестился и венчался с ней. В нашей летописи, таким образом, крещение и женитьба князя Владимира представлены как успех военной дипломатии русских.

Византийские источники ничего не говорят об этом неожиданном нападении союзника Византии — Владимира на Херсонес в разгар войны с Фокой. Однако в хронике Льва Диакона (конец X века) встречается

одно весьма неопределенное замечание. Описывая необычные небесные явления, наблюдавшиеся в Константинополе 26 октября 989 года, — яркую комету и «огненные столбы», этот автор заключает: «И другие тягчайшие беды предвещал восход появившейся тогда звезды, а также напугавшие всех огненные столбы, которые показались вдруг поздней ночью на северной части неба; они предсказывали взятие тавроскифами Херсона и завоевание мисянами (болгарами. — *Авт.*) Верреи» [II, 6, с. 115 — 116; III, 16, с. 38]. «Звездой» явилась комета Галлея, которая в 989 году прошла близко от Земли, а «огненные столбы» — отсветы северного сияния, иногда, как утверждают ученые, наблюдающегося и в южных широтах [III, 16, с. 39, 37]. На основании этого сообщения хроники был сделан вывод о том, что Лев Диакон определенно указывает на взятие князем Владимиром Херсонеса после 26 октября 989 года. Основание для такого вывода явно недостаточное! Почему нужно отождествлять сообщение Льва Диакона с набегом на Херсонес князя Владимира?! Тавроскифами действительно, как мы отмечали ранее, именовали иногда в Византии и русских. Но в 988 году там уже знали «русов» под их собственным именем. Кроме того, под тавроскифами, помимо русских, понималось также и коренное, довольно пестрое, население Тавриды (Крыма). Напасть на Херсонес после октяб-

ря 989 года мог и не князь Владимир. Современные археологи в раскопках Херсонеса почти повсеместно обнаруживают следы пожара конца X века, что может означать (хотя и не обязательно) сожжение города каким-то неприятелем. А между тем, как явствует из «Повести временных лет», князь Владимир не подвергал Херсонес столь страшному разрушению. Наконец, у Льва Диакона не сказано ни слова о крещении князя этих «тавроскифов» и их самих, что приводит в немалое смущение противников летописного сказания о Крещении Руси.

Но вот в «Похвале князю русскому Владимиру» [I, 2, приложение 1] мы находим неожиданные сведения уже упоминавшегося нами Иакова Мниха (XI век). Иаков Мних пишет, что Владимир «по святом крещении пожил 28 лет». Если отнимем от 1015 года (год смерти князя) 28 лет, то получим 987 год. Далее, по словам Иакова, «в третье лето» после своего личного крещения Владимир «умыслил поход на Корсунь», чтобы оттуда «привести христиан и священников для просвещения Русской земли». Исполнив задуманное и взяв в Херсонесе церковные сосуды, иконы и мощи святого Климента и иных святых, князь Владимир будто бы после этого посватался к царевне Анне, чтобы «себя более направить на закон христианский», а Константин и Василий охотно выдали за него сестру свою и прислали с ней богатые дары.

Получается, Владимир ходил на Херсонес вовсе не для того, чтобы добиться руки Анны. Это существенно противоречит известным фактам и самой логике вещей. Но на противоречие не обращают внимания. Противников общепринятой летописной версии крещения Владимира и Руси устраивает в тексте «Похвалы» Иакова Мниха дата похода на Херсонес – «в третье лето по крещении» Владимира, т. е. 990 год, что совпадает с сообщением Льва Диакона о взятии Херсонеса «тавроскифами» после 26 октября 989 года. Это совпадение привело к возникновению в исторической науке критического отношения к указанному в летописи времени крещения князя Владимира и Крещения Руси. Традиционную летописную версию крещения по-разному пытались отрицать и пересматривать еще в конце прошлого – начале нынешнего века Е. Е. Голубинский, В. Г. Васильевский, А. А. Шахматов, В. В. Розен и другие³³. Последняя по времени точка зрения нашла отражение в статье О. М. Рапова «О дате принятия христианства князем Владимиром и киевлянами» [III, 16]. Автор, учитывая суждения многих ученых, приходит к выводу, что князь Владимир крестился действительно в 988 году, но не в Херсонесе. Херсонес, по мнению О. М. Рапова, был взят им в конце апреля – начале мая 990 года, а крещение киевлян последовало в конце июля – начале августа того же 990 года. Основным аргу-

ментом для такой версии служит датировка Иакова Мниха, совпадающая с сообщением Льва Диакона. Если принять эту версию, то следует сделать вывод, что князь Владимир своевременно выполнил оба условия договора с Византией: послал ей войско и крестился, а Византия обманула нашего князя и невесты ему не прислала, вследствие чего, продолжав более двух лет, Владимир напал на Херсонес и таким образом вынудил империю исполнить обещанное. В том, что царица Анна прибыла к Владимиру в Херсонес и там произошло их венчание, после чего они вместе отправились в Киев, ученые уже не сомневаются. Сторонники этой версии неизбежно отбрасывают идентичные данные арабских и византийских хроник, все данные нашей летописи, а князь Владимир предстает наивной жертвой византийского коварства...

Между тем авторитетность арабских и византийских источников (не зависимых друг от друга) и свидетельства «Повести временных лет» в совокупности намного превосходят данные Льва Диакона и Иакова Мниха. Беглое замечание Льва Диакона никак не может быть основанием для того, чтобы отождествлять «тавроскифов» с князем Владимиром. Замечание Льва Диакона приобретает силу только в совокупности с данными Иакова Мниха. Насколько же достоверна «Похвала» Иакова? В конце своего сочинения этот автор приводит еще ряд дат, свя-

занных с жизнью князя Владимира. Он пишет, что «седе в Киеве князь Владимир в осмое лето по смерти отца своего Святослава». Как известно, Святослав погиб в 972 году, так что начало княжения Владимира должно приходиться на 980 год, что согласуется и с летописью. Но Иаков Мних указывает другую дату — 6486 (978) год. Ошибка в два года — это значительная ошибка; летописный текст о захвате Владимиром Киева и убийстве Ярополка не дает возможности предположить, что дело тянулось два года. Затем Иаков говорит, что «крестился князь Владимир в десятое лето по убиении брата своего Ярополка». Поскольку Иаков исходит из ошибочной даты — 978 года, то крещение Владимира он относит к 988 году. В начале «Похвалы» он приводил правильную дату смерти Владимира — 6523 (1015) год, и тогда год крещения получался у него 987-й. Как видим, датировка у Иакова Мниха не строгая. Гораздо хуже дело обстоит с фактами. Мних совсем не знает обстоятельств и даже места крещения Владимира. А причины взятия Херсонеса и обстоятельства женитьбы князя на греческой царевне находятся у Иакова в таком противоречии со всеми историческими источниками, что в науке эти сведения «Похвалы» обычно замалчиваются. А между тем, если Иаков Мних так плохо осведомлен об этих важнейших событиях, то на каком основании можно доверять его сооб-

щению о дате похода на Херсонес — «в третье лето по крещении»? Наконец, перу Иакова Мниха приписывается и другое произведение «Житие блаженного Владимира» [I, 2, приложение 2], где история крещения князя описана совершенно иначе, а именно так, как впоследствии она и передана «Повестью временных лет». Согласно этому Житию, Владимир взял Херсонес, потребовал Анну, а когда она прибыла, крестился в Херсонесе в церкви Святого Иакова (по летописи — Святого Василия). Все заставляет нас признать, что при написании «Похвалы» Иаков Мних пользовался непроверенными, неточными сведениями. Поэтому фактические данные о крещении князя и его походе на Херсонес, изложенные в труде Иакова Мниха «Похвала князю Владимиру», не могут считаться достоверными.

Зато нет серьезных оснований сомневаться в достоверности не зависящих друг от друга свидетельств арабских и византийских источников о том, что князь Владимир стал зятем императора (перед этим крестившись) в самый разгар войны с Вардой Фокой — до решительного поражения мятежников 13 апреля 989 года.

Здесь, наконец, мы должны обратить внимание на еще один исторический источник — всеобщую историю Степаноса Таронского, Асохика, по прозванию Таронаци — армянского автора XI века, имевшего сведения, как

говорится, из первых рук, от армян, также принимавших участие в войне с Вардой Фоккой на стороне византийских соправителей Василия и Константина. В событиях 988 года Степанос Таронский описывает столкновения, происшедшие между «иверийцами» (грузинами) и «рузами» (русскими) в военном лагере Василия, и, в частности, отмечает: «тогда весь народ Рузов, бывший там, поднялся на бой: их было 6 тысяч человек пеших, вооруженных копьями и щитами, которых просил царь Василий у царя Рузов в то время, когда он выдал сестру свою замуж за последнего. В то же самое время Рузы уверовали во Христа» [I, 8, с. 200]. По смыслу текста совершенно очевидно, что принятие христианства князем русских и всеми русскими произошло «в то самое время», когда Византия попросила помощь у князя Владимира, то есть до поражения Варды Фоки 13 апреля 989 года.

В этих свидетельствах отражена важнейшая причина, по которой греческая царевна могла стать женой варварского князя — «острота момента», переживаемого правителями Византии. Набег Владимира на Херсонес логично «вписывается» в хронологические рамки 988 года, устанавливаемые данными арабских и византийских хроник. Сопоставляя эти данные с рассказом нашей летописи, можно представить себе действительный ход событий.

В 987 году был окончательно заключен договор о военной помощи Византии со стороны Руси (переговоры могли начаться и раньше, после разгрома византийцев болгарями в 986 году и в связи с угрозой Варды Склира). В соответствии с договором князь Владимир в том же году отправил войско в распоряжение империи. Только после этого он смог потребовать выдать за него замуж сестру Константина и Василия, Анну. И потребовал, но получил ответное требование: «Крестись и тогда пошлем сестру свою к тебе» [I, 1, с. 125]. Договор с самого начала предусматривал это обстоятельство. Начались препирательства, которые отражены в нашей летописи и к которым мы еще вернемся. Владимир настаивал, чтобы сначала прислали Анну, а потом он будет креститься. Константинополь же добивался, чтобы Владимир сначала крестился. Создалось безвыходное положение, дипломатический тупик. Владимир чувствовал себя обиженным, поскольку выполнил главнейшее условие договора — послал военную помощь, почему и не спешил с исполнением своего второго обещания — креститься. Зная о том, что Владимир не принял еще крещения, Византия тоже не спешила с выполнением своего договорного обязательства. А сама Анна, как сообщает наша летопись, плакала при мысли о замужестве с князем варварской страны, предпочитая смерть такому супружеству.

Нужно учесть и непомерную гордость Византийского двора. Царевны империи, как правило, не выдавались замуж за представителей варварских народов, даже если те были христианами. Так, в руке Анны в свое время уже было отказано сыну короля Германии Оттона I Великого [V, 4, т. 3, с. 575]. Согласиться на условие Владимира и выдать за него Анну могли побудить Византию только те чрезвычайные обстоятельства, в которых она оказалась. Но даже в этих обстоятельствах империя старалась не спешить с выполнением условия договора, ссылаясь на то, что «не пристало христианам выдавать жен за язычников». Выхода из тупика не предвиделось, а момент был настолько удобный для Владимира, что упустить его он не мог никак. Шеститысячное войско русских находилось в составе византийской армии вблизи Константинополя, от этого войска в значительной мере зависела судьба империи. В случае победы над мятежниками все могло измениться самым непредсказуемым образом. В такой обстановке Владимир прибегнул к единственному оставшемуся у него действительному средству — к силе! Вот причина внезапного нападения союзника Византии на ее крымское владение — Херсонес. Из взятого города в Константинополь был направлен грозный ультиматум: «Если не отдадите ее [Анну] за меня, то сделаю столице вашей то же, что и этому городу». Рассуж-

дая отвлеченно, можно допустить, что Владимир решился бы организовать специальный поход на Царыград, как это делали прежние русские князья. Но нам представляется, что ультиматум Владимира должен был возыметь особую силу как раз в связи с тем, что в то время, в 988 году, вблизи Царыграда уже находилось русское войско! Время нападения на Херсонес Владимир должен был рассчитать очень точно — в самый критический для империи момент войны с Вардой Фокой, то есть до 13 апреля 989 года. По данным историков Византии, корпус русских войск прибыл в распоряжение правительства империи «весной 988 года (а может быть, в конце лета или осенью 987 года)» [II, 3, т. II, с. 236]. По первой версии, нападение Владимира на Херсонес могло произойти в середине или второй половине 988 года, а по второй — в конце 987 года или в начале 988 года, что более точно согласуется с данными нашей летописи. Тогда прибытие царевны Анны в Херсонес должно было последовать весной — летом 988 года. Единственное возражение против этого носит слишком абстрактный характер: в 988 году Варда Фока стоял на Босфоре и контролировал малоазийские морские пути, а с 986 по 991 год враждебные Византии болгары блокировали западные морские и сухопутные пути из Византии на Русь. Но ведь дошел же каким-то образом до Византии военный корпус рус-

ских, осуществлялись и дипломатические связи... Что мы знаем о реальных возможностях Византии на Черном море того времени? Вряд ли можно считать непреодолимыми для империи трудности, связанные с отправкой нескольких кораблей в Херсонес. В приведенном ранее отрывке из древнего источника ясно говорится, что в разгар событий 987 – 989 годов император «успел призвать на помощь русских, сделав их князя своим зятем». Весна 989 года – время Великого поста, когда Таинство бракосочетания не совершается. Зима с Рождественским постом (с ноября) и Святками тоже исключаются. Кроме того, осень, зима, ранняя весна – неблагоприятны для плавания в Черном море из-за сильных штормов. Плавали на большие расстояния обычно с мая по сентябрь [Ш, 16, с. 41]. В этот именно период и должна была прибыть в Херсонес царица Анна. Так что зятем императора князь Владимир, скорее всего, стал летом 988 года. Тогда вполне согласуются между собой арабские, византийские и русские свидетельства, отпадают сомнения в общепринятой традиционной дате крещения князя Владимира и киевлян в 988 году.

Молчание византийских источников о набегах Владимира на Херсонес в 987 – 988 годах можно объяснить так. Главными для византийских хронистов были события собственной империи – война с мятежниками и

столь удачно использованная военная помощь русских. Детали и перипетии обстоятельств женитьбы русского князя на греческой царевне неизбежно отходили на второй план, тем более, что сколь внезапно союзники-русские напали на Херсонес, столь же быстро, еще в разгар войны с Фокой, они и отдали его Византии в качестве «вена» за царевну Анну! Этот кратковременный военный конфликт с русскими в отдаленной колонии империи в глазах византийских историков был в известной мере побочным и случайным, почему они предпочли вовсе о нем не упоминать. К тому же набег русских на Херсонес превращал крещение Владимира, его женитьбу на Анне и Крещение Руси в явный успех не византийской, а русской дипломатии!

В свою очередь, для русских летописцев определенно не важными были события в Византии (почему о них и не упоминается), зато очень существенными являлись обстоятельства крещения и женитьбы князя Владимира, которые описаны подробно. Но и в этих подробностях было основное и второстепенное. Древние летописцы не были учеными-аналитиками в современном смысле, хотя часто проявляли живой интерес к фактам, мельчайшим подробностям, датам. Последнее могло интересовать летописцев как людей церковных, особенно в тех случаях, когда с фактами и подробностями было связано не-

что духовно важное. Так, время и место крещения князя Владимира очень важны для автора «Повести временных лет», и он предупреждает о заведомой ложности слухов, что Владимир крестился не в Херсонесе, а в Киеве или в Васильеве. Что же касается переговоров о браке и крещении князя, то, с точки зрения монаха-летописца, важна только суть дела, т. е. то, что такие переговоры были, а сколь долго и как они велись, не представляло для него большой важности. Поэтому летописец поведал об этих переговорах в рамках рассказа о взятии Владимиром Херсонеса и пребывании в нем в 988 году, тогда как на самом деле переговоры о женитьбе князя должны были происходить в течение всего 987 года и в начале 988 года.

Летописные сказания о взятии Херсонеса, крещении и венчании там князя Владимира и последовавшем крещении киевлян в 988 году заслуживают доверия еще и потому, что во время написания «Повести временных лет» автор, кроме государственных документов эпохи Крещения, пользовался и тщательно проверенными рассказами очевидцев. Преподобный Нестор, по его словам, лично знал печерского монаха Иеремию, «иже помняше крещение земле Руськыя». В конце XI века еще были живы некоторые свидетели событий.

Но почему же ходили тогда разные слухи о месте крещения Владимира и времени его

похода на Херсонес? На наш взгляд, это легко объясняется именно тем, что князь Владимир крестился именно в Херсонесе. Об этом хорошо знали те, кто был с ним там, а также люди, достаточно осведомленные благодаря связям с ближайшим окружением князя. Основная масса русских людей достаточно хорошо и точно знала лишь о торжествах массового крещения в Киеве, а также об особенных торжествах в Васильеве в 996 году. Здесь Владимир избежал верной смерти от печенегов, спрятавшись под мостом, и дал обет Богу в случае спасения поставить в Васильеве церковь в честь Преображения Господня, так как события происходили в день праздника. «Избегнув опасности, — говорит летописец, — Владимир точно построил церковь и устроил великое празднование, наварив меду триста мер. И созвал бояр своих, посадников и старейшин из всех городов и всяких людей много и роздал бедным триста гривен. Праздновал князь восемь дней...» [I, 1, с. 141]. Празднование должно было быть и вправду необычным, если летопись уделяет ему столь большое внимание. Слухи об этих необычных торжествах, сопровождавшихся новыми еще для Руси христианскими богослужениями и обрядами, вполне могли связаться в сознании некоторых с принятием христианской веры князем Владимиром во время одного из этих торжеств. По поводу таких слухов Нестор

счел нужным сделать особое предупреждение: «Не знающие же истины говорят, что крестился Владимир в Киеве, иные же говорят – в Васильеве, а другие и по-иному скажут» [I, 1, с. 127]. Столь же разнообразными и далекими от истины могли быть слухи о походе на Херсонес. Любой поход Владимира на юг против печенегов мог впоследствии отождествиться в сознании несведущих людей с походом на Херсонес. Полагают, что первое сказание о крещении Владимира было составлено в Десятинной церкви еще при Анастасе Корсуняnine, протопопе этой церкви, т. е. в 90-х годах X века. В таком случае «корсунской легенде» о крещении Владимира никак нельзя не верить. Анастас мог разве лишь чуть преувеличить свою заслугу в овладении русскими Херсонеса, но исказить факты до такой степени, чтобы описать в подробностях (!) крещение Владимира в Херсонесе, если такового не происходило, он не мог никак.

Рассмотренного достаточно, чтобы сделать главный вывод: доводы критической версии, отрицающей взятие Херсонеса Владимиром в 988 году и крещение его именно там, слишком неосновательны и, в свою очередь, не выдерживают критики, тогда как данные в пользу этих даты и места достаточно прочны и устойчивы во всей своей совокупности. Нет поэтому оснований для пересмотра летописной и житийной датировки (988) кре-

щения как самого князя Владимира, так и киевлян. Крещение Владимира с дружиной, по летописи, очень соответствует духу князя — внука княгини Ольги, много интересовавшегося обстоятельствами ее крещения! Невозможно представить более премудрого, удачного, точного соединения своего крещения и дружины (т. е. начала Крещения Руси) с величайшей духовно-политической выгодой для Русской земли — династическим браком, породнением с византийскими императорами. Это было небывалым возвышением иерархического ранга Русского государства и в духовном отношении, и в плане международного престижа. В определенном смысле эхо было точным повторением того, что совершила благоверная княгиня Ольга. Здесь можно вновь дивиться Божию Промыслу: духовное обращение Владимира ко Христу совпадает по времени с такими внешними обстоятельствами Православной Византии, которые вынуждают ее просить Русь о помощи, породниться с ней в буквальном смысле слова и соделаться ей родственной духовно, приняв участие в Крещении и просвещении Руси святой Православной верой, теперь уже на высшем церковно-государственном уровне!

Однако во многих отношениях деяние князя Владимира имеет и другой, отличающийся от деяния Ольги, смысл...

Рассмотрим теперь то, что сообщает нам

«Повесть временных лет» [I, 1, с. 127 – 131]. При осаде Херсонеса, когда «протопоп» (?) Анастас подал Владимиру ценный совет как овладеть городом, князь воскликнул: «Если сбудется это – крещусь!» Очень естественное, произвольное восклицание человека, уже обратившегося ко Христу, но ожидающего еще и некоторых знамений Божией к нему милости и силы... Город, лишившийся воды, сдался. Ультиматум Владимира в Константинополе вынуждены были принять. Решающим доводом для царевны Анны в пользу брака с русским князем послужили слова, влагаемые летописцами в уста ее братьев Василия и Константина: «“Может быть, обратит тобою Бог землю Русскую к покаянию, а Греческую землю избавишь от ужасной войны. Видишь ли, сколько зла надела грекам Русь?” И едва принудили ее. Она же села в корабль с плачем и отправилась через море. И пришла в Корсунь» [I, 1, с. 127 – 131]. Здесь Анну ожидала невеселая новость. Ее жених, князь Владимир, «по Божию устроению... разболелся глазами и не видел ничего, и скорбел сильно, и не знал, что сделать. И послала к нему царица (так называет летопись Анну. – *Авт.*) сказать, чтобы он крестился скорей» («если же не крестишься, то не избежишь недуга своего»). Какова сила веры «царицы»! «Услышав это, Владимир сказал: “Если вправду исполнится это, то поистине велик Бог христианский”».

И повелел крестить себя. Епископ же Корсунский с царицыными попами, огласив, крестили Владимира» (это «оглашение» вынесено в конец повествования, и мы коснемся его позже. — *Авт.*). «И когда возложил руку на него, тотчас же прозрел Владимир. Владимир же, увидев свое внезапное исцеление, прославил Бога: “Теперь узнал я истинного Бога”».

Очень точные слова! До сих пор князь в основном узнавал о Боге. Но чтобы узнать Бога, нужно особое Божие снисхождение к человеку, отчетливо и сильно переживаемое как личная встреча с Богом. И она произошла! Увидев чудо исцеления князя, начала креститься его дружина. «Крестился же он в церкви Святого Василия, а стоит церковь та в городе Корсуни, посреди града, где собираются корсунцы на торг; палата же Владимира стоит с края церкви и до наших дней, а царицына палата — за алтарем». Вот данные, которые нашему монаху-летописцу представлялись особенно важными и которые он, судя по всему, специально выяснял из документов, от очевидцев и от знатоков Херсонеса, почему и нет никаких оснований сомневаться в их достоверности.

Итак, князь Владимир принял святое крещение и был наречен Василием во имя святого Василия Великого. Однако дело было не только в личном крещении князя при всей важности и этого акта. Произошло не-

что большее и важнейшее. Как повествуется в старинных Житиях Владимира, в Херсонесе «бояре его и воинство крестишася, и бысть радость велия россияном и греком, а наипаче святым Ангелом на Небеси: еже бо о едином грешнике кающемся тии радуются, кольми паче о толь многих душах, Бога познавших, возрадовашася и “Слава в вышних Богу” воспеша. Совершися крещение Владимирове и бояр его, и воев в Херсонесе в лето бытия мира 6496, воплощения же Бога Слова в лето 988» [1, 4, 15 июля].

Крещение князя Владимира с боярами и дружиной было началом Крещения всей Русской земли!

Какие же духовные наставления получила Русь при купели своего Крещения с самого начала жизни со Христом? К счастью, «Повесть временных лет» сохранила подробные тексты этих наставлений. Православные иерархи прежде всего поучали: «Пусть никакие еретики не прельстят тебя. Но веруй, говоря так: «Верую во единого Бога Отца Вседержителя, Творца небу и земли» – и до конца этот Символ Веры. И еще: верую во единого Бога Отца нерожденного, и во единого Сына рожденного, в Духа Святого, исходящего: три совершенных естества, мысленных, разделяемых по числу и собственным собством, но не Божеством: ибо разделяется Бог нераздельно и соединяется не смешиваясь. Отец, Бог Отец, вечно Сущий («Сый»)… нача-

ло, причина всему, только нерождением Своим старший Сыну и Духу, от Него же рождается Сын, прежде всех век, исходит же и Дух Святый без времени и без тела; вкупе есть Отец, вкупе Сын, вкупе Дух Святый. Сын подобосущен Отцу, рождением только отлича-ясь от Отца и Духа, Дух же Пресвятый Отцу и Сыну подобосущен и соприисносущен (значит, «подобосущен» здесь понимается в смысле «единосущия». — *Авт.*)... Не три Бога, но один Бог, так как Божество едино в Трех Лицах. Хотением же Отца и Духа спасти Свое творение, не выходя из Отческих недр, сойдя в девическое лоно пречистое, сойдя, как Божие семя... плоть одушевленную приняв... явился Бог воплощенный». Потом следует пояснение догмата Боговоплощения, краткое напоминание о вольной смерти, Воскресении и Вознесении Спасителя и о том, что Он «Своею плотию» придет со славою судить живых и мертвых... «Исповедаю же и едино крещение водою и Духом, — говорилось далее, — приступаю к Пречистым Тайнам, верую в истинное Тело и Кровь... приемлю церковные предания, поклоняюсь пречестным иконам, поклоняюсь пречестному древу (Креста Господня. — *Авт.*) и всякому кресту, святым мощам и святым сосудам... Верую в семь Соборов святых отцов...» Перечисляются все семь Соборов с кратким пояснением их основных деяний. На этом наставление оканчивается [I, 1]³⁴. Мы уже говорили о том, как похоже оно на

исповедание веры, помещенное в Житии равноапостольного Мефодия. По-видимому, Владимиру зачитали и вручили один из списков этого «исповедания» на славянском языке, поскольку его текст сохранялся вплоть до начала русского летописания. В этом еще одно подтверждение тому, что просвещение Руси сразу же началось на церковнославянском языке и что Византия направила в Русь с царевной Анной не греческое³⁵, а болгарское духовенство и богослужебные книги на церковнославянском языке. В этом заключалась величайшая историческая правота Греческой Церкви в отношении Руси, Премудрость Божия Промысла о судьбах Православия. Есть даже мнение, что и канонически Русская Церковь поначалу подчинялась Болгарской, но такое мнение спорно.

После окончания «исповедания» летописец приводит еще одно интереснейшее наставление, сделанное князю Владимиру: «Не принимай же учения от латинян — учение их искаженное». Далее довольно подробно перечисляются многие отступления Римской Церкви от преданий и учения Церкви Вселенской и особо подчеркивается некоторое несовершенство, или изъян, в почитании икон Римской Церковью, в связи с чем говорится: «... Апостолы учили целовать поставленный крест и предали (заповедали) почитание икон (“и иконы предаша”), ибо Лука Евангелист первый написал икону и послал

ее в Рим. (Ибо), как говорит Василий (Великий), почитание образа переходит на первообраз ("икона на первый образ приходит")»³⁶. Затем в этом наставлении вновь перечисляются все Вселенские Соборы, но уже с точки зрения их каноничности — присутствия на них предстоятелей или представителей всех Поместных Церквей, в том числе и Римской, находившейся в единомыслии со всеми до Седьмого Вселенского Собора включительно. «После же этого последнего Собора, — говорится в наставлении, — Петр Гутнивый вошел с другими в Рим, захватил престол и развратил веру, отвергнувшись от престола Иерусалимского, Александрийского, Константинопольского и Антиохийского. Возмутили они всю Италию, сея враждебное учение... Бог да сохранит тебя от этого»³⁷.

Такие «исповедания», наставления, предостережения изначально восприняла Русская земля у купели своего Крещения. Вселенская Церковь явилась на ней, как видим, сразу со всей огнезрачной глубиной и неизреченной высотой вероучения, принципиально отличавшегося от представлений язычества, как небо от земли (!), со славянской письменностью, с дивным православным богослужением, иконографией, духовной культурой.

После крещения князя Владимира совершилось его бракосочетание с Анной. Ближайшим результатом этого явилось присвоение

Византией русскому князю титула «цесарь». В некоторых греческих источниках он после этого именуется «могущественным василевсом» [См. V, 4, с. 578], что уже приравнивает его по титулу к византийским императорам. В Киеве впоследствии чеканились серебряные монеты с надписью «Владимир на столе» (престоле), где он изображался в царской короне со скипетром в руках [II, 12, с. 386]. Не так давно на стене Софийского собора в Киеве была обнаружена надпись XI века: «В (лето) 6662 (1054. — *Авт.*) месяца февраля 20 успение царя нашего...» [II, 12, с. 419] (Ярослава Мудрого — сына князя Владимира. — *Авт.*).

Такая своего рода «передача» чести и власти Византии Русской земле началась как нельзя более своевременно: в XI веке крестоносцы сокрушали и без того слабые устои империи, могущество ее быстро шло на убыль, пока в XV веке Византия совсем не перестала существовать как государство...

Наследуя честь и славу Византии, Русь тем самым становилась великой мировой державой. И становление это началось, как видим, с 988 года и можно было не опасаться даже канонической подчиненности Русской Церкви Константинопольскому Патриарху, так как она уже не могла повлечь за собой превращения русского государства в вассала империи. Юрисдикция Константинополя оказывалась чисто церковной и выражалась

только в поставлении (утверждении) русских митрополитов в Царьграде.

Набег князя Владимира на Херсонес завершил собою эпоху нападений Руси на Византию, сосредоточив и выразив собою с предельной ясностью скрытую до времени духовно-историческую цель этих нападений. Как и набеги на Сурож, Атастриду и Константинополь (860), он имел ту же последовательность событий: набег — чудо — крещение — освобождение пленных (Херсонес был сразу же отдан Владимиром Византии как «вено» за царевну Анну). В то же время нападение Владимира кончилось тем, чем и должна была кончиться вся эпоха «задеваний» прекрасной соседки — бракосочетанием (и в буквальном, и в переносном, духовном, смысле). Русь уневестила себе Византию, а сама через это уневестилась Христу! Вот духовно-исторический смысл 988 года...

«После всего этого, — говорится в нашей летописи, — Владимир взял царицу, и Анастаса (того самого «протопопа», который помог ему овладеть Херсонесом. — *Авт.*), и священников... с мощами святого Климента (Папы Римского, мощи которого частично должны были остаться в Херсонесе после того, как их нашли и в большей части увезли в Рим равноапостольные Кирилл и Мефодий. — *Авт.*), и Фива, ученика его, взял и сосуды церковные и иконы на благословение себе». В сопровождении дружины, бояр,

духовенства князь Владимир двинулся к Киеву.

Образно и правдоподобно описано это необычайное шествие в современном Житии князя Владимира: «Впереди великокняжеского поезда с частыми молебнами и несмолкающими священными песнопениями несли кресты, иконы, святые мощи. Казалось, сама Святая Вселенская Церковь двинулась в просторы Русской земли, и обновленная в купели Крещения Святая Русь открывалась навстречу Христу и Его Церкви» [V, 4, т. 3, с. 579].

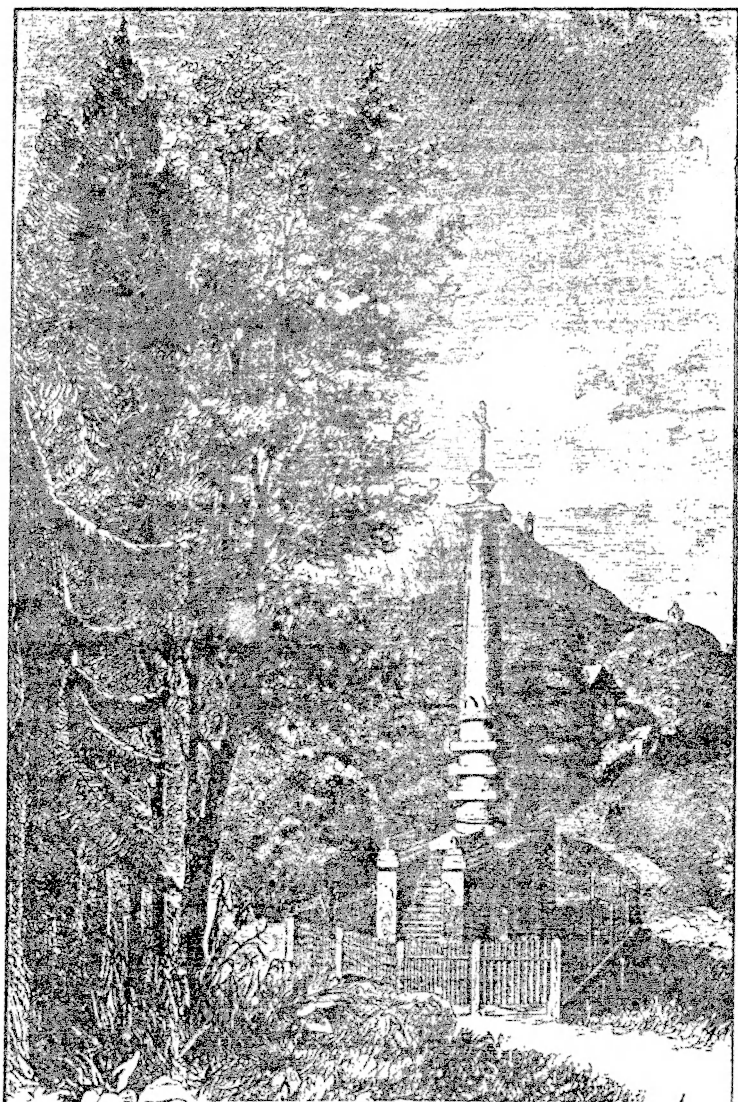
Наступило поистине незабываемое «утро» Крещения Руси...

Придя в Киев, князь Владимир-Василий прежде всего крестил двенадцать своих сыновей в источнике, получившем навсегда название Крещатик. Вместе с ними крестились некоторые бояре, вероятно, из тех, кто не был в Херсонесе [II, 9, т. 1, с. 9]. Одновременно князь повелел везде сокрушать идолов. Пантеон кумиров на княжеском дворе был снесен с лица земли. Перуна с серебряной головой и золотыми усами было приказано, привязав к хвосту лошади, стащить в Днепр, молотя палками для публичного поругания, а затем провожать до порогов, чтобы никто не мог вытащить и взять его. Там идолу привязали камень на шею и утопили. Кануло в воду русское язычество... Со слезами и стонами провожали его те, кто еще не видел

духовного света новой веры [I, 1, с. 131 – 133].

А меж тем православные пастыри начали в Киеве всенародные проповеди, призывая людей ко крещению. Многие охотно принимали христианство, были колеблющиеся, некоторые упорствовали. Возможно, это и побудило князя Владимира назначить день всеобщего крещения киевлян. По городу был оглашен указ: «Если не придет кто завтра на реку, будь то богатый, или бедный, или нищий, или раб, – противен мне да будет». «Услышав это, – говорит летописец, – с радостью пошли люди, ликуя и говоря: “Если бы не добро это было (т. е. крещение и вера. – *Авт.*), то не приняли бы этого наш князь и бояре”». Пусть все было не столь идилично, как может представиться из описаний летописца, пусть некоторые крестились из страха перед княжеским указом, но ликование было, безусловно, настроением большинства, определив атмосферу радостного ожидания грядущего великого торжества.

Массовое крещение киевлян было назначено на 1(14) августа³⁸. К тому месту, где р. Почайна впадает в Днепр, стеклось «людей без числа. Вошли в воду и стояли там одни до шеи, другие до груди, молодые же у берега по грудь, некоторые держали младенцев, а уже совершенные (т. е. уже крещенные и учившие новопосвящаемых. – *Авт.*) бродили» между ними [II, 9, с. 12 с примеч.]. Начался

Памятник над источником Крешатик в Киеве (рис. XIX в.)

небывалый, единственный в своем роде на Руси всеобщий чин Крещения. Священники читали положенные молитвы и крестили в водах Днепра и Почайны бесчисленное множество киевлян. «И была видна радость на Небе и на земле по поводу стольких спасаемых душ», — заключает летопись, приводя и молитву того, кто стал начинателем всеобщего крещения, — князя Владимира. Радуюсь о своем и общерусском спасении, он «взглянул на небо и сказал: «Христе Боже, сотворивший Небо и землю! Призри на новые люди сия и даждь им, Господи, уведети Тебя, истинного Бога, якоже уведаша страны христианские! Утверди и веру в них праву и несовратну, и мне помози, Господи, на сопротивного врага, да надеясь на Тя и на Твою державу, препобежу козни его!» [I, 1, с. 132].

= По Христа облечение

Солнце правды всходило над Русской землей, разгоняя мрак богоотчужденности и неведения. Владимир приказал «рубить», т. е. строить из дерева церкви, поставляя их на особенно знаменательных местах. Так, деревянная церковь Святого Василия Великого — небесного покровителя Владимира — была поставлена на том месте, где так недавно торчал из земли истукан Перун. А в 989 году равноапостольный князь замыслил построить первую величественную каменную церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии. Она была воздвигнута по повелению недавнего «вождя» язычества на месте мученической кончины святых Феодора-варяга и сына его Иоанна (память 12 июля). Князь украсил церковь иконами и богатой утварью, взятой в

Херсонесе, поставил служить в храме Анастаса Корсунянина и других священников, пришедших из Херсонеса [I, 1, с. 137]. В 996 году, по данным летописи, храм был освящен. В нем князь Владимир еще раз вознес усердную молитву за всю Русскую землю, за русский народ. Он приказал отчислять десятую часть всех доходов в стране в пользу этой церкви, после чего она и получила название Десятинной.

День освящения храма Пресвятой Богородицы (12 или 11 мая) был внесен Владимиром в месяцеслов для ежегодного празднования. Тем самым подчеркивалось нечто весьма знаменательное. 11 мая Церковь издревле празднует «обновление Царьграда», т. е. посвящение Константином I Великим столицы империи — Богоматери. Столица Руси тоже посвящалась Деве Марии! [II, 9, с. 52, 53; V, 4, т. 3, с. 580]³⁹.

Посвящение было принято Царицей Небесной и сохранилось в Руси — России навсегда. В XII веке пришла в Киевскую землю великая чудотворная икона Божией Матери «Владимирская», написанная святым Евангелистом Лукой на доске от стола, которым пользовалось Святое Семейство Иисуса Христа в Назарете, и стала особо почитаемым знамением Русской земли и Русской Церкви. По мере перемещения столиц она была переносима во Владимир, затем — в Москву, освящая собою, как верно замечено

Развалины Десятинной церкви в Киеве
перед ее окончательным срытнем (рис. XIX в.)

[V, 3, с. 197], все три важнейших периода русской истории: киевский, владимирский, московский. Что же касается четвертой, «северной столицы» России – С.-Петербурга, то и

этот город возымел своей главной святыней Казанскую икону Богоматери, во имя которой возник в его центре величественный собор.

В XI – XII веках в Киеве был построен подобный Константинопольскому благолепный собор Святой Софии Премудрости Божией, тоже посвященный, по существу, Богоматери, ибо образом Софии на главной символической иконе этого храма являлась Дева Мария. Вслед за Софийским собором в Киеве поднялись «София» Новгородская, Успенские соборы Владимира и Москвы (в Кремле).

Но это произошло позже, а пока, в конце X – начале XI века, Десятинная церковь Богоматери сделалась центром духовной жизни Киева и всей новопросвещенной Руси. Предполагают, что здесь еще при Анастасе Корсунянине началось наше летописание, были составлены Жития Ольги, святых первоучеников российских Феодора и Иоанна, «Слово о том, како крестися Владимир возмзя Корсунь» [V, 4, т. 3, с. 580]. В этот храм Владимир перенес нетленное [II, 9, т. 1, приложение 1, с. 259] тело своей бабки – равноапостольной княгини Ольги (память 11 июля).

Сам князь впоследствии тоже был справедливо прославлен как равноапостольный (память 15 июля), ибо трудно даже перечислить его деяния по просвещению Руси истинной верой. Еще сложнее эти деяния оце-

лось в глухих местах, притаилось в темных уголках человеческих душ, но оно сразу же перестало определять характер русской жизни. И это главное.

В непосредственной связи с данным обстоятельством находится то, что важнейшим и самым замечательным во всем духовном наследии князя Владимира, как верно видят многие (см., например [Ш, 15]), явилась разительная перемена его собственной жизни, его духовно-нравственного состояния! Из страстного, гордого язычника он буквально переродился после крещения в целомудренного, кроткого, необычайно милосердного и доброго человека! Одно время он не решался даже утверждать приговоры о справедливых казнях особо опасных преступников, а его милостыни бедным не знали меры... «Красным солнышком» прозвал Владимира русский народ. При этом князь продолжал оставаться победоносным полководцем, мужественным воином, мудрым главой и строителем государства. Перемены в личной жизни Владимира отобразили и ознаменовали собою такую же коренную перемену духовной жизни всей Руси. Преображение личности во Христе и во образ Христов – вот что «завещал» своим примером князь Владимир каждому русскому человеку и всей Руси в целом. Мы знаем, как выполнили этот «завет» сыновья Владимира – святые страстотерпцы Борис и Глеб, как следовали тому же «за-

вету» Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, великое множество русских людей – Святая Русь! Достаточно взглянуть на физиономии каменных идолов поверженного русского язычества, извлекаемых ныне археологами из земли, где некоторые из них случайно уцелели, как бы скрывшись туда с глаз долой, и сопоставить их с дивными ликами на русских православных иконах, чтобы понять, как преобразился духовный облик Руси и в чем суть такого преображения!

Духовный лик крещеного народа, неизбежно находящий свое выражение в почитаемых иконах, есть не что иное, как личность народа во Христе. Это естественно, ибо только в Личности Богочеловека Иисуса Христа, Сына Божия, «Им же вся быша», может обретать свою подлинную личность, подлинный духовно-национальный облик и человек, и народ. Кажущийся парадокс – обретение Русью своего личностного национального облика через принятие идущей из другой страны (Византии) веры – находит, таким образом, ясное разрешение. «Свое» язычество с его полной неосведомленностью об истинах бытия людей и народов не могло создать даже устойчивого национально-патриотического чувства и сознания. В противном случае не призывали бы новгородцы и кривичи варягов на княжение, не стал бы Святослав, вопреки советам мудрой матери – Ольги, пытаться обосновать свою столицу на Дунае в Переслав-

це по той единственной причине, согласно откровенному признанию Святослава, что туда, на Дунай, стекаются богатства, лошади и вина из разных стран [I, 1, с. 81 – 83]. Этот отрыв от родной земли стоил ему жизни.

Создать осознанное, верное, без крайностей, национально-патриотическое чувство могло только Православное христианство, и вот почему. Православная Церковь содержит в основе своей жизни принцип соборности (кафоличности). Согласно этому коренному принципу, каждая Поместная Церковь есть часть Вселенской и в то же время – сама Святая Соборная Апостольская Вселенская Церковь, во всей благодатной полноте пребывающая в данном народе или на данной земле⁴⁰. Поэтому в Православии нет необходимости в едином церковно-административном центре, который подчинял бы себе жизнь Поместных Церквей разных народов. Главою всех может быть (и является) в этом случае только Сам Господь Христос. А для поддержания духовного и вероучительного единства Поместных Церквей существуют братские связи, обмен мнениями, а в случаях чрезвычайных могут собираться всеобщие (Вселенские) Соборы, в соборном разуме которых являет себя «ум Христов» (1 Кор. 2, 16) и «Дух Истины» – Дух Святой. Со всем этим органически соединяется и важнейший принцип иконографического учения Православия, из которого вытекает, что, поскольку

Церковь есть образ Царства Божия (Небесного), то каждая Поместная Церковь, живущая на определенной земле, превращает земное отечество людей в образ Отечества Небесного. Именно здесь — основа и источник того величайшего патриотизма и той свободы от крайности национализма, которыми стал отличаться русский народ после принятия Крещения от Православной Византии.

Ничего подобного не могло бы сообщить Руси исповедание Римской Церкви с ее учением о необходимости главенства Папы Римского над всеми Церквями народов, принявших исповедание Римско-Католической Церкви. Такой принцип неизбежно способствует не выявлению свободной личности нации, а в определенной мере — ее подавлению, заглушению. Отсюда в народах западного мира часто рождаются противоположные крайности — космополитизм и, как болезненная реакция на него, национализм. В этой «вненациональности», а точнее — в антисоборности Римской Церкви — одна из причин, по которой с самого начала и на протяжении всей последующей истории Русская земля решительно ее отвергала.

Мы видели, как противилась Русь попыткам императорской власти Византии использовать христианскую веру, чтобы подчинить себе наш народ, как сумели святые Ольга и Владимир отделить в своем сознании «чистую и неподдельную» (говоря словами Пат-

риарха Фотия) веру Греческой Церкви от этой политики и как блестяще избежали они (особенно Владимир) сетей византийской дипломатии при принятии христианства! Тем самым именно при князе Владимире были заложены основы и созданы условия для здорового, практически свободного, внутреннего самостоятельного развития и становления Русской Церкви, хотя каноническая ее независимость (автокефалия) была еще впереди. Но на первых порах «дочерняя» Церковь и должна еще сохранять церковную и духовную зависимость от Церкви-Матери. А в русской истории каноническая юрисдикция Константинополя, обычно только номинальная, в эпоху междоусобиц и татарщины (XII – XIV века) немедленно превращалась в действенный фактор сохранения церковного единства всех русских земель, содействуя тем самым сохранению единства национального, народного, способствуя и окончательному объединению русских земель под властью Москвы. Как только такое национально-государственное единство было к середине XV века достигнуто, так прекратилась и каноническая зависимость от Константинополя – Русская Церковь стала автокефальной, в полном смысле – Поместной Церковью, получив в конце XVI века высшее, патриаршее, возглавление!

Итак, принимая христианство свободным выбором от Восточной Греческой Церкви, и

не раньше, чем в ней завершилось становление и оформление того, что принято называть Православием, т. е. совершилось историческое «торжество Православия», Русь не ошиблась в выборе! Только Православие и способно было дать нашему народу самое важное и замечательное — полноту выявления, обретения своей исторической личности во Христе, осознание себя «народом среди народов», чуждое как безликому космополитизму, так и ущемленному национализму (или шовинизму).

Каковы же черты этой личности? Приснодева Мария как Матерь Пречистого Тела Господа Иисуса Христа является и Матерью Церкви как «Тела» Христова (1 Кор. 10, 6 — 17; 12, 12. 27; Еф. 1, 22 — 23). А это значит, что Церкви Христовой неизбежно сообщаются черты и свойства Личности Богоматери, образа Ее служения Сыну Своему — Христу.

Русским народом это было удивительно чутко и точно восчувствовано и воспринято. В духовном облике русского народа появился ярко выраженный «Богородичный характер», отмечаемый всеми современными исследователями русской святости (даже неправославными) [II, 7, с. 150]. Здесь не обошлось без особой попечительности Царицы Небесной о Русской земле. К тем фактам, связанным с посвящением столицы Руси Богородице, о которых мы упомянули, нужно присовокупить и следующее.

В начале XI века русский подвижник на Православном Афоне — преподобный Антоний получил особое благословение вернуться на Русскую землю для устройства правильной монашеской жизни, что он и исполнил. Гора Афонская, по преданию, — «удел Богоматери» — покровительницы монашества. Так духовный росток Святого Афона был высажен на Русскую землю и нашел в ней для себя на редкость благодатную почву, вырос и принес богатейшие духовные плоды! Знаменитый Киево-Печерский монастырь, основанный преподобным Антонием (†1073, память 10 июля), стал истоком русского монашества всех последующих времен нашей истории. Монашество — сердце Православной Церкви, от которого получает благодатные токи и импульсы вся церковная жизнь. Вот откуда постоянно источались «Богородичный Дух и характер». Если же к этому прибавить и результаты реального всенародного опыта общения с Царицей Небесной в молитве и посредством Ее святых икон, то можно в общем представить себе, почему Русская Церковь, вся Святая Русь обрели «Богородичный характер», почему с самого начала на Руси развилось столь широкое почитание Матери Божией, что уже не только столицы Руси, но вся Русская земля соделалась особым уделом Богоматери, стала называться (и являться!) «домом Пресвятой Богородицы!»

Совершенно очевидно, что такое почитание Богоматери не имеет ничего общего с языческими культами «дев» — олицетворением «дивней» (дикой), не подвластной человеку природы, или с почитанием плодородящей природной силы земли. Русь оказалась способной увидеть величайшую правду в самом, казалось бы, невероятном — сверхъестественном чудесном бессеменном зачатии и Рождении Бога в Своем творении, в Приснодеве Марии.

В православной иконографии Церковь Христова олицетворяется Девой Марией. Возникает, на первый взгляд, некое несоответствие: облечение во Христа человека или народа, входящего в Церковь через купель Крещения, сообщает ему прежде всего черты образа Матери Спасителя (хотя и Христа — тоже!). Ключ к решению задачи содержится в том, что при соединении со Христом (возрождении во Христе) личность человека, народа, Церкви не растворяется в Нем, не поглощается Им, а сохраняется как таковая. Обобщая опыт святоотеческой мысли о сущности Церкви, известный православный богослов В. Н. Лосский рассуждает: «Если мы обратимся к образу единения Христа с Церковью у Апостола Павла, к образу единения супругов, мы должны будем удостовериться в том, что Христос есть Глава Своего Тела, Глава Церкви в том же смысле, в каком муж есть глава единого тела обоих супругов в

браке – «двое в плоть едину» (Еф. 5, 31). В этом таинственном союзе... единое тело, природа, общая двум, получает ипостась Жениха: Церковь есть «Церковь Христова». Но тем не менее она остается второй личностью этого союза, покорной Жениху, и от Него, как Невеста, отличной... Она – лицо, любимое Женихом, в свою очередь любящее Его. Мы неизбежно должны спросить себя – какова же эта другая личность Церкви, отличная от личности Своего Главы?! ...Какова собственная ипостась Церкви?» Отвечая на этот вопрос, В. Лосский сначала указывает на множество «тварных ипостасей» – человеческих личностей, которые и суть ипостаси единой природы Церкви, почему Отцы в своих толкованиях на «Песнь Песней» видят в Невесте одновременно и Церковь, и каждую личность, соединяющуюся с Богом. Но далее В. Лосский говорит, что в Церкви есть и некое общее всему и всем «средоточие», «совершенство, уже осуществившееся в одной человеческой личности, полностью соединенной с Богом... Эта личность – Дева Мария» [Ш, 11, с. 101 – 102].

С этим нельзя не согласиться. И в этой связи становится вполне понятным, почему каждая человеческая личность, соединяющаяся со Христом, и личность самой Вселенской Церкви, а значит, и Вселенской Церкви, пребывающей в данном народе (на данной земле), т. е. Поместной (национальной)¹¹, не-

пременно приближается в своей сокровенной духовной сущности к облику Богоматери. В канонически верных (духовно-символических) православных иконах Приснодевы Марии в определенной мере находит свое отражение личность человека и народа во Христе. Здесь нужно вспомнить то место Евангелия, которое читается в нашей Церкви на каждый праздник Богородицы. Во время проповеди Спасителя одна из женщин в народе сказала Ему: *Блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие!* А Он ответил: *Блаженны слышащие слово Божие и соблюдающие его (по-славянски лучше — темже убо блажени слышащи слово Божие и хранящи е* (Лк. 11, 27 — 28). Иными словами: как блаженна Та, Которая родила и вскормила воплотившегося Сына Божия, так же блаженны те, кто принимает и хранит в душе слово Божией истины... Следовательно, образ Богоматери с Предвечным Младенцем можно воспринимать и как образ человеческой (в нашей теме — русской) души, приемлющей и хранящей Слово Божие (Богомладенца).

Кто хочет воочию увидеть личность Руси, обретенную в Святом Крещении, пусть устремит свой взор к любой особо чтимой русской иконе Богоматери. Хотя духовные черты земли Русской отображаются, несомненно, и в иконах Спасителя, ангелов, святых, но прежде всего и преимущественно в иконах

Приснодевы Марии! Здесь отразилась преображенная после купели Крещения душа нашего народа, его сокровенная духовная суть.

Крещение... Это славяно-русское слово происходит от слова «крест» и не имеет аналога ни в греческом языке, ни в других языках европейских, где соответствующее понятие выражено словом «погружение» (в воду).

В нашей летописи верующие иногда называются «хрестьяны» (христиане), но чаще — «крестьяны», т. е. приемлющие или исповедующие Крест Христов, и вера соответственно — то «хрестьянской», а то (чаще) — «крестьянской». Отсюда же и название основной массы русского народа (в древности) — крестьяне. Нельзя не видеть, насколько более глубоко по своему духовному смыслу русское слово «крещение», чем слово, обозначающее «погружение».

«Елицы во Христа крестистесь, во Христа облекостесь», — поется при совершении Таинства Крещения. А во Христа — значит и в Его Крестный подвиг... Недаром в нашей летописи в связи с Крещением Руси в свободном изложении вспоминаются слова Апостола Павла (Рим. 6, 4): «Братие! Все мы, крестившиеся в Иисуса Христа, в смерть Его крестились; итак, мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых со славою Отчею, так и нам ходить в обновлении жизни» [I, 1, с. 135].

Перед Русской землей, омытой водою Кре-

щения, простирался необозримый, хотя и славный, но поистине крестный путь!.. Много радостей и скорбей, падений и подъемов будет на этом пути. Но уже никакие потрясения и испытания не смогут изменить светлого сокровенного лика Руси, обновленной и воссозданной Духом Святым во Христе через Его Святую Церковь предстательством Богоматери, возымевшей о нашей земле особое материнское попечение! Он сохранится в нашем народе навечно, навсегда!

Ссылки и примечания

¹ Нельзя не видеть, что противоречия в наших летописных свидетельствах о происхождении имени (названия) «Русь», «Русская земля» имеют в основе нечто большее, чем вставки в несторовский текст позднейшего переписчика, сделанные в угоду Мстиславу Владимировичу. Наша летопись даже в бесспорно несторовских текстах действительно не знает, откуда и как появилось название «Русь». Тот же новгородец, «подправлявший» летопись Нестора в пользу варяжского происхождения Руси, мог сделать это лишь при условии, что в его время, в XII веке, на Руси не помнили, откуда, в самом деле, пошло имя «Русь». Нестор только по греческой хронике, упоминавшей Русь в связи с набегом русов на Царьград, устанавливает, что «в год 852 индикта 15, когда начал царствовать Михаил, стала называться Русская земля...» Но мы видели, что и византийские, и готские, и арабские источники знают имя народа «росомоны», «рос», «рус» чуть ли не с IV века, а совершенно определенно — с VI века, и помещается этот народ иностранными авторами в Поднепровье. Ключ к разгад-

ке этой путаницы, на наш взгляд, содержится в следующем летописном тексте под 898 годом: «...из тех же славян и мы, русь... А славянский народ и русский един, от варягов ведь прозвались русью, а прежде были славяне; хоть и полянами назывались, но речь была славянской. Полянами прозвались потому, что сидели в поле, а язык был им общий – славянский». Даже если согласиться с мнением, что слова «от варягов ведь прозвались русью» – позднейшая вставка, интерпретировать их можно не только так, что варяги, носившие название «русь», сообщили это свое имя полянам-славянам, но и так, что варяги назвали полян русью. Почему они могли так поступить, для нас теперь вполне понятно: племя русь было первенствующим в племенном союзе полян.

В свете открытий современных отечественных ученых можно попытаться реконструировать, со всеми оговорками, происхождение и утверждение имени Русь как названия государства в IX – XII веках следующим образом. Русская государственность эпохи династии Киевичей (VI – IX века) не имела определенного названия, что вполне возможно на ранних этапах государственности. Сначала племя русь возглавило племенной союз полян. Затем к этому союзу примкнули северяне. Но те и другие продолжали называть себя своими племенными именами. Мы видели, что уже в XII веке в Киеве жили люди, помнившие о том, что они поляне. Устойчивость этой традиции очень сильна. При этом могло широко употребляться и общее самоназвание – славяне. Но когда требовалось как-то отличить полянско-северянское объединение от других славянских земель, обозначить его как «землю» в целом, то неизбежно должны были пользоваться понятием «Русская земля» по гла-

венствующему положению Руси. Отсюда может быть понятным, почему и окрестные славянские пределы (будущие новгородские, ростовские, смоленские) привыкли с VI – VII веков обозначать полянско-северянскую территорию Русской землей в узком смысле, а район к югу от Киева до Роси – землю собственно русского племени – Русской землей в самом узком смысле. Но для полян и северян в древности, когда еще очень крепко сохранялись племенные этнические единства, общее для их земель название «Русская» должно было долго оставаться «официальным». Они называли себя по-прежнему полянами, северянами.

Олег со своими варягами, захватив власть в Киеве, то есть став на место князей русских, мог преодолеть неопределенность названия захваченного им княжества, окончательно утвердив за ним название Русской земли, Руси, а за собой «титул» князя русского, князя Руси. Распространение затем названия княжества на присоединяемые к нему земли, вплоть до Новгорода, могло породить в отдаленных от Киева местах свое представление относительно происхождения племени «русь». Так что среди новгородцев действительно могло возникнуть мнение, что «от варягов прозвались русью».

² В сочинении Б. А. Рыбакова, как и во многих его трудах по древней истории Руси, отмечены заслуги всех русских и советских ученых в этой области, приводится обширная библиография вопроса, почему мы и полагаем излишним повторять эти данные.

³ Преподобный Нестор, как это всеми замечено, особенно симпатизирует полянам, возможно, потому, что сам про-

исходил из них. Так, из всего пестрого населения Киева, каковым оно было в его время — в конце XI — начале XII века, он упоминает только полян, подчеркивая, что они и по сей день живут в этом городе, а сам Нестор, согласно преданию, уроженец Киева. Вряд ли случайно Нестор умалчивает о том, каковы были погребальные обычаи полян в языческой древности. Тогда мы можем предположить у него такую же «фигуру умолчания» относительно добрых качеств соседних племен, ибо не бывает абсолютно и поголовно злых и безнравственных народов. Впрочем, наш летописец и не имел целью давать всеобъемлющее описание и исчерпывающие характеристики, он отмечал лишь самое характерное. В таком случае его свидетельство о нравах славянских племен следует понимать в том смысле, что в наибольшей чистоте и цельности добрые нравы содержались у полян, тогда как в соседних племенах они были в значительной мере нарушены.

⁴ С. М. Соловьев не отрицает попытки принесения в жертву людей в 983 году, но сомневается в достоверности записи под 980 годом о человеческих жертвоприношениях на том основании, что в ней повторены слова речи «философа» князю Владимиру об «осквернении земли кровью». Повтор действительно есть. Но слова летописца — «осквернена была Русская земля и холм тот» слишком ответственны, чтобы мы имели право их отбросить. Однако если все-таки эти слова окажутся ошибкой или позднейшей вставкой, то это подтвердит наш вывод о чуждости для Руси человеческих жертв. Может оказаться, что их вообще не было, так как Феодора и Иоанна не принесли в жертву, а просто убили. Тогда можно говорить только

о попытке ввести человеческие жертвоприношения (см.: С. М. Соловьев. История России. Т. 1, с. 297).

⁵ Б. А. Рыбаков не причисляет Перуна к «Сварожичам», считая, что он стоит особняком (см. [II, 13, с. 417]).

⁶ Подробней об этом см. нашу статью «Духовное преобразование творения в православном богослужении». Журнал Московской Патриархии, 1983, № 7.

⁷ Тот же духовный источник питал и некоторых русских мыслителей, в частности Н. Ф. Федорова, старавшегося магию и науку в оккультном духе соединить с Православием (или «загримировать» под русское Православие). См. статью А. М. «Воскресение чаемое или восхищаемое?» – Богословские труды, 1983, вып. 24, с. 252 – 257 и примечание 21.

⁸ Эта «тайна» масонства о Люцифере, как божестве, давно раскрыта в многочисленной критической литературе. Для примера можно указать на статью Л. Замойского «Каменщики империализма». – Иностранная литература, 1983, № 3, с. 200 – 207.

⁹ Различные значения могут усваиваться шестиконечным фигурам (звездам, розеткам, колесам) субъективно-произвольным воображением. Но с объективной, мистической (духовно-символической) точки зрения, непреложно одно – в них отсутствует «седьмой» луч (конец, угол). Меж тем в космогонии седьмой день освящен Богом и посвящен непосредственно Ему (Быт. 2, 2 – 3); это Божий день (день Бога). Вот почему шестилучевая звезда, являясь симво-

лом видимого творения, как бы исключает из него Бога-Творца, выражая только идею твари как таковой. Рождение в твари Сына Божия сообщает и ей седьмое, особое, начало. Поэтому принципиальное употребление шестилучевой звезды в эпоху после Боговоплощения может означать подчеркнутое неприятие Христа и христианства.

¹⁰ Особенную иронию А. В. Карташева, как и Е. Е. Голубинского и некоторых других, вызывает также рассказ о новгородских парных банях, который они считают вставленным по причине «умаления таким рассказом апостольского достоинства». Не станем настаивать на обратном. Но заметим, что такая непосредственность впечатления может свидетельствовать о подлинности всего текста. В отрывке о банях усматривается даже некий переход к нравственному выводу, утраченному, возможно, впоследствии: «И то не мучение себе творят; но омовение...». Ср. образ «ристалища» и спортивного бега у Апостола Павла (1 Кор. 9, 34).

¹¹ О зверствах иконоборцев свидетельствует Патриарх Константинопольский Никифор (805 – 815). См.: «Памятники византийской литературы IX – XIV веков». С. 63 – 64.

¹² Это не было секуляризацией церковных земель вообще. Иконоборческие храмы и монастыри продолжали владеть земельными угодьями.

¹³ Описания «пещерных городов» и отдельных сооружений содержатся в работах: Якушева Е., Нижура А. «Пещерные города Крыма». Симферополь, 1972; Крикун Е.

«Архитектурные памятники Крыма». Симферополь, 1977.

¹⁴ Знаменательно, что Римский Папа не был вполне согласен с догматом VII Вселенского Собора об иконопочитании. В особом послании Папа внес свое «уточнение», или «разъяснение», согласно которому польза икон только в том, что неграмотные могут через иконы познакомиться со Священной историей [П, 3, т. II, с. 63]. Это «уточнение» поразительно совпало с суждениями иконоборцев из числа «умеренных». Так, Феодор Студит пишет, что читал одну иконоборческую книгу, где говорится, что иконы нужны только в назидание простому народу, а не для просвещенных (там же, с. 73). Подобное суждение для иконоборца даже какой-то шаг «вперед», но Римский Папа обнаружил удивительную узость мышления в сравнении с глубиной православного учения об иконопочитании. Вплоть до наших дней иконопочитание, во всяком случае, развитие церковной живописи, в Римской Церкви находится в тесной взаимосвязи с оценкой, которая была дана тогда Папой.

¹⁵ На наш взгляд, этот срок может быть объясним тем, что как раз в 853 году болгарский царь Борис возобновил с Византией договор о дружбе. Отношения с Болгарией были у империи очень напряженными, сложными. Разрядка 853 года могла вселить надежды на примирение в связи с христианизацией Болгарии. Тогда и мог быть сделан святым братьям Константину и Мефодию «заказ» на создание славянской письменности. Но вскоре обстановка вновь осложнилась, и труды святых братьев на время остались без применения.

¹⁶ Сомнения некоторых ученых в том, что Константин победил в споре Иоанна Грамматика, основаны только на представлении о юном возрасте Константина, а потому, в свою очередь, весьма неосновательны...

¹⁷ В последнее время в печати появились любопытные сообщения об исследованиях физика Л. Сотниковой в области языка. Она исходит из древнего представления о соответствии букв алфавитов определенным числовым их значениям, в результате чего смысл слов и выражений устанавливается суммами числовых значений букв, из которых они состоят. По отношению к священным текстам в древности придерживались абсолютной точности буквенного (числового) состава слов (в текстах житейских, обыденных это правило могло не соблюдаться). Числовые меры слов подчинены общим законам гармонии и соизмеримости. При этом основой, исходным пунктом, гармонизирующим началом всюду, в том числе и в языке, является свет. В славянском языке «свет» – синоним мысли, сознания, просвещения. Отсюда нетрудно заключить, что буквенный состав слов и числовые меры церковнославянского языка создавались святыми Кириллом и Мефодием по особому откровению Бога – источника «Света истинного», несозданного Троического света (см., например, статью: Н. Дико и А. Сучкова. Расшифрована тайна бога света? – Московские новости, № 6, 12 февраля 1984).

¹⁸ Значит, в этой церкви совершалось богослужение. Но на каком языке? Возможно, уже на славянском.

¹⁹ Автор не согласен с мнением В. Н. Татищева и других, что княгиня Ольга во время путешествия в Константинополь была в пожилом возрасте. Скончалась она не в глубокой старости, как принято думать.

²⁰ В Софийском храме в Константинополе долго хранилось как реликвия золотое с украшениями блюдо — дар храму княгини Ольги, которое видели и наши путешественники (см. [Ц, 14, с. 280]).

²¹ Неслучайность и ~~знаменательность~~ имени «Елена» отмечают и современные ученые (см. [Ц, 12, с. 369]).

²² Эти упоминания западных источников связаны с неудавшейся миссией в Русскую землю специально посвященного во епископа Руси немецкого монаха Адалберта. Хроника «Продолжатель Регинона» под 959 годом сообщает: «Пришли к королю (Оттону I. — Авт.), как после оказалось, лживым образом, послы Елены, королевы ру-сов, и просили прислать для этого народа епископа и священников». В соответствии с этой «просьбой» и был посвящен епископ Адалберт и отправлен на Русь. Но под 962 годом та же хроника сообщает, что он вернулся назад, «ибо не преуспел ни в чем том, для чего был послан, и видел все свои старания напрасными. На обратном пути некоторые из его спутников были убиты. А сам он с великим трудом едва спасся». Титмар Мерзебургский говорит, что Адалберт был из Руси «изгнан язычниками». А Гильдесгеймская хроника под 960 годом, описывая те же события, подтверждает, что «послы» Елены «во всем солгали». Отсюда ясно, как убедительно показывает С. М. Соловьев, что здесь имела мес-

то чистейшая авантюра каких-то варягов, выдавших себя за послов Руси, просящей будто бы себе священноначалия Римской Церкви, чтобы получить богатые дары и почести немецкого двора и духовенства. Ольга не посылала послов с такой просьбой в Германию. Это явствует из западных и иных свидетельств (см. [II, 14, с. 297; II, 15, с. 312]).

²³ В этой книге по данной теме, как и по другим, приведен достаточно полный обзор историографии вопроса с разбором мнений различных ученых в сопоставлении с анализом современных достижений науки.

²⁴ Вспомним хотя бы знаменитое дело о незаконном втором браке Константина VI, вызвавшем в 90-е годы VIII века большие споры и справедливые обличения преподобного Феодора Студита [II, 3, т. II, с. 63].

²⁵ Сага передает события в пользу Олафа в искаженном виде. В ней Олаф склоняет Владимира ко крещению. На деле должно было быть наоборот: Владимир повлиял на Олафа, так как последний принял крещение со своим народом, как известно, в 993 – 995 годах (ср. V, 4, с. 581).

²⁶ Никак нельзя согласиться с мнением некоторых историков Церкви, в частности А. В. Карташева, о том, что свидетельство летописи о выборе вер – «нелепая идея» или «сказка» (см. [II, 6, т. 1, с. 110, 119]). Ниже мы покажем, почему летопись заслуживает доверия.

²⁷ На существование нескольких не дошедших до нас сочинений равноапостольного Кирилла есть указание в

тексте его Жития (см. [I, 3, с. 83 и в комментариях примеч. 21, с. 121]). О возможной принадлежности Кириллу того трактата, который лег в основу «Исповедания» Мефодия см. там же, комментарий, с. 143.

²⁸ В позднейших Житиях князя Владимира из этого положения неудачно пытаются выйти, утверждая, что к Владимиру приходил тоже Кирилл Философ, но не тот, что был просветителем славян, а другой, с таким же именем и прозванием [I, 4].

²⁹ В Житии Константина (Кирилла) есть основания для такого предположения (см. [I, 3, с. 83 и примеч. 31, с. 121]).

³⁰ В ряде мест мы вынуждены были исправлять русский перевод по славянскому оригиналу в целях более точной передачи духовного смысла слов и выражений.

³¹ То, до чего в наше время приходится подчас доходить путем сложных богословских изысканий, в древности, оказывается, было хорошо известно и понимаемо (см. нашу статью «Духовное преображение творения...» Журнал Московской Патриархии, 1983, № 7).

³² Лихачев Д. С. везде слово «жидове» переводит как «евреи», что неверно. «Жидове» — в славянском тексте всегда иудеи, так как этим словом обозначается религиозная принадлежность. Когда же летописец говорит о чисто национальном происхождении, он так и пишет — «евреи». Поэтому мы переводим в нужных местах — «иудеи».

³³ Перечень основных работ, отражающих полемику по данному вопросу, см. в списке литературы.

³⁴ В цитатах из летописи мы вновь должны были исправлять русский перевод издания по славянскому тексту, так как русский перевод страдает очень существенными неточностями.

³⁵ «Греческими» и «царицыными» прибывшие архипастыри и пастыри могли быть названы в связи с их канонической принадлежностью Константинопольскому Патриархату, а не в соответствии с их национальностью. Иоакимовская летопись и некоторые Жития князя Владимира говорят, что прибывший в Херсонес и возглавивший Крещение Руси митрополит Михаил был болгарин, а в Никоновской летописи он назван сирийцем, в иных источниках греком. Но, вероятно, правы те, кто полагает, что он болгарин [II, 9, с. 43 – 44 с примеч.].

³⁶ Ср. с нашим примечанием 14, в котором говорится о несогласии Папы Римского с догматом VII Вселенского Собора и об «уточнении», которое сделал Папа по поводу иконопочитания.

³⁷ Если сравнить это последнее наставление с «беседой философа», где говорится (якобы князю Владимиру), что вера Римской Церкви «лишь немного отличается от нашей», то станет ясно, что перед нами документы двух эпох. Наставление Владимиру от слов «не принимай учения от латинян» и до слов «Бог да сохранит тебя от этого» сделано, несомненно, в конце X века. В таком случае слово «философа» принадлежит IX столетию.

Уместно заметить, что после такого наставления против «латинян», какое получил Владимир, тем более не могло быть речи об участии Римской Церкви и ее миссионеров в Крещении Руси.

³⁸ В связи с этим было установлено ежегодное празднование 1 (14) августа с освящением воды. Впоследствии оно соединилось с праздником Происхождения (изнесения. – *Авт.*) честных древ Животворящего Креста Господня, Воемилостивого Спаса и Пресвятой Богородицы и было забыто как память Крещения Руси.

³⁹ И кроме того, 11 мая – день освящения храма Святой Софии в Киеве при княгине Ольге.

⁴⁰ По этому поводу см. изложение православного учения о Поместной Церкви в свете учения о соборности Высокопреосвященным Филаретом, митрополитом Киевским и Галицким. – Журнал Московской Патриархии, 1981, № 10, с. 8.

⁴¹ Мы употребляем слово «национальная» в применении к Церкви в скобках, ибо оно лишь отчасти характеризует Церковь Поместную, представление о которой нельзя сужать до национального признака. Например, в Русской Церкви могут пребывать люди любых национальностей и пребывают ныне представители народов нашей страны и зарубежных стран. Но тем не менее наша Церковь справедливо называется Русской Православной ввиду историко-духовной основы и ядра – русского православного народа.

Источники и литература

1. Источники

1. Повесть временных лет. — В кн.: «Памятники литературы Древней Руси» (XI — начало XII века). М., Художественная литература, 1978. Перевод и комментарий акад. Д.С. Лихачева.

2. Иаков Мних. Похвала равноапостольному князю Владимиру и Житие блаженного Володимера. — В кн.: Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Т. 1. СПб., 1868. Приложения I и II, с. 255 — 263, 264 — 268.

3. Житие Константина, Житие Мефодия, «О письменах» Черноризца Храбра. — В кн.: Сказания о начале славянской письменности. М., 1981. Вступительная статья, перевод и комментарий Б. Н. Флори.

4. Минеи Четьи. XVIII в. Июль.

5. Геродот. История в девяти книгах. Кн. IV. Л., Наука, 1972.

6. Памятники византийской литературы. М., 1968 – 1969.

7. Бароний Цезарь. Деяния церковные и гражданские от Рождества Христова до 1198 года. М., 1915.

8. Степанос Таронский. Всеобщая история. М., 1864.

II. Фундаментальные труды общего характера

1. Афанасьев А. Н. Древо жизни. Избранные статьи. М., Современник, 1982.

2. Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Т. 1. М., 1900.

3. История Византии в трех томах. М., Наука, 1967.

4. История Киева. Древний и средневековый Киев. Т. 1. Киев, Наукова думка, 1982.

5. Йегер Оскар. Всеобщая история в четырех томах. 5-е изд., СПб., 1896.

6. Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. 1. Париж, Имка-Пресс, 1959.

7. Любавский М. К. Лекции по древней русской истории до XVI века. М., 1918.

8. Макарий (Булгаков), митрополит. История христианства в России до равноапостольного князя Владимира, как введение в историю Русской Церкви. СПб., 1868.

9. Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. Т. 1. СПб., 1857.

10. Памятники византийской литературы. М., 1969.

11. Русская Православная Церковь. Издание Московской Патриархии, 1980.

12. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII – XIII вв. М., 1982.

13. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981.

14. Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1980.

15. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. I. М., Наука, 1962.

16. Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. Кн. I. М., 1773.

17. Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь. 2-е изд. М., Изд. полит. литературы, 1983.

III. Некоторые специальные работы

1. Аверкий, архимандрит. Крещение Руси и заветы св. князя Владимира русскому народу. Мюнхен, 1949.

2. А. М. Воскресение чаемое или восхищаемое? – Богословские труды, 1983, вып. 24.

3. Василевский В. Г. Русско-византийские отрывки. – Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1877, с. 181.

4. Живов В. М. Мистагогия Максима Исповедника и развитие византийской теории образа. В кн.: Художественный язык средневековья. М., 1982.

5. Замойский Л. Каменщики империализма. — Иностранная литература, 1983, № 3.

6. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. М., 1855.

7. Иоанн (Кологривов), иеромонах. Очерки по истории русской святости. Брюссель, 1961.

8. Ламанский В. И. Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник. М., 1904.

9. Лебедев Л., протоиерей. «О единстве человечества». — Журнал Московской Патриархии, 1983, № 5.

10. Его же. Духовное преображение творения в православном богослужении. — Журнал Московской Патриархии, 1983, № 7.

11. Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. — Богословские труды, 1972, вып. 8.

12. Ляшевский С. История христианства в земле Русской с I в. по XI в. Балтимор, 1968.

13. Никитин В. А. Православие в Киевской Руси. — Журнал Московской Патриархии, 1983, № 1.

14. Папюс, доктор (33-я, 90-я, 96-я). Генезис и развитие масонских символов (то, что должен знать мастер). СПб., 1911.

15. П. У. Святой равноапостольный князь Владимир и его духовное наследие. — Журнал Московской Патриархии, 1985, № 8.

16. Рапов О. М. О дате принятия христианства князем Владимиром и киевлянами. — Вопросы истории, 1984, № 6.

17. Розен В. Р. Император Василий Болгаробойца. СПб., 1883.

18. Феодор Студит. Творения. Т. 1. СПб., 1907.

19. Филарет (Денисенко), митрополит Киевский и Галицкий. Речь при вручении ему диплома доктора богословия *honoris causa* богословского факультета им. Яна Гуса в Праге. – Журнал Московской Патриархии, 1984, № 10 – 11.

IV. Работы, отражающие ученую полемику по вопросам о времени и месте крещения князя Владимира и киевлян

1. Бертье-Делагард А. Л. Как Владимир осаждал Корсунь. – Известия отделения русского языка и словесности Акад. наук, 1910, т. XIV, кн. 1.

2. Звитневич В. З. О месте и времени крещения святого Владимира и о годе крещения киевлян. – Труды Киевской Духовной Академии, 1888, № 1.

3. Занков П. М. О крещении Руси. СПб., 1888.

4. Л. 1-е августа. Историческая заметка о крещении Руси. – Московские епархиальные ведомости, 1871, № 30.

5. Лебединцев П. Как и где совершилось крещение киевлян при св. Владимире? – Киевская старина, 1887, т. XIX.

6. Линниченко И. А. Современное состояние вопроса об обстоятельствах крещения Руси. — Труды Киевской Духовной Академии, 1877, № 12.

7. Поппэ А. В. О причине похода Владимира Святославича на Корсунь в 988 — 989 гг. — Вестник Московского университета, серия — история, 1978, № 2.

8. Преображенский В. Св. равноапостольный князь Владимир и крещение русского народа. СПб., 1887.

9. Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси. — Записки историко-филологического факультета СПб. университета. — СПб., 1913.

10. Соболевский А. И. В каком году крестился св. Владимир. — Журнал Министерства народного просвещения, 1888, № 5.

11. Фортинский Ф. Я. Крещение князя Владимира на Руси по западным известиям. — Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. Кн. 2, отд. II. Киев, 1888.

12. Шахматов А. А. Корсунская легенда о крещении Владимира. — В сб. статей в честь В. И. Ламанского. СПб., 1906.

13. Его же. Один из источников летописного сказания о крещении князя Владимира. Харьков, 1904.

14. Шестаков С. П. К вопросу о месте крещения св. Владимира. Казань, 1908.

V.Пособия

1. Археология СССР. Восточные славяне в VI – VIII вв. М., 1982; Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

2. Словарь русского языка XI – XVII вв. М., АН СССР, 1975.

3. Булгаков С. В. Настольная книга для священно-церковно-служителей. 3-е изд., Киев, 1913.

4. Настольная книга священнослужителя. Издание Московской Патриархии, 1979, т. 3.

5. Большая Энциклопедия под ред. С. Н. Южакова. Т. 17. СПб., 1904. – Славяне.

Содержание

Предисловие 4

«Откуда есть пошла Русская земля...
и откуда Русская земля стала есть» 9

Происхождение славян 16

Рождение Руси «по плоти» 32

Нравы и совесть Русской земли 49

Русское язычество 72

Оглашение 129

Выбор 162

Святое Крещение 194

Во Христа облечение 282

Ссылки и примечания 299

Источники и литература 312

Издано при участии храма
Казанской иконы Божией Матери

Подписано в печать 03. 02. 03. Формат 84х108 1/2
Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура «Школьная»
Усл. печ. л. 16,80. Тираж 10000 экз. Заказ **1891**

Издательство «Русский Хронограф»

Адрес издательства: 127018, Москва, Стрелецкая ул., 3.

ФГУП Владимирская книжная типография
600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, д. 7
Качество печати соответствует качеству представленных диапозитивов